

АСАРХИЛОВ

СКВОЗЬ ЛЁД И СНЕГ

ЧАСТЬ III

ОСТРОТА ПРЕВОСХОДСТВА

Алексей Сергеевич Архипов
Сквозь лёд и снег. Часть
III. Острота превосходства

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510447
SelfPub; 2024*

Аннотация

Уважаемые читатели, представляю вам третью часть моего романа. Как и две предыдущих отношу её к вступительным. Желаю приятного и интересного прочтения. С уважением, Архипов Алексей.

Алексей Архипов

Сквозь лёд и снег. Часть

III. Острота превосходства

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Итак, в который раз я приветствую вас, дорогие читатели, на страницах уже теперь третьей части моей фантастической истории о приключениях сновигаторного мира, который, несомненно, является на сегодняшний день практически единственным с точки зрения технического прогресса, реально возможным в ближайшем недалёком будущем. И, конечно же, благодаря вашему покорному слуге, сегодня мы вместе с вами можем взглянуть на этот мир с той позиции, которая создаёт для нашей страны неоспоримое преимущество перед мировой культурой в отношении продуктивных форм развития собственных технологий, а не бесконечных амбиций, фантазий и заблуждений о каких-то сверхъестественных и порой даже неадекватных субстанций и структур, которые постоянно пытаются создавать угрозу извне по бесконечно необъяснимым причинам, разнящимся с естеством нашего бытия.

Несомненным является и то, что параллельно с развитием космоса и его новых технологий, мы должны максималь-

но приближать к себе способы постижения и своего Земного пространства независимо от мест и условий пребывания в них. Любому здравомыслящему инженеру хорошо известно, что окончательная победа в достижении нового технического скачка вперёд всегда и везде складывалась из множества конструктивных экспериментальных форм, которые предшествовали итоговому результату на протяжении долгого времени своего развития и становления. Таким образом, сегодня, и как бы мне не хотелось, возможно, уйти от этого признания по ряду определённых причин, здесь, именно на территории Российской Федерации мы можем говорить с вами о возникновении не только истории, но и новой формы передвижения с помощью моего изобретения под названием «Сновигатор», которое возможно когда-нибудь в недалёком будущем позволит осваивать не только полярные районы нашей планеты, но и другие планеты и спутники нашей Солнечной системы.

Переходя к сути и настроениям романа, я сразу хочу сделать оговорку, что все возможные предрассудки, настроения и прочие психологические факторы абсолютно никак не касаются моего какого-либо отношения ко всему. Всё это просто полёт моей творческой фантазии без лишних подноготных, и никакие мнения с моими личными взглядами на происходящее вокруг не были специально завязаны в этом произведении, а являлись случайными, отражающими непринуждённую форму выражения собственных мыслей.

В заключении я хочу добавить, что на этой сформировавшейся по своей литературной структуре трилогии, я не заканчиваю свои поиски в данном жанре произведений, а, напротив, в скором времени собираюсь продолжить развитие эпопеи «Сквозь лёд и снег» и представить обывателю ещё одну, по крайней мере, часть, которая пока не имеет названия, но имеет заложенный порядок развития своего сюжета.

ГЛАВА I. НАЧАЛО ЭТАПА ПОДГОТОВКИ.

По длинному коридору раздавались размеренные монотонные шаги. Высокий плотно сложенный человек в чёрных классических туфлях, чёрных брюках стрейч и чёрном плотном свитере с высоким воротником спокойно и уверенно двигался в холодном полумраке мимо больших окон, то и дело сворачивая в очередные лабиринты, казалось бы бесконечных переходов, поворотов и лестничных маршей. Слабый дневной свет от пасмурного неба сквозь частично затонированные оконные стёкла периодически проскальзывал по его каменному лицу, наполненному невозмутимостью и даже некоторым утомлённым равнодушием. Внезапно раздался рингтон мобильного, играла незатейливая мелодия песни Жанны Фриске «А я всё летала, но я так и знала...» Человек, не останавливаясь, достал свой телефон из заднего кармана и низким хриплым голосом коротко ответил: «Да...»

В ответ некоторое время слышалось долгое синтетическое шуршание мобильного динамика, разнося резонансом высоких стен и потолков смену интонации говорящего.

– Хорошо, я понял! – послышался короткий и утвердительный ответ, – я сейчас в госпитале несу заключение на подпись.

Наконец человек дошёл до окончательной точки своего маршрута, впереди показалась большая тяжёлая дверь с надписью «Главврач Молотов Александр Николаевич». Подойдя вплотную, человек потянул за массивную дверную ручку из нержавеющей стали и дерева и скрылся за дверью.

– Здравствуйте, моя фамилия Зордин, – сказал вошедший, сидящему в большом глубоком кресле человеку в белом халате, из под которого явно выражено выступала рубашка с галстуком между белоснежными, аккуратно отглаженными до атласного состояния, лацканами воротника.

Судя по могучему торсу и шейно плечевому сложению мышц сидящего можно было сделать вывод о том, что главврач по основной специальности был скорее всего хирургом.

– Что вы хотели? – коротко и серьёзно спросил он.

– У меня заключение на подпись, – прозвучал ответ.

– Давайте сюда!

Вошедший сделал несколько шагов вперёд и протянул пачку листков скреплённых степлером.

– Вот... – произнёс он, немного замявшись.

– Почему так неуверенно?! – жёстко переспросил сидя-

щий в кресле и тут же продолжил, – как вы сами считаете, вы готовы вновь перенести те же травмы или ещё один раз для вас будет последним?

– Да, готов, – уверенно ответил Зордин.

– Хорошо! – произнёс сидящий в кресле и быстро с некоторой небрежностью написания рецептов поставил свою подпись в последнем листе.

Зордакс возвращался по коридору с ощущением какого-то долгого путешествия по загробному лабиринту в единственную освещённую в нём далёкую комнату со странным одиноким, но в то же время всемогущим существом, окружённым скукой и таинственностью. Даже фикусы на подоконнике казались скучными и наводили уныние своей вечной стабильной безмятежностью. Хлопнув дверью Гелентвагена Зордакс направился в московскую штабквартиру Корпорации «Polar Navigation», где его уже ждали со всеми документами для дальнейших указаний.

– Значится так! – тяжёлым, напряжённым голосом начал свой рассказ начальник штаба управлением командованием и опёрся перед собой двумя руками о стол, наклонившись над ним с довольно угрожающим и разъярённым видом, – эти, мать его, клоуны прислали нам свои новые утверждённые правила и сейчас я буду вам их излагать!

В аудитории в гражданском сидели семь человек в различных социальных позициях: кто-то был похож на школьника за партой, внимающего учителю с изрядной долей энтузиаз-

ма, кто-то в летних шортах, закинув ногу на ногу и раскинув руки по сторонам, склонив голову к плечу и с идиотским выражением лица нагло жевал жвачку, а кто-то надолго ушёл в свой смартфон, оставляя впечатление человека сугубо вовлечённого в суть происходящего и поэтому способного работать сразу двумя полушариями головного мозга на все сто процентов.

– Американская сторона построила у себя высокотехнологичный комплекс турнирных трасс сложной конфигурации и структуры и теперь зовёт нас в гости! – размеренно слово за словом выдавливал из себя полковник командным голосом, – этот комплекс разделён на два сектора: первый – под названием «Каркас» («Carcass») и второй – с эпичным названием «Карусель Дяди Сэма» («Uncle Sam's roundabout»). Только, подумать, они сейчас на карусели нас будут катать, понимаешь ли!

Обстановка в аудитории потихоньку накалялась, несмотря на отсутствие изменений в поведении присутствующих. Полковник говорил, абсолютно не обращая внимания на чью-либо заинтересованность, без остановок, как бы даже в основном для себя, а не для кого-то ещё, но при этом это было только внешнее ощущение, на самом деле слушали все, так как говорилось всё один раз.

– На этой позиции наши дорогостоящие друзья, – продолжал он с долей злого сарказма в голосе, – выдвинули целый свод правил предстоящего турнира, который безо всяких об-

суждений и согласований с другими участниками был утверждён и подписан нашим «высокопреосвященным могуществом и всея Антарктиды», чтоб его, Архипом Великим.

На этом месте некоторые из присутствующих сделали небольшую дружную ухмылку.

– Смешно будет, когда мы через три месяца обделаемся перед всеми на этом турнире как маленькие дети! – сердито отреагировал полковник, не меняя интонации – итак, весь турнир построен на принципе «охотник – жертва» («Hunter – Victim»). В качестве «охотников» будут выступать четыре американских пилота, натренированных на этих трассах как штурмовая группа спецназа. Да вам и в прошлый раз немало показалось. К уже известным вам Джокеру, Малышу Хью и Снеговику они добавили девку, некая Джесси Кроус (Jessie Croce), позывной «Little Coldy». Охотники делятся на две пары, каждая контролирует только свой сектор. Задача охотника не дать жертве выйти из своего сектора, иначе говоря, затруднить или полностью лишить возможности сновигатор жертвы продолжать движение. В конечном итоге это может выглядеть как поворот машины или выход из строя её рулевых механизмов и энергетических установок. Данный результат достигается совокупностью методов и следственных причин, таких как повороты сновигаторов при прохождении трамплинов, заносах на сложных виражах и ударных корпусных нагрузках различной степени тяжести при попадании энергоимпульсных зарядов при обстреле цели из

соответствующего типа оружия. Такая концепция турнира абсолютно вписывается в разновидность состязаний под названием «Snow Battle», поэтому у нас нет никаких поводов для возражений, и мы должны принять эти условия так, как есть. Что касается участников турнира, то их в этот раз за исключением американских пилотов будет семнадцать человек. Всего вместе с США девять стран участниц. Мы посылаем всю вашу группу, то есть семь человек. Германия, Япония и Китай – по два пилота, Великобритания, Франция Швеция и Финляндия – по одному пилоту. Всего было принято провести семь заездов по три пилота на каждый заезд в качестве этих самых «жертв». Сортировать вас будет компьютер, но из-за доминирующей численности именно вы будете участвовать по одному пилоту в каждом заезде, а одиночные представители стран участниц будут участвовать в двух заездах. Таким образом, ваша численность будет компенсироваться для них возможностью пройти этап ещё раз, используя шанс исправить допущенные ошибки. У вас такой возможности не будет и вам придётся профессионально ориентироваться и хвататься за удачу сразу. Переговоров в эфире не будет, связь будет только с личным диспетчером для безопасности. Переговариваться могут только «охотники». Каждой «жертве» необходимо пройти оба сектора и финишировать, используя тактики, манёвры, оружие и собственный психологический опыт, в быту именуемый чутьём. У вас не повредилось чутьё, пилот Зордакс?! – внезапно отвлёт-

ся полковник с явным издевательским интересом, исполненным риторической сути и усмешки.

Зордакс в ответ молча кинул на него угрюмый взгляд исподлобья.

– Хи – Хи?! – продолжал полковник, подразумевая недавние смешки среди членов группы, – сейчас я вам расскажу про «Хи – Хи»!.. По предварительным оценкам наших аналитиков вас направляют в логово для уничтожения. Формально конечно вы ответственности никакой не несёте, но вот с практической точки зрения победители получают серьёзные суммы денежных выигрышей от легального тотализатора на мировом уровне, а проигравшие – разбитые машины высокой стоимости, это хорошо ещё, если обойдётся без травм. А уж о чести и престиже страны я вообще молчу. При этом ходят слухи... слухи, понимаешь ли заходили! Что приоритетной целью для американских охотников на этом турнире будете вы, то есть российская сторона. Как вам это нравится?! Объясню более конкретно, с точки зрения военного стратега, я ведь военный стратег, если кто здесь не знает. Каждый из вас выходит на турнир с двумя пилотами из других стран, и, прямо с первого сектора именно вас начинают жёстко прессовать, а попытка на дистанции для каждого из вас всего лишь одна. И если даже вам удастся оторваться от преследования в первом секторе, то во втором вы будете иметь переутомлённый организм и двух свежих охотников с той же мотивацией. Вот такая вот «Карусель Дяди Сэма»!

Полковник немного расслабился и передёрнул плечами. Он молча прошёлся вперёд – назад мимо переднего ряда и, вернувшись к столу, продолжил.

– Завтра вы отбываете на материк. В течение трёх месяцев вы будете отрабатывать стратегию, приёмы и технику взаимного обстрела. Техники заодно посмотрят, на слабые и уязвимые места ваших сновигаторов. Пилот Аксель привыкнет к новому для него типу машины «Gipper Scuder», так как модель сновигатора «Spector» наш «непреклонный командантэ», Архип Великий, благополучно и с концами продал англичанам, как вы уже наверно слышали. Говорят, они его очень серьёзно прокачали и собираются на этом турнире всем продемонстрировать, на что способна сегодня современная индустрия машиностроения Британской Короны. Меня это в данном случае несколько не пугает, так как у нас есть серьёзные конкурирующие машины, и мы в них по всем критериям абсолютно уверены!

Полковник отошёл к кулеру для воды, стоящему неподалёку от входа, выдернул пластиковый стаканчик из специального отверстия в его корпусе и налил холодной воды. После чего моментально осушил его и, смяв стакан резким сжатием своего массивного кулака, бросил его в урну, стоящую рядом. Потом он развернулся к группе и уже более спокойным голосом гораздо тише обычного коротко произнёс:

– Теперь вопросы...

– Нас допустят до тренировок на этих трассах или мы бу-

дем работать только на наших полигонах? – спросила Фрэн.

– Сейчас идут переговоры, – прозвучал ответ, – этим занимается подполковник Сударева, но скорее всего это будет единственный выезд к ним на станцию с малым количеством часов в виде серии ознакомительных заездов.

– Но позвольте, – вмешался Хэлбокс, – это противоречит всем нормам спортивных соревнований! Мы должны хорошо знать все тонкости этих трас для того, чтобы показать какой-то результат в предстоящей схватке.

– Они, то есть Кабинет Высшего Управления, не совсем считают эти соревнования спортивными. Мы никак не связаны с Международным Спортивным Комитетом, поэтому опираться на какие-либо нормы в своих доводах по данному вопросу мы не можем. Американцы очень просто нас успокоили, заявив, что интервалы между препятствиями на трассах достаточно велики, для того чтобы пилоты даже средней квалификации успевали в них вовремя среагировать. И сами трассы из-за этого достаточно протяжённые. Подробные карты этих трасс они предоставляют всем участникам. Используемые трамплины вполне стандартные и есть на каждом тренировочном полигоне, а составлять расписание, дополнительно обслуживать трассу, брать на себя хлопоты по внеплановому содержанию гостей, а также демонстрировать тактику тренировочных заездов своих пилотов они совершенно не намерены и считают своим естественным правом этого не делать. Поэтому, вы, скорее всего, прокатитесь по

одному разу прямо перед самым турниром, ну может быть несколько раз, но пострелять не получится – коммуникации слишком дорогие, чтобы менять их ещё до начала соревнований. Короче, на самом деле всё у них есть, но только для себя. Для себя они всё заменят и сделают. Всё остальное – банальные отговорки для того, чтобы не рисковать преобладанием над ситуацией, а именно не допустить потери контроля над профессиональной конкуренцией в данной среде. Но есть и другая сторона этого вопроса... Это их собственная инициатива, их деньги и поэтому им решать. Они – хозяева в данной ситуации, нас просто приглашают померяться силой, наш профессиональный уровень – это наши проблемы, то есть теперь ваши. Поэтому от вас требуется максимальная отдача и однозначный результат. Как говорится «Партия сказала победить!», а каким образом это уже никого не и интересует. Во время Второй Мировой Войны ваши героические предки неоднократно добивались успеха на этих же принципах, но в гораздо худших условиях. Постарайтесь теперь и вы не опозорить память этих героев!

– Я вот не могу понять, – начал Джонс, – а каким образом мы должны там отстреливаться от этих охотников, если они выходят за нами, а в задачу поставлено прохождение секторов? То есть я, как жертва, должен всё время уходить от них, двигаясь как можно дальше вперёд и уклоняться от обстрелов, зачем мне в этом случае оружие на борту – это лишняя сотня килограммов снаряженной массы?

– Я понял вопрос, хотя этот вопрос не ко мне, – твёрдо ответил полковник, – дело в том, что трассы, то есть сектора имеют не совсем прямолинейный периметр. Во время гонки вы будете совершать круговые повороты, объезды объёмных препятствий, искусственных склонов в виде снежных насыпей и тому подобное. В основе подразумевается, конечно же, следование в определённом направлении к выходу из сектора, но это не значит, что вам придётся избежать долгих взаимных погонь друг за другом и прочих запутанных схем проведения контратак. Поэтому во время гонки вы вполне можете не один раз оказаться позади охотников и также вести по ним стрельбу на предмет уничтожения помех для дальнейшего продолжения гонки. Вы должны понять, что даже если охотники пристроятся именно к вам, а так оно, по-видимому и будет, то от того, сколько жертв перед вами зайдёт в следующий сектор зависит то, как спокойно вы его пройдёте, так как охотники атакуют сразу любые вновь появившиеся жертвы в зоне их досягаемости и жертвы также атакуют охотников. Короче, не вы одни будете с ними воевать.

– Почему бы тогда для жертв не сделать общий эфир? – внезапно спросил Зордакс, – это было бы более справедливо.

– Забудь про эфир! – резко отозвался полковник, – ты думаешь, мы на переговорах не поднимали эту тему? Вам даже запрещён предварительный сговор с пилотами других стран под угрозой очень отягчающих последствий.

– Из-за чего это вдруг? – переспросил с удивлением Зор-

дакс.

– Из-за тотализатора! По всему миру организован он-лайн тотализатор. Ваш сговор будет рассматриваться как попытка намеренной подтасовки конечного результата, за это вас однозначно ждёт снятие с турнира плюс штраф, который должны будут заплатить виновные стороны. Поэтому в гонке каждый сам за себя. Единственным объединяющим все жертвы фактором является их количество на количество охотников в каждом секторе. Чем больше жертв и меньше охотников, тем больше шансов дойти до конца.

– Хорошо, а что будет, если никто из нас вообще не сможет пройти эти сектора? – внезапно вмешалась Кэтрин недовольным тоном, – нам вообще не заплатят? Расформируют группу? Почему я должна просто так всё время трястись от волнения из-за того, что проиграю, да ещё и под ваши аналитические вероятности с однозначными заключениями о невозможности исправить ситуацию и перетянуть условия на свою сторону?

– А-а-а! – язвительно протянул полковник, – вот вы как сразу заговорили! Значит, я, по-вашему, должен расстелить там перед вами ковровую дорожку, чтоб вы по ней с комфортом горделиво прошагали, высоко подняв голову, а в конце всех поздравить с цветами и шампанским, расцеловать от счастья в щёки и раскланяться перед восторженными героями, понимаешь ли, нашей страны?! Я тут вообще-то с самого начала своего выступления как раз и обращаю ваше внима-

ние на всю эту подставу с «каруселькой» или вы что, думаете, что я как клоун здесь перед вами повываляться вышел?.. Что будет?.. Ничего не будет!.. Позор!.. А что ещё обычно бывает в таких случаях?.. Получите вы своё вознаграждение, дело не в этом. Я ещё раз повторяю, позиция у нас на этом турнире конкретная! Они будут зарабатывать деньги, а мы терпеть убытки и позориться, поэтому необходимо в сложившейся ситуации сделать всё максимально возможное, чтобы пройти эти сектора в каждом заезде! Ещё раз о тактике, чтобы дошло, наконец! Охотники погонятся сразу за вами, это преимущественная позиция, то есть вас прессуют, а ребята по соседству спокойно едут за премией. Отсюда должны истекать все ваши дальнейшие размышления о тактике поведения в заезде! Вот и думайте, как вы будете отрываться от всего этого, а уже потом планировать красивые манёвры. А то потом заплачете все вместе, что вас на первых милях сбили почему-то, а других нет. Теперь всё понятно?!

У всех сидящих в аудитории стали абсолютно одинаковые выражения лиц по сравнению со временем начала дискуссии. В простонародии такие выражения лиц обычно называются «козья морда». Они были наполнены тоски и угрюмости, печали и унылого страдания. Когда группа собиралась перед самым началом выступления, многие из пилотов мечтали о весёлом и радостном проведении состязаний с морем побед и достижений, неизгладимых впечатлений, ощущений праздника и бурей оваций. И вот теперь всё это превратилось

в ужасающую картину каторги с последующим расстрелом. Чуть затянувшуюся паузу снова прервал полковник:

– Судя по выражению ваших лиц и столь вдумчивого молчания, я могу с радостью для себя сделать вывод, что вы наконец-то всё поняли. С радостью, потому что в этом и заключалась моя миссия. Необходимо трезво смотреть на ситуацию, а не через репродуктивное место! – в голосе полковника проскользнула тонкая нотка юмора.

С этими словами полковник собрал со стола множество листов медицинских заключений, сбил их в аккуратную стопку, несколько раз ударив о поверхность стола, и напоследок обратившись к сидящим со словами: «К коменданту за билетами!», быстро вышел за дверь.

Группа расходилась по несколько человек. Некоторые до сих пор сидели и переваривали происходящее.

– Фрэя, ты идёшь? – спросил Джонс, остановившись у двери.

Фрэя очнулась, выйдя из альфа-состояния, повернула голову в сторону, где сидела Кэтрин, с несколько испуганной мимикой пытаясь её найти беглым взглядом.

– Я пошла, дорогая. Наберёшь меня вечером, – сказала она Кэтрин.

– Да, я тоже иду! – отозвалась она, – Акс, «летс гоу» отсюда!

– Ты что будешь делать?! – ткнул Вэндэра в бок рукой Хэлбокс.

– На мотоцикле покатаюсь, – пробубнил под нос Вэндэр.

– Хорошо, а я в клуб, наберёмся, – ответил Хэлбокс.

– С утра мне только не звони, даже если девочки будут очень красивые.

– Окей, зануда! – отозвался Хэлбокс уже на выходе.

Вэндэр посидел ещё немного, а потом спросил у Зордакса:

– Ты идёшь?

Зордакс ничего не ответил, тогда Вэндэр спокойно вышел за дверь, а Зордакс так и сидел во всём чёрном, как на похоронах и тупо смотрел в пространство перед собой в одиночестве. В его голове мелькали мысли о том, что он вот так вот сидит и смотрит в никуда и это наверно неплохо смотрится со стороны. Что он вдруг влился обратно в коллектив, спустя целую миссию и как будто ничего не происходило во-все. И вот сейчас, когда должно было быть какое-то другое событие, похожее на демпфер между его травмой и новыми заданиями, что-то вроде вечера разговоров и новостей, произошло резкое вливание в жёсткую ситуация без эмоций, без претензий, без каких-либо переживаний и чувств, как будто он никуда и не пропал и не было никакой драмы. Наступало даже некоторое раздражение, потому что на всё услышанное, внутри сразу просыпался какой-то зверь, который должен сам во всём разобраться, так как он самый сильный и крутой, как будто его принудительно тянут за хвост к этим неприятностям и ему это больше всех надо, а вторая половина хотела чего-то другого, мирного, спокойного и добро-

го. В этот момент он начал неожиданно подбираться к мыслям о Фрэе, но резко собрался, встал и направился в комендатуру, чтобы получить командировочный пропуск, билеты, деньги и подписать необходимые бумаги в связи с отбытием на станцию «Восток».

ГЛАВА II. СТАНЦИЯ «АВОА».

(все реплики в этой главе происходят на финском языке)

Абоа (финск. Aboa) 73⁰ ю.ш. 13⁰ з.д. – действующая научно исследовательская антарктическая станция Финляндии, созданная в 1988—1989 годах. Построена на нунатаке Басен у горного хребта Краули, что на Земле Королевы Мод. Расположена в ста тридцати километрах от побережья и в двухстах метрах от шведской антарктической станции Васа. Вместе станции образуют базу Нурденшёльд(Nordenskiöld basen).

– Арвид, посоветуй, куда поехать с семьёй. Хочу научить сына рыбачить, – спросил высокий молодой человек с вьющимися длинными волосами, сидя на скамье для жима.

В небольшом, но просторном зале раздавался ритмичный звук лёгких ударов, сопровождающийся жужжанием ленты беговой дорожки.

– Конечно в Пелло, Ханнес, лучше места тебе не найти, – отвечал на бегу второй коротко стриженный блондин сквозь частые вдохи и выдохи.

– Ты часто там бываешь?

– Не говори ерунды, Ханнес, скоро будет уже год, как я подписал контракт, а последние четыре месяца я вообще не вылезая с этой станции.

– Сколько же всего раз ты был там, Арвид?

– Успокойся, я бывал там несколько раз, к тому же мой брат, Вилле, недавно вернулся оттуда. Я видел фотки и говорю тебе – лучше Лапландии тебе места не найти.

– А как поживает твоя сестра?

– Ты про Солли?

– А что у тебя есть ещё сёстры?

– Да, у меня есть двоюродная сестра Хелка, она живёт со своими родителями в Лахти.

– Ты не говорил мне, что у тебя несколько сестёр. Чем она занимается?

– Работает на фабрике «Лухта» («Luhta»).

– Она шьёт одежду?!

– Нет, она бухгалтер.

– Она такая же красивая, как и Солли? Ты можешь показать мне её фото?

– Послушай, Арвид, ты уже запал на одну мою сестру, зачем тебе вторая?

– Ханнес, у тебя очень красивая сестра. Может быть Хелка такая же красивая, я хочу сравнить, вдруг она мне больше понравится.

– Может быть у неё есть друг, мы не виделись с прошлого

лета.

– О чём ты говоришь, Ханнес, я ведь единственный пилот в Финляндии такого уровня.

– Ты спекулируешь своим положением, Арвид, это не хорошо, им это может не понравиться.

Жужжание дорожки прекратилось. Вместо него начались звонкие короткие удары грузов на тренажёре.

– А она такая же молодая, как Солли?

– О, Боже, лучше бы я тебе вообще ничего не говорил, зачем я только вспомнил про неё?! Да ей тоже двадцать три, и она моложе Солли на два месяца. Ты правда хочешь познакомиться с ней?

– Ханнес, не пойми меня не правильно, я просто боюсь, что Хелка окажется красивее Солли, и тогда я расстроюсь, что не выбрал Хелку, я теперь ведь типа звезда.

– Ты ничего ещё не выиграл, Арвид, а уже говоришь, как чемпион.

– Это не важно. Я не боюсь проиграть. Зато я честно признаюсь тебе во всём, хоть это и выглядит немного смешно со стороны. Ведь это твои сёстры в конце концов и я не хочу навредить тебе.

– Я понял тебя, Арвид, только давай я покажу тебе её после соревнований.

– Почему, Ханнес?

– Понимаешь, дело в том, что если вдруг ты окажешься перед выбором, то излишние мысли будут тебе мешать во

время турнира. Ты должен быть сосредоточен на гонке, а не на романтике!

– Теперь ты точно создал интригу Ханнес. Зная тебя, я могу с уверенностью сказать, что Хелка однозначно красивая, а значит, мне придётся мучаться в неведении всё это время, понимаешь?

– Хитрец! Покажу тебе её после тренировки – а пока отстань, переходи к следующему тренажёру.

– Другой бы на твоём месте интересовался своими соперниками, а не моими сёстрами.

– Оставь, Ханнес, ты и сам всё прекрасно знаешь! Почему я должен волноваться? У меня прекраснейший термокомбинизон от Коламбиа («Columbia»), гермошлем Скот – Нокиа («Scott – Nokia»). Наш «Peloton» выполнен в соответствии с номинальными параметрами немецких и шведских сновигаторов. В машиностроении мы не уступаем нашим соседям: технические характеристики, материалы – всё идеально!

– Оставь, Арвид, ты же знаешь, я не об этом говорю. Сейчас речь идёт о личных качествах.

– Ты просто думаешь, Ханнес, что если я проиграю, то это навсегда изменит ситуацию в целом. Это ничего не изменит, я просто еду выступать. Да, я приложу все свои максимальные усилия, но я не собираюсь устраивать кровавые битвы из-за того, что весь мир должен узнать, кто самый сильный герой. Зачем мне это? Зачем тебе это? Качество, комфорт, профессионализм и безопасность – этого достаточно для хо-

рошего выступления. Остальное будет зависеть от уровня этих факторов. У кого он окажется выше, тот и победит, а прыгать выше головы от недалёкого ума. Рациональный подход должен быть во всём. Что там у нас следующее?

– Десять минут в сфере, потом отжимание.

Арвид залез в специальный трёх осевой тренажёр для вестибулярного аппарата, в каких тренируются лётчики и космонавты. Он пристегнулся, а Ханнес встал рядом с пультом управления.

– Готов? – спросил он.

– Да, запускай! – ответил Арвид.

– Что ж, на пятой минуте начнём как всегда с таблицы умножения, потом обратный счёт.

– Хорошо, – спокойно ответил Арвид.

Ханнес запустил тренажёр и взял в левую руку электронный секундомер, который висел на шее на широком жёлтом ремешке из полиэстера с двумя чёрными тонкими полосками посередине. В правой руке он держал красивую авторучку из белого пластика с эргономичным толстым трёхгранным корпусом и объёмной корпоративной эмблемой нескольких цветов. На небольшом специальном столике ниже пульта управления под его правой рукой лежал канцелярский планшет с прикрепленными таблицами на листах из тонкого пергамента. Сначала Ханнес засёк пятиминутный таймер. После того, как время кончилось, он снова засёк время и начал в определённом темпе громко перечислять в раз-

нобой варианты математических множеств из таблицы умножения:

– Шестью семь! Пятью восемь! семью четыре! Восемью три!..

В ответ Арвид также громко выкрикивал результаты, а Ханнес делал отметки в таблицах. Затем Ханнес перезасёк время и скомандовал:

– Теперь счёт!

Арвид начал быстро считать со ста в обратном порядке.

– Не вздумай закрыть глаза, Арвид! Я внимательно слежу за тобой! – серьёзно предупредил Ханнес.

Арвид продолжал считать, пока не дошёл до нуля. Тренажёр ещё некоторое время работал, после чего сам остановился. Арвид отстегнулся и вылез, а Ханнес достал из спортивной сумки электронный тонометр и принялся измерять у него кровеносное давление и пульс, параллельно ведя запись всё в тех же таблицах.

– Поздравляю тебя, Арвид! Показатели превосходные! – произнёс он в конце.

– Не хочу отжиматься, Ханнес, пойдём лучше поиграем в пинг-понг, – сказал Арвид после пятиминутного отдыха.

– Как скажешь, но в следующий раз ты от меня не откретишься, так и знай!

И они прошли вместе в другой зал, где стоял стол для пинг-понга и продолжили свою беседу, но уже в другом ритме.

– Скажи, Ханнес, если что-нибудь новое в моём расписании на неделю? – поинтересовался Арвид.

– Завтра у тебя небольшая фотосессия.

– На тему чего?

– На тему твоего оправления в дальний путь за победой.

Так будут называться статьи в финских газетах.

– «В дальний путь за победой»?! – переспросил Арвид с ноткой восторженного удивления.

– Именно! Тебе нравится? – спросил Ханнес.

– Да, это очень красивый заголовок! А что должно быть на фотографии?

– Ты на фоне своего сновигатора и ещё нам нужно будет сделать пару снимков ближним кадром для рекламы. Надо, чтобы нашивки на твоём комбинезоне и эмблема на гермошлеме были хорошо видны одновременно на одной фотографии. Шлем будешь держать в охапке, как пилоты Формулы один и улыбаться.

– Нет проблем! Я готов постараться!

– Проблемы есть. Я не могу придумать, что должно быть фоном, хотя его практически не будет видно, но не хотелось бы случайных подробностей в углах фотографии. Возможно, придётся немного побегать по станции со всей фотоаппаратурой, ты меня понимаешь?

– Конечно, я помогу тебе, не беспокойся!

– А когда выйдет газета?

– Через неделю, когда ты отправишься на Амунд-

сен-Скотт, и ещё будет маленькое интервью для телевидения, буквально минута – две не больше. Ответишь на пару банальных вопросов, посмеёшься в кадр и помашешь рукой землякам.

– Окей! – ещё белее радостно и легко ответил Арвид, совершая очередную подачу, – скажи, а как там моё предложение по поводу Ларса Олофсона (Lars Olofsson)?

– Ничего не получится, Арвид, извини.

– Почему, Ханнес? Что плохого в том, что мы вместе отправимся на турнир?

– Шведская сторона посчитала, что это может вызвать ненужное подозрение, а, вследствие этого и недовольство среди наблюдателей американской стороны. Спрашивать или выяснять никто не будет, это не в стиле Шведской Короны, поэтому обе наших стороны приняли однозначное решение следовать до Амундсен – Скотт порознь, то есть каждый самостоятельно. Независимость и хладнокровное спокойствие – вот лучший показатель Скандинавского Креста в данном случае.

– О, я понял тебя, Ханнес! Достаточно убедительное объяснение.

– Как тебе, кстати, понравился их «Снослаг» («Snoslag»)?

– Ты про внешний вид или про начинку? Мне непросто судить, я – пилот, мне нужно посидеть за штурвалом.

– Что бы ты сказал про него в целом? Что тебе не понравилось, например?

– Хм, ну ты знаешь, это порядком очень тяжело так сразу сказать. На мой взгляд у него слишком панорамная крыша. То есть кабина в целом выполнена из стекла. Это довольно эффектно и современно и, конечно же, удобно, но вот вопрос с надёжностью... Ведь нам предстоит обстреливать друг друга с довольно серьёзной интенсивностью. Хотя конечно защищающим барьером этого самого стекла они расположили эродинамику довольно оригинальной концепции, но всё равно остаётся очень много непонятного, Ханнес. Какое стекло? Насколько оно устойчивое? Хотя и так сразу можно только догадываться, сколько оно стоит. Неизвестно, что могли добавить туда ребята из Вольво (Volvo). Может оказаться, что это их какие-нибудь последние нано разработки, которые они ещё не применяли. А почему ты спросил?

– Мне было просто интересно узнать твоё мнение.

– Ты считаешь наша машина хуже?

– Нет, напротив, я достаточно уверен в нашей технике. Ты же знаешь, я также общаюсь с инженерами. Им будет интересно множество мнений, в том числе и твоё.

– Конечно, Ханнес, я понял тебя.

Внезапно раздался мелодичный звук, похожий на рингтон. Он донёсся с аккуратного маленького кожаного диванчика неподалёку, куда Ханнес кинул свой секундомер, чтобы он не мешал ему во время игры.

– Пора на обед Арвид, у тебя двадцать минут, чтобы приготовить и принять душ, жду тебя в столовой!

Пара быстро разошлась. В спортивном корпусе сразу стало заметно тихо, было только едва слышно далёкое гудение вентиляции где-то в недрах подвесного потолка. Через некоторое время интенсивность света сама резко упала, в комнатах автоматически включились кварцевые лампы.

ГЛАВА III. СТАНЦИЯ «ВОСТОК». ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ.

17:00, 24 октября 2034 года Главный Центр Управления Программы «Полярной Навигации», станция «Восток», основная аудитория.

– Ну что ж... я сегодня здесь собрала вас всех, чтобы провести последнее совещание перед выездом на соревнования, – начала своё выступление подполковник Сударева, стоя в форме перед аудиторией, – вы прошли довольно плотный график трёхмесячной подготовки и теперь ваша задача максимально эффективно применить все полученные навыки для выполнения основной цели этой миссии, а именно успешного прохождения двух секторов на этапе предстоящего турнира. Во время миссии вами будет командовать капитан Джонс. В новых протоколах перечислены все полномочия, которыми он будет обладать. Напоминаю некоторым, что нарушение субординации и неподчинение капитану будет строго наказываться высшим командованием, вплоть до частичного или полного лишения вознаграждения по окон-

чании миссии. Вы выезжаете через час на американскую станцию Амундсен-Скотт. Расстояние по прямой шестьсот пятьдесят миль, временной интервал от трёх с половиной до шести часов следования. Когда вы достигнете пункта назначения, вас встретят люди из комиссии по организации пребывания на станции вашей группы во время всего турнира. Они объяснят и покажут вам всё остальное. Также в их обязанности входит распределение членов группы по расписанию стартов и прочим сопутствующим мероприятиям. Соревнования начнутся через три дня. За это время у каждого из вас будет по три попытки пройти оба сектора друг за другом. Рекомендую не торопиться, поспешить вы всегда успеете во время уже реальной гонки. Постарайтесь максимально освоиться. Карты вы изучили наизусть, поэтому вам должно быть легче визуально сопоставить фрагменты трасс с тем, что отложилось у вас в памяти. Старайтесь также обращать внимание на все подробности при выполнении заездов, чтобы пилоты, следующие за вами на старт, имели возможность в получении дополнительной практической информации, которая будет необходима для улучшения навыков езды и исключения уже допущенных ошибок предыдущими пилотами. Это также напрямую касается и тактик американских пилотов – охотников. Чем больше вы будете общаться друг с другом, тем больше вероятность избежать применения их тактик по отношению к вам, а значит, будет выше и сама вероятность победы в заезде. Я в отличие от других представи-

телей командования не буду готовить вас к худшему, а скажу, что всё в ваших руках и вы можете справиться с любой сложной задачей, чему есть неоднократное в этом подтверждение. Поэтому удачи вам и счастливого пути, ни пуха!

– К чёрту! – заорал Хэлбокс так, что многие даже засмеялись.

Сударева тоже проронила короткую улыбку и, не торопясь, засобиравалась к выходу.

– Не забудьте! – воскликнула она внезапно, столкнувшись у дверей с кем-то из служебного персонала, – через десять минут в холле общая фотография для прессы! Не стартаните раньше времени.

Джонс по обыкновению сидел рядом с Фрэй.

– Не расходимся! – скомандовал он, – десять минут ждём здесь.

– Нашёлся герой, – угрюмо буркнул себе под нос Зордакс так, что его расслышал только Хэлбокс, сидящий рядом.

– Послушай, – тихо прошептала Джонсу на ухо Фрэй, – я хочу поболтать с тобой кой о чём, давай распустим всех, пусть подтягиваются в холл к назначенному времени.

– Давай потом, а? Они сейчас разбредутся кто куда, а я должен буду потом бегать по холлу и орать как дурак «Вы где? Идите сюда!» У тебя что-то срочное?

– Да не, я просто всё по тому вопросу об Архипе Великом.

– Вот ты заладила опять. Плюнь ты на него, сейчас без этого нам проблем устроят, и его помощь не понадобится.

– Зря ты так к этому относишься.

– А что?

– Нельзя упускать из виду события, даже если прошло время. Я хочу теперь сама к нему пойти и поговорить.

– Ты что сдурела совсем?

– Не забывай, я бывший капитан и разговаривать тоже умею, не хуже тебя, а может даже и лучше. Судя по последнему вашему с ним диалогу, тебе просто навешали на уши лапши, а ты и поверил.

– Фрэя, послушай, а нельзя это как-то отложить совсем на потом? Ты когда вообще собираешься этим заниматься? Там сейчас у него народу куча высокопоставленного, не думаю, что тебя примут, а даже если и так, то это будет совсем уж неуместная и даже глупая попытка чего-то добиться.

– Ну, смотри, я могу попробовать поймать его в его офисе «Big Father House», чтобы задать всего лишь один вопрос, на это уйдёт не больше пяти минут. Терять нечего, не получится – попробую в другой раз, но в любом случае пустое окно в его расписании должно быть, ведь соревнования ещё не начались, гости не все съехались. Кто там у него постоянно будет сидеть за коньяками в эти три дня?

– Не знаю, мне эта идея не нравится. А что ты спросить то хочешь?

– Я хочу задать ему в лоб один лишь вопрос, как так получилось, что американская служба прогноза погоды ничего не обнаружила, а на «Востоке» наши синоптики знали об

урагане за восемь часов? Такого же не может быть, учитывая, что Главный Центр Управления Программы постоянно ведёт мониторинг нашего пребывания на материке.

– А что бы тебе сначала у них не спросить об этом.

– А я спрашивала.

– У кого?

– У Сударевой.

– И что она сказала?

– Она сказала спросить у Архипа Великого.

– А чем она это объяснила?

– Тем, что во время того маршрута группа была отдана в ведение диспетчерской службы американской станции и наша сторона в этом случае по директивам управления не может разделить или каким-либо образом повлиять на ответственность американской стороны за весь промежуток того времени, что они нас вели.

– Что это значит? Они же мониторили нас всё это время.

– Тут правовая основа, а не фактическая.

– Она не имеет права ничего комментировать и делать выводы, в этот момент мы находились в чужой юрисдикции, за нас отвечали другие люди. Всё, что она скажет, без результатов расследования специальной международной комиссии будет считаться необоснованным обвинением или попросту клеветой. А так как она – лицо официальное, то обвинение будет считаться не с её стороны, а со стороны всего Центра Управления, это ещё хуже. В случае отрицательного реше-

ния её ждёт трибунал. А чтобы такую комиссию создать нужно разрешение Архипа Великого. Вот так вот интересно всё оказывается устроено. Поэтому она дала необоснованно понять, чтобы я обращалась со своими вопросами по этой теме непосредственно к нему.

– Ладно, хорошо, иди – спрашивай. Это всё, о чём ты хотела поговорить?

– О чём вы там шепчетесь?! – внезапно громко спросил Хэлбокс.

– Об обострении нездорового интереса к чужим разговорам у людей с несформированной тактикой семейных отношений, – язвительно и быстро отшутилась Фрэя в стиле заумной учительницы.

– Ха–ха–ха, как смешно! – обиженно отгрызнулся Хэлбокс.

– Скажи им, чтобы коляску купили для наглядности, – проворчал Зордакс Хэлбоксу, сквозь усмешку.

– Коляску себе купите для наглядности! – закричал Хэлбокс.

– Ты дурак что ли? Я пошутил! – и Зордакс подавился от смеха.

Вэндэр тоже засмеялся. Аксель и Кэтрин сидели вместе и тупо наблюдали за всем происходящим с недоумевающим видом каких-то смешных зверьков, типа лемуров с выпученными глазами. Внезапно в аудиторию заглянул молодой фотограф и громко позвал всех:

– Пойдёмте, все уже собираются!

Группа вышла из аудитории в холл, где действительно собралась целая толпа народа: старшие офицеры командования, диспетчерский персонал, группа технического сопровождения, администраторы станции, директора служб, радисты, механики, повара – всего около сорока человек.

Вокруг царилла какая-то очень дружеская и весёлая атмосфера незабываемого события. Фотограф долго расставлял всех и менял местами, чтобы подобрать более удачную компоновку под уже взятый ракурс камеры, которая была закреплена на высоком штативе в центре зала. Наконец, произошло то самое окончательное событие, ради которого все долго суетились и замирали с нетерпением. После нескольких вспышек камеры, молодой и довольно проворный человек с бесконечным, неиссякаемым энтузиазмом проверил получившиеся кадры и восторженно произнёс:

– Спасибо всем! Можете расходиться! Фотографии будут на нашем корпоративном сайте через несколько часов вместе со статьёй!

После этого Джонс повёл свою группу на предстартовую подготовку, в которую входил быстрый осмотр врача и несколько формальных подписей в путевых документах. После чего команда двинулась в боксы к своим машинам.

Аксель теперь пилотировал сновигатор «Gipper Scruder». Было не известно, почему Архип Великий выбрал для замены именно эту модель. Скорее всего, потому что она соче-

тала в себе качества простой быстрой, надёжной и средней по цене версии сновигатора с более подходящим для соревнований названием. Новый «Gipper Scruder» Акселя был окрашен в жёлтый цвет с нанесением оригинальных чёрных стрел аэротрайблов с серебристой окантовкой, в отличие от красного фюзеляжа у Вэндэра с похожими трайблами золотистого цвета.

Диспетчер произвёл проверку связи с переключкой пилотов и дал команду на старт. Машины стартовали в свободном порядке попарно из двух шлюзов друг за другом. Погода была солнечная, безветренная с хорошей видимостью и ясным небом. Никакого особого эмоционального ажиотажа в настроении пилотов не было, так как до начала выступления было ещё три дня, и маршрут до Амундсен-Скотт имел обычный темп заданного передвижения из одной точки в другую.

Машины шли гладко и плавно проходили незначительные препятствия, так как весь путь их следования проходил через Восточную равнину, которая отличалась своим протяжённым отсутствием каких-либо сложных рельефов и была идеальным местом для набора максимальных скоростей. Пилоты держались друг от друга на расстоянии двух – трёх миль в радиусе и наблюдали, как от впереди идущих машин длинным хвостом вытягивались следы отработанной инертно-топливной массы, перемешанной со снегом, который засасывался в турбулентный поток позади сновигатора, как пе-

сок в пылесос. В эфире иногда проходили реплики, связанные с корректированием расстояний взаимных дистанций, а также предупреждений о необходимых манёврах на хоть и редко, но всё-таки периодически возникающих препятствиях впереди.

Маршрут считался не очень сложным, но достаточно утомительным в плане выносливости, потому что управлять сложной машиной на высокой скорости вплоть до двухсот узлов, сидя в комфортабельной кабине, оснащённой высокотехнологичной, интеллектуальной подвеской на протяжении трёх часов было достаточно трудно: через некоторое время, так или иначе, организм начинал утомляться, и пилотов начинало укачивать, хотя конечно практика езды на таких дистанциях у всех была уже наработана.

– Если у кого-нибудь есть желание, то мы можем сделать небольшую остановку, – сказал Джонс в рацию, после того как штурманбот сообщил о прохождении границы между Восточной равниной и Полярным плато, – десять-пятнадцать минут ничего не решат, тем более нас никто не торопит.

– Хорошо, я согласен, – ответил Вэндэр.

– Да, давайте остановимся, – сказал Хэлбокс, – я хоть погуляю здесь. Заодно стану первым в истории человеком, который здесь гулял.

Машины начали снижать скорость.

– Диспетчер, у нас внеплановая свободная остановка, –

произнёс Джонс.

– Вас понял, – послышался короткий ответ в эфире.

Сновигаторы потихоньку подтягивались друг за другом и кучковались на небольшом участке диаметром пятьдесят метров. За бортом было минус тридцать семь градусов. Некоторые пилоты открыли кабины своих машин и спустились вниз, осторожно карабкаясь и цепляясь руками за аэродинамику и другие части корпуса.

– Что ж, здесь довольно неплохо, – поделился своими первыми впечатлениями Зордакс.

Солнце светило очень ярко, поэтому стёкла гермошлемов находились в солнцезащитном режиме и отражали своей искажённой зеркальностью. Вокруг действительно было очень необычно по сравнению с другими местами, так как ходить в основном приходилось вблизи объектов той или иной инфраструктуры, а здесь вокруг было только огромное белое бесконечное пространство, непосредственно с земли навещающее на мысль о каком-то другом измерении, где ничего больше нет, кроме кучки сновигаторов в его центре и можно было бы бесконечно двигаться на них в любую сторону, не достигая края.

– На мой взгляд, обычно, так же как и везде, – сказал Джонс, и это со стороны показалось, как намеренное желание поспорить.

Зордакс сразу уловил своим внутренним чутьём, про которое имел место не так давно спрашивать полковник, ту

тонкую психологическую нотку, которую Джонс по своей неусмотрительности допустил в этом возражении ему, и ничего не сказал, так как ему и так было достаточно осознания того, что Джонс испытывает комплекс лидера в некоторой степени. Будучи более опытным в понимании таких вопросов, Зордакс просто поставил себе галочку на будущее и ни в коем случае не стал на это никак реагировать, будто ничего и не произошло. Он также осознавал, что был сейчас не единственным, кто понимал это, и его это занимало, так как связь была общая, и услышали это однозначно все, а, значит, это понимала и Фрэя. К тому же Солнце сыграло свою потрясающую роль во всём этом, и Зордакс злорадственно улыбнулся от удовольствия осознания происходящего без стеснения и опаски, что его мимику в этот момент кто-нибудь может заметить сквозь защитное стекло гермошлема. «Значит, ты всё-таки видишь во мне конкурента!» – подумал про себя Зордакс, сделав однозначный и категорический вывод. От удовольствия он даже потянулся, расставив руки в разные стороны.

– Действительно, мне тоже здесь очень нравится! – торжественно высказал своё мнение Хэлбокс, – довольно необычно, не так как везде!

«Ах, какой молодец!!! Давай – давай, Хэл, покажем этому умнику, кто здесь главный!» – с ещё большим удовлетворением думал про себя Зордакс.

– Фрэя, а ты почему не вылазишь? – спросил её Джонс.

– Всё в порядке, я не хочу, – ответила она.

Аксель тоже остался сидеть в кабине. Его клонило в сон, и он решил воспользоваться моментом и немного вздремнуть, переведя своё кресло пилота в более комфортную позицию с максимальным отклонением спинки назад. Среди членов группы царило странное молчание, связанное одной, как бы это было не удивительно, причиной. Дело в том, что в предвкушении соревнований говорить о чём-либо, кроме них было практически невозможно, так как тяжело представить себе человека, который с навязчивыми по естественным причинам мыслями об одном, начинает при всех нелепо рассуждать на никого не интересующие в данный момент, отвлечённые и посторонние темы. Однако и вести рассуждения на тему соревнований можно было только в двух ракурсах: первое – это инфантильно и абсолютно беспочвенно предполагать то, что может случиться или произойти, а второе – это бесконечно желать друг другу удачи и счастливых побед, надеясь и убеждая, что всё будет хорошо, что было не менее глупо, бесполезно и попадало под традиционную русскую систему суеверий «как бы не сглазить». Поэтому среди присутствующих постоянно происходило такое каверзное молчание, как в детской игре, мол «кто первый скажет тот и дурак». Самым смешным в этой ситуации было и то, что каждый из членов группы, будучи далеко не простым, с точки зрения психологии, человеком, осознавал и понимал, что происходят необычные для круга их общения паузы, явно затянувшиеся

и вроде бы не имеющие объективных причин. Но в то же время никто не осмеливался нарушать их первым по уже понятным мотивам. По логике вещей ситуация складывалась довольно комичная во всех отношениях и должна была вызывать соответствующую реакцию у каждого. То есть в принципе вся эта довольно выраженная аномалия, уже насильственно папахивающая идиотизмом, должна была являться причиной такого же рода улыбок, переходящих в еле сдерживаемое «хи-хи», во всяком случае, у некоторых из членов группы. К тому же это усиливалось ещё и отсутствием невербального контакта, так как они не видели друг друга сквозь защитный экран стекла гермошлемов. Таким образом, они ходили туда-сюда, как в клубе анонимных молчунов, пока Кэтрин всё-таки не выдержала и сказала:

– Может кто-нибудь что-то скажет, наконец?

– Погода сегодня хорошая, – спокойно, сурово и грустно произнёс Зордакс.

– Поехали отсюда, – сказал Вэндэр, – пока мы здесь с ума не походили.

– Однако точно подмечено! – уже более серьёзно сказал Хэлбокс.

– Могу объяснить это тем, что огромное пространство уносит сознание, – утомлённо промямлил Аксель, поднимая кресло в рабочую позицию, – так вы мне и не дали поспать со своим беспокойством.

Команда, не торопясь, начала разогревать свои силовые

установки и потихоньку начинала двигаться с места, набирая скорость. К вечеру начал подниматься ветер, до конечного пункта оставалось чуть более двух часов пути.

ГЛАВА IV. ПЕРВЫЕ ДНИ НА АМУНДСЕН-СКОТТ.

(все реплики в этой главе происходят на английском языке)

В половине десятого, когда основной контингент находящихся на станции людей уже готовился ко сну, на стартовый полигон Амундсен-Скотт с характерным постепенно угасающим гулом ионно-турбинных пульсаров начали друг за другом заходить сновигаторы российской группы. Они были похожи на фантастические межпланетные пилигримы, такие разные, мощные и утомлённые после долгого странствия. Местная команда сигнальщиков из группы технического сопровождения начала выполнять маневровые указания, оперируя ручными маяками, светящимися ярким зелёным светом, который было видно даже в условиях полярного дня, длящегося на материке с сентября по март. В эфире происходила передача группы между диспетчерами станций, с каждым прибывшим сновигатором диспетчер «Амундсен-Скотт» на английском выдавал новый положительный статус прибытия, а диспетчер станции «Восток» подтверждал его принятие:

– Vostok, the polar shuttle «Fast Vector», I confirm arrival!

– The status is changed!

Пилоты покидали свои сновигаторы, не спеша удалялись в сторону больших раздвигающихся в разные стороны дверей центрального входа из толстого тонированного стекла. Зайдя внутрь, они отключали режим защитного стекла своих гермошлемов – стеклянная оболочка распадалась, как мозаика сверху вниз и пропадала где-то в недрах капсул, расположенных внутри в нижней части корпуса по обеим сторонам. Вид у них был утомлённый, но в то же время исполненный удовлетворения. В центре зала стояло двое человек. Один был уже ранее известный пилотам хостес-менеджер Дэймон Холл. Он сделал шаг навстречу Джонсу и протянул ему руку, по обыкновению приветливо улыбаясь:

– Приветствую вас, капитан Джонс! Рад снова видеть всех вас на нашей станции! Давайте дождёмся остальных членов вашей команды и тогда я представлю вам вашего «администратора сопровождения» (accompanying administrator).

– Хорошо, – ответил ему Джонс.

Новый, пока ещё неизвестный никому незнакомец был среднего роста, аккуратно пострижен, волосы его были тёмные. На вид он был больше похож на испанского рабовладельца с довольно сухим и злым лицом. Во всяком случае напряжённость с его лица не спадала, и с чем это было связано оставалось неизвестным. Толи он переживал за свою ответственность в отношении российских гостей в столь поздний период времени, толи по каким-то другим причинам

был просто раздражён и волновался перед знакомством с большим количеством новых незнакомых ему людей. Во всяком случае, мимика его была достаточно резкая и скользкая, как у тренера футбольной команды во время ответственного матча. Одеты они оба были в специальные корпоративные костюмы с соответствующей символикой административных представителей, похожие на форму командиров звёздных кораблей из фильма «Стар Трек»: аккуратно подогнанные брюки стрейч и плотные приталенные шоты с эмблемой станции и никелированной брошью в виде имени и фамилии вместо бэйджа на груди. Костюмы были выполнены из качественной серой шерсти, при этом значок-эмблема станции у хостес-менеджера была позолоченной, а у администратора сопровождения хромированной. Оба держали в руках транговые радиостанции, в которых периодически раздавались какие-то команды, связанные с действиями внутренних служб. Судя по этим переговорам, общая обстановка была достаточно суетливой, не зависимо от времени суток.

Спустя двадцать минут, когда все члены группы собрались внутри, Даймон наконец-то представил своего коллегу присутствующим:

– Ещё раз приветствую вас всех на нашей станции! Знакомьтесь – это Рональд Купер (Ronald Cooper), ваш администратор сопровождения на предстоящем турнире. В его обязанности будет входить организация и разрешение всех возможных вопросов, связанных или вновь возникающих на

протяжении вашего пребывания здесь на время соревнований. В основном это касается организации и контроля расписания ваших выступлений, подготовки к ним и прочих второстепенных мероприятий, таких, как интервью с журналистами, работа с фотографами, различные административные процедуры, разъяснения внутренних правил и расписаний. Желательно, чтобы все ваши перемещения по станции и её территориям не зависимо от их причин были всегда известны вашему администратору, так как в случае нарушений с вашей стороны каких-либо протоколов пребывания и участия в турнире, он мог оперативно принять соответствующие меры по их локализации и устранению. Иначе говоря, в последнем случае ваш администратор будет представлять здесь на этой станции ваши права и выполнять в некотором смысле роль адвоката, то есть защищать вас. На станции с момента вашего прибытия работает служба безопасности и контроля, которая отслеживает любые нарушения, связанные с запланированным турниром. Ваше командование должно было уже ознакомить вас с правилами его проведения, в том числе с установленной системой тотализатора, поэтому теперь у нас здесь как в казино – любые излишние переговоры с пилотами других стран будут рассматриваться как возможные попытки сговора с целью подтасовки результатов турнира, а значит и финансовых результатов выигрышей. Поэтому вам желательно общаться между собой только на официальных встречах или в присутствии официальных

представителей сторон, то есть ваших администраторов. К сожалению, в целях экономии жилого пространства на станции для вашей группы был выделен один администратор, также как и для других участников, приносим свои извинения.

– Это он потому такой нервный? – тихо и саркастично сказал Зордакс Хэлбоксу на русском.

– Я бы на твоём месте даже и так не рисковал, – ответил, усмехнувшись Хэлбокс, – он практически наверняка знает русский язык.

– А что он меня съест за это? – продолжил Зордакс.

– Да нет, просто мало ли, что тебе в голову ещё придёт, и ты решить сказать мне это в таком режиме скрытности, – осторожно ответил Хэлбокс.

– А может он ещё и по губам читать умеет? Ты не задумывался? – продолжал Зордакс, уже явно подшучивая над ним.

– Да нет, я о другом думаю, – подхватил его тон, Хэлбокс, продолжая развивать эту тему дальше, – знаешь, есть такие направленные микрофоны высокой чувствительности, их ещё называют акустическими антеннами? Так вот там у них где-нибудь в кабинете сидит переводчик, и весь наш с тобою разговор прослушивают в реальном времени, всем штатным составом. Теперь остаётся рассчитать необходимость таких мер с их стороны, с учётом заинтересованности в происходящем.

Зордакс немного смутился и замолчал.

– Итак, прошу всех пройти за мной в жилой комплекс! – быстро и отчётливо произнёс Рональд, после чего развернулся и повёл группу через лестничные марши и коридоры станции до их комнат, периодически оборачиваясь и подмахивая антенной транговой трубки в сторону своего движения со словами «come on – come on!» Работал он очень резко и оперативно, что сначала показалось группе не очень вежливым с его стороны. Однако было также понятно, что и он это осознавал, но не снижал темпа. Это свидетельствовало о том, что действует он намеренно энергично для экономии времени, чтобы поскорее закончить все административные процедуры обустройства гостей, ведь предстоял ещё поздний ужин. К тому же наверняка расписание прибытия других участников было спланировано американцами поочерёдно, чтобы не создавать большого количества суеты в ночное время, когда другие люди уже спят.

Дойдя до необходимого сектора, он указал на двери в коридоре и нажал на кнопку возле входа в него. Из последней двери моментально вышла красивая высокая молодая девушка в таком же костюме с аккуратно уложенными волосами средней длины и быстро подошла к группе.

– Знакомьтесь, это Сьюзи Браун (Suzy Brown), можно просто Сьюзи. Меня, кстати, вы можете называть просто Рон или Купер, как вам больше понравится! – в том же энергичном режиме произнёс Купер, – она консьержка по вашему этажу. По всем бытовым вопросам, касающимся уборки, бе-

лья и прочего вы можете обращаться к ней. Кнопка вызова консьержки есть в каждой комнате рядом с информационной панелью, возле входных дверей. Размещение по комнатам строго в соответствии с именами на табличках. А сейчас я покину вас ровно на тридцать минут, постарайтесь за это время устроиться принять душ и переодеться для проследования на ужин, а мне нужно узнать, как идут приготовления в столовой.

С этими словами он удалился, а пилоты начали распределяться по комнатам.

После ужина команда быстро уснула, так как все были очень утомлены. На утро к удивлению всех членов группы подъём не оказался системным, т.е. запланированным на определённое время. Пилоты начали потихоньку бродить по коридору примерно с десяти часов, а к одиннадцати проснулись уже все. В пол двенадцатого внезапно появился Купер и сообщил, что если все готовы, то можно следовать в столовую. Завтракать или обедать по его словам – это уже было дело каждого на выбор. После еды предполагалось свободное время, а к двум часам необходимо было собраться в жилом корпусе и пройти на старт первого ознакомительного заезда.

– Послушай, так ведь здесь Лу должен быть, – сказала Фрэнэ Джонсу в столовой.

– Да, действительно, надо будет спросить об этом у Рона, – ответил он ей, – интересно, а что мы одни пока приехали? Почему в столовой больше никого нет, кроме нашей коман-

ды?

– Не знаю, – сказала Фрэн, – может расписание другое.

– Скажите Рон, – обратился к нему Джонс, когда тот проходил мимо его столика, – а где сейчас остальные участники турнира и нет ли среди них китайского пилота Лу Цзин по прозвищу Лао, если вам о чём-нибудь говорит его второе имя?

– Я понял вопрос! – начал конкретно и быстро отвечать Купер, – на данный момент на станцию прибыли все участники за исключением немецкой и японской стороны, которые прибывают сегодня днём. Ваш китайский друг прибыл сегодня утром вместе со своим партнёром по команде на двух сновигаторах модели «Red Dragon».

– А почему их нет в столовой?

– Все участники разбиты на три группы, – продолжил объяснять Купер, – первая ваша, вторая – парные команды и третья – одиночные пилоты. В такой же последовательности вы принимаете и пищу по расписанию. На каждую группу отводится по сорок минут.

– То есть теоретически мы можем сейчас пересечься? – поинтересовался Джонс.

– Именно так, но не советую вам вступать в разговоры по нескольким причинам. Во-первых: не стоит затягивать время на принятие пищи, это сокращает перерывы персонала, они будут недовольны. Во-вторых: как вам уже сказали вчера – общение между участниками разных сторон в отсутствие

администраторов не приемлемо и будет вызывать у наблюдателей подозрения в сговоре.

– Ну, это как-то совсем уже дико, – начал возражать Джонс, – мы вместе прошли первую миссию, нам есть, что вспомнить и о чём поговорить.

– Послушайте, капитан Джонс, я не хочу показаться грубым, но вы ведь сюда не общаться друг с другом приехали, не так ли? – сурово спросил Купер, – если вы хотите, я могу организовать для вас с ним личную встречу, где вы в моём присутствии сможете пообщаться вечером за чашкой кофе, но по мне так лучше бы таких встреч не было, потому что меня это заставляет резать общее расписание, а уж отчитываться лишний раз перед службой наблюдателей за ваши не такие уж наверняка необходимые и важные дискуссии я совсем не намерен.

– Кошмар какой! – обескуражено возразила Фрэн, – это же просто уже тюремный режим какой-то.

Рон впал в некоторое нервное замешательство. Было видно, что он не на шутку разозлился. Он начал говорить сквозь зубы, как бы сконфуженно стесняясь и сдерживая себя:

– Поймите же, наконец, мне нет дела до ваших личных разговоров с кем-либо на этой станции, просто существуют правила, нарушая которые вы подставляете меня. Вы наверно не понимаете, о чём идёт речь. Ваш, например заезд с этим китайцем может оказаться – несколькими миллионами

долларов только одной ставки какого-нибудь арабского шейха. Именно из этого расчёта Америка вложила в эти трассы огромные деньги. Когда ваша страна построит на свои деньги свои трассы, тогда возможно вы будете свободно общаться и вести себя как угодно, но пока этого не случилось и вас пригласили для участия, я прошу вас соблюдать предложенные вам правила вот и всё, здесь нет ничего сложного, а теперь извините, я хотел бы попить кофе с вашего позволения.

– Конечно – конечно, – ответил Джонс, – извините за беспокойство, не переживайте, я просто с ним поздороваюсь, если встречу.

Купер отошёл к столику неподалёку, а Фрэй и Джонс продолжили беседу.

– Похоже, действительно всё очень серьёзно, – сказала Фрэй, – чувствую, мы ещё натерпимся здесь всего.

– Да ладно, пускай будет так, как есть. Откатаем своё, получим деньги и отвалим отдыхать. Я что здесь буду революцию устраивать?

– Меня начинает всё это раздражать: Архип Великий со своими выкрутасами, американцы с режимом как в Гуантанамо. Такое впечатление, что мы здесь как собаки на собачьих боях.

– Ешь давай, Фрэй. Забудем поскорее, не хочу настроение портить с утра, – торопливо закончил неприятную беседу Джонс.

Команда покинула столовую в половине первого, поэтому

Лу они так и не встретили. После обеда Фрэя решила сходить в «Big Father House» и проведать обстановку на предмет возможности попасть на приём к Архипу Великому. Обстановка в приёмной была неизменной, хотя до этого Фрэя была здесь всего один раз во время первой миссии, когда они вместе с Джонсом ходили сюда на экскурсию посмотреть на сам офис изнутри.

По пути Фрэя никого не встретила, так же как и в самой приёмной не было никого. Внешне ничто не свидетельствовало о плотном расписании посещений в период предстоящих соревнований, однако референт наотрез отказал в приёме без объяснения причин. Он записал данные посетителя и цель визита, сказав, что может быть ближе к вечеру будет свободное окно, и Фрэе обязательно сообщат об этом заранее, но на всякий случай предупредил её, что это может произойти и завтра и послезавтра. Таким образом, Фрэя вернулась в жилой корпус к себе в номер, чтобы отдохнуть оставшееся время

до момента начала ознакомительных заездов.

К двум часам, вся команда, собравшись, как и положено стояла в коридоре и ждала, когда появится Купер. Он не заставил себя долго ждать, и без двух минут они уже все вместе спускались вниз к выходу. Перед тем, как покинуть станцию и занять свои места в кабинах сновигаторов, припаркованных на стартовом полигоне, Джонс по просьбе Купера построил команду внизу у выхода.

– Вы все должны были изучить схему выезда с полигонов на старт турнирной трассы, а именно первого сектора «Carcass», – начал Купер серьёзным категорическим тоном, не допускающим отрицательного ответа, – в связи с этим я хочу спросить сейчас, есть ли у вас по этому поводу ко мне какие-нибудь вопросы?

Пилоты молчали.

– Хорошо! – продолжил Купер, – ваше молчание для меня означает только одно, – это то, что вы сейчас организованно покинете станцию, займёте свои места в ваших сновигаторах и по одному друг за другом спокойно проследуете на старт, после чего пройдёте оба сектора. Потом вы вернётесь на полигон, и мы также встретимся с вами на этом месте через, например, два часа, итого по одному часу на прохождение каждого сектора. Эфир на момент ознакомительного заезда будет общим, вести вас будет диспетчер станции. Я в это время буду в главной аудитории для гостей наблюдать за всем происходящим. Итак, прошу вас занять свои места в машинах и начать заезд!

Группа покинула станцию, через пять минут первые сновигаторы Зордакса и Кэтрин уже двигались в сторону стартовой прямой по аккуратно размеченным маяками полосам. Стартовый полигон находился перед главным входом на станцию и был похож на огромную парковку перед торговым центром. Чтобы доехать до стартовой линии сектора «Carcass» необходимо было обогнуть станцию и выехать со

стороны её фасада, куда выходили огромные витражи окон, в том числе и из офиса «Big Father House». Стартовая линия располагалась на расстоянии полу мили от здания станции. Направление старта было справа – налево. Частично трасса очень хорошо просматривалась в бинокль, так как снежная равнина простиралась очень далеко, но это была лишь её десятая часть. Всё остальное можно было увидеть посредством многочисленных веб-камер, установленных по всему периметру трассы, а также на гелиевых управляемых зондах и квадрокоптерах, которых тоже было изрядное количество, несмотря на то, что соревнования ещё не начались.

Диспетчер поприветствовал всех в эфире, когда «Strict Suppressor» Зордакса

подошёл к линии и был уже готов стартовать. Рядом с ним нос в нос с правой стороны остановилась Кэтрин, слева подкатил Джонс.

– Ну что, покажем, на что мы способны? – прозвучал бодрый голос Зордакса в эфире.

С этими словами Зордакс надавил на педали, выпустив лыжные тормоза. Упоры плотно впились в укатанный снег. Потом он перевёл левый рычаг управления тягой установок вперёд до максимума, движки, взвизгнув, резко набрали самую высокую частоту, за сновигатором мгновенно образовался белый хвост от поднятого повышенной тягой из сопел снега. Зордакс резко отпустил педали, огромная, тяжёлая машина с рёвом рванула вперёд. Через пять минут за ним вы-

шел Джонс, потом Кэтрин, за ней по очереди и все остальные, делая пятиминутный интервал между стартами.

Сектора «Каркас» («Carcass») и «Карусель Дяди Сэма» («Uncle Sam's Roundabout») были названы американцами не просто так, и пилотам в скором времени пришлось осознать это на собственном опыте. Дело в том, что каждый из секторов включал в себя комплекс оригинальных препятствий, по девять разновидностей в каждом секторе, при этом число разновидностей «девять» было выбрано масонскими инженерами не просто так, а с довольно тяжёлым смыслом, о котором вообще никто не догадывался. В технических документах этот проект так и назывался «Проект две девятки». Каждый из видов препятствий рассчитывался и подбирался особым образом к общей характеристике сектора и зачастую имел метафорическое название для более быстрого и удобного использования. Таким образом, первая девятка включала в себя следующие виды простых и сложных препятствий:

1) «Лоу спрингбод» (low springboard) – низкий трамплин, «Нормал хил» (normal hill) – средний трамплин, «Хай спрингбод» (high springboard) – высокий трамплин;

2) «Смол слопин хилок» (small sloping hillock) – малый покатый бугор, «Эвэрэйдж слопин хилок» (average sloping hillock) – средний покатый бугор, «Биг слопин хилок» (big sloping hillock) – большой покатый бугор;

3) «Смол слопин потол» (small sloping pothole) – малый покатый ухаб, «Биг слопин потол» (big sloping pothole) –

большой покатый ухаб;

4) «Смол куб» (small cube) – малый куб, «Эвэрэйдж куб» (average cube) – средний куб, «Биг куб» (big cube) – большой куб;

5) «Смол пирамид» (small pyramid) – малая пирамида, «Эвэрэйдж пирамид» (average pyramid) – средняя пирамида, «Биг пирамид» (big pyramid) – большая пирамида;

6) «Барэл» (barrel) – бочка;

7) «Шарп твист бэнд» (sharp twist bend) – крутой кручёный изгиб, «Нормал твист бэнд» (normal twist bend) – простой кручёный изгиб;

8) «Свомп» (swamp) – болото;

9) «Лэбиринс» (labyrinth) – лабиринт;

из которых «Лабиринт» представлял из себя длинный искусственный коридор высотой пять метров. «Болото» – область наподобие небольшого озера с рыхлым снегом, где сновигаторы вязли, значительно теряя скорость. «Крутыми и Простыми кручёными изгибами» назывались центробежно-вертикальные повороты на девяносто и на семьдесят пять градусов соответственно. «Бочкой» называлась огромная труба большого диаметра, которая часто встречалась, как периодическое укрытие от обстрелов с неустойчивым положением относительно центра в продольном направлении. Въезд в неё представлял из себя уклон под углом тридцати градусов, после прохождения середины бочка крени-

лась вперёд под весом сноуигатора, таким образом, пилот испытывал в ней резкую нестабильность контроля над скоростью и управлением машиной при переходе от подъёма к скатыванию вниз на выезд из бочки. «Куб» и «Пирамида» были объёмными препятствиями соответствующей формы и размеров в виде оболочки из очень плотного полиэтилена, набитые лёгкими поролоновыми шарами. Их отличие было в том, что за «Кубом» не просматривалось пространство впереди и столкновение с ним было ощутимей. А за «Пирамидой» было хорошо всё видно и задеть её на скорости рулевой аэродинамикой было практически невозможно. Грани «Большого куба» достигали длины в десять метров. Остальные простые препятствия, такие как трамплины различной высоты и сложности, ухабы и покатые бугры в комплексе с уже перечисленными были рассчитаны на причинение серьёзных механических нагрузок корпусам сноуигаторов, а также физические удары и сотрясения пилотов в них, из чего комплексно и происходило название данного сектора «Carcass».

Вторая девятка препятствий была не только результатом концепции уже более сложных конструкций, но и располагалась радиально по курсу прохождения сектора, тематически характеризуя своим расположением и свойствами само название «Карусель Дяди Сэма». К ним относились следующие препятствия:

- 1) «Мэд бол» (mad ball) – безумный шар;

- 2) «Блайндс» (blinds) – жалюзи;
- 3) «Бэри фром белоу» (barrier from below) – шлагбаум снизу, «Мэд бэри» (mad barrier) – безумный шлагбаум;
- 4) «Бридж» (bridge) – мост, «Мэд бридж» (mad bridge) – безумный мост;
- 5) «Энгл плэйт» (angle plate) – угловая платформа;
- 6) «Сноубол» (snowball) – снежки;
- 7) «Сноусторм» (snowstorm) – пурга;
- 8) «Майнэс» (mines) – мины;
- 9) «Твист плэтформ» (twist platform) – кручёная платформа;

из которых «Твист плэтформ» был огромной заснеженной платформой, диаметром сто метров, которая была не заметна для пилота и начинала вращаться, как только он на неё заезжал. Таким образом, приходилось дополнительно очень сильно выруливать, чтобы удержать первоначальное направление, в котором он следовал. «Минами» называлась область дистанции, в которой из под земли зарядами сжатого воздуха взрывались вверх фонтаны снега, которые серьёзно затрудняли видимость и раздражающе воздействовали на психику пилота своей внезапностью. «Пурга» и «Снежки» были по сути тем же самым, только в первом случае в сновигатор из специальной шнековой машины направлялся столб снега, а во втором летели плотные сырые снежки. «Угловая платформа» была сто метров в длину и двадцать в ширину. Как

только пилот заезжал не неё, один её край внезапно начал быстро подниматься вверх до тех пор, пока сновигатор не начинал соскальзывать вниз к другому краю, что очень дестабилизировало пилота и заставляло выполнять трудный манёвр съезда вниз во избежание переворачивания корпуса машины. «Безумный мост» по своему принципу был схож с «Кручёной платформой» и «Бочкой» одновременно, за исключением того, что это был мост, на который нужно было заехать по соответствующему уклону, только съехать уже не получалось, как в случае с обычным «Мостом». Пилоту приходилось прыгивать куда придётся с двух с половиной метров и при этом сразу же выравнивать прежний курс. «Безумный шлагбаум» постоянно поднимал и опускал барьер. Выруливать в него приходилось в зависимости от сочетания трассы с другими препятствиями или вынуждено из-за обстрелов с учётом его положения. Шлагбаум можно было разбить, он был выполнен из щадящего материала, но это также воздействовало как задерживающий и раздражающий удар. «Шлагбаум снизу» вообще внезапно появлялся перед сновигатором за определённое количество метров, выезжая из снега вверх и действовал по тому же принципу. «Жалюзи» использовались в ограниченных по ширине коридорах. Это были полосы очень толстого мягкого материала, которые свисали сверху как занавеска преграждая путь и исключая видимость. В определённом месте они имели специальную брешь, что позволяло, правильно среагировав, свернуть

в неё и проехать препятствие свободно. В противном случае сновигатор также тормозило весом этих полос, когда он проходил напрямую через них. И, наконец, «Безумным шаром» являлся огромный шар, набитый по тому же принципу, что и «Куб» с «Пирамидой». Внутри них находился специальный механизм, который заставлял шары медленно катиться по ходу движения хаотично взад – вперёд и постоянно менять своё направление, то влево и вправо, что и заставляло пилота выполнять манёвры, чтобы пройти сквозь эту зону, иначе могло произойти столкновение, при котором сновигатор практически полностью останавливался, вязнув в массиве поролоновых шаров.

Все эти препятствия пилоты должны были проходить под постоянным обстрелом американских «охотников», что делало маршрут ещё более сложным. Границы маршрута были обозначены радиомаяками по аналогии с контрольными точками. При выходе за границы сектора, пилот считался проигравшим гонку, таким же образом он мог проиграть гонку, если его вытеснили или сбили за эти границы в результате обстрела. «Охотники» же могли покидать сектора и вновь заходить в них в любом месте и в любое время неограниченное количество раз.

Пилоты шли друг за другом с одинаковым разрывом, не превышая скорости в шестьдесят узлов. Этого было достаточно, чтобы развить необходимую инерцию движения, которая требовалась для прохождения некоторых препят-

ствий. Такая скорость позволяла пилотам психологически адаптироваться к внутреннему пространству секторов и визуально анализировать все возможные варианты прохождения некоторых участков. Трассы были сконфигурированы в некоторых местах таким образом, что основные сложные препятствия было невозможно миновать без тактического ущерба для себя. Так например, по сторонам каждого «Моста» и некоторых видов «Трамплинов» были обязательно расположены «Болота», «Ухабы» или «Покатые бугры», предоставляя пилоту довольно не лучшую альтернативу прохождения данного участка с однозначной потерей скорости, времени и комплексного ресурса. Другие скрытые препятствия даже на невысокой скорости было невозможно вовремя заметить или запомнить точное их расположение, поэтому приходилось рассчитывать только на скорость собственной реакции, выносливость и технические возможности своих машин. В целом на прохождение одного сектора, длиной в двадцать пять миль на такой скорости у пилота уходило тридцать минут. Учитывая общий интервал разрыва между первым и последним пилотом в группе после старта, вся команда справилась с этим заездом за полтора часа. Плюс пол часа им потребовалось, чтобы вернуться обратно на стартовый полигон по прямой трассе, проложенной специально для этой цели от финишного выхода из второго сектора. Таким образом, как и планировал Купер, вся группа справилась с этим заданием ровно за два часа и практически без опозда-

ний стояла, построившись у выхода внутри станции в холле.

– Что ж, поздравляю вас! – довольно и бодро произнёс Купер, – вы отлично справились с первым заездом! Это говорит о том, что вы также неплохо должны справиться и с двумя оставшимися заездами завтра и послезавтра. В таком режиме и с тем же расписанием мы будем работать с вами до начала состязаний. В ваше расписание на сегодня также входит спортзал с девяти до десяти часов вечера: беговая дорожка и тренажёры, присутствие всех обязательно! Ужин в семь часов. До этого времени вы свободны, но напоминаю вам о запрете долгих контактов с пилотами других команд. Мы очень хорошо начали и нами остались довольны, давайте также и впредь не будем провоцировать ненужные неприятности! Меня вы сможете с лёгкостью найти с любой точки вызова персонала или спросив у административных работников. Встречаемся в столовой ровно в семь, если у вас нет ко мне вопросов.

С этими словами Купер, сделав некоторую паузу в ожидании вопросов, быстро развернулся и ушёл.

– Так, ну расходимся сейчас по своим комнатам, переодеваемся, принимаем душ. Затем, если кому-то куда-то конкретно надо на станции или просто погулять, меня обязательно в известность поставьте, чтобы я знал, что вы отсутствуете в жилом секторе! – серьёзным тоном скомандовал Джонс, – я до ужина буду у себя, поэтому если что-то вдруг произойдёт, то сразу можете искать меня там. Построение

на ужин без пятнадцати минут, без задержек, чтобы я вас не искал. Всё понятно?!

– Да, капитан, – ответили несколько человек из группы.

Кэтрин, уходя, улыбнулась Джонсу через плечо вместо ответа. Зордакс как всегда угрюмо промолчал.

ГЛАВА V. ОСКОЛОК ЗЕРКАЛА.

«...Метель бушевала, а сани все мчались, ныряя в сугробах; казалось, что они перескакивают через изгороди и канавы. Кай дрожал от страха, он хотел прочесть “Отче наш”, но в уме у него вертелась только таблица умножения...»

«...Кай взглянул на нее, она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более прелестного лица. Теперь она не казалась ему ледяной, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему. В его глазах она была совершенством. Кай уже не чувствовал страха и рассказал ей, что умеет считать в уме и даже знает дроби, а еще знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей...»

«Снежная королева» Г.Х.Андерсен

Спустя несколько часов после окончания заезда в дверь Вэндэра постучались несколько раз и приоткрыли её. На пороге стоял Хэлбокс.

– Вэн, ты не спишь? Пошли – пройдемся по станции перед ужином, надоело уже в номере сидеть. Тоска смертная.

Вэндэр, развалившись на диване, что-то читал или просматривал в своём планшете. Одна его нога очень небрежно свисала с края вниз к полу в вытянутом состоянии, другая была согнута в колене и, по-видимому, не давала соскользнуть всему остальному туда же. Выражение лица было недоумевающее нахмурившимся, подбородок сильно упёрт в грудь, так что нижняя губа довольно сильно вылезла и оттопырилась. Не меняя позы и выражения лица, он перевёл взгляд на Хэлбокса исподлобья, в этой позиции он был похож на что-то среднее между задумавшимся профессором и бараном, уставившимся на новые ворота. После этого он вернулся к своему тайному объекту созерцания и угукнув, резко сгруппировался и встал с дивана.

– Что там у тебя? – поинтересовался Хэлбокс.

– Обзоры социальных опросов по всему миру, проводимые в связи с нашим турниром, рейтинги обозревателей начали постепенно подниматься.

– И что это значит для нас?

– Что игра должна стать занимательной.

– То есть? – переспросил Хэлбокс.

– Чем больше людей, тем больше процент желающих сде-

лать ставку, понимаешь? А чем выше общая сумма ставок, тем больше сумма от процента победителю. Можно заработать хороших денег, если конечно придёшь к финишу, особенно первым.

– Боюсь, что нам с тобой это не грозит.

– Ты что, а как же установка командования по поводу победы любой ценой?

– Ладно, пойдём, надоело уже киснуть здесь, хочу сменить обстановку и осмотреться, может что-нибудь интересное для себя обнаружу.

– Согласен, довольно скучновато сидеть вот так в ожидании ужина. Помнится у них был неплохой бильярд в спорт комплексе. Надо бы проверить, как он там с последней нашей встречи.

Поставив в известность капитана, друзья вышли и направились в сторону центрального корпуса, где находился банкетный зал для гостей. Проходя мимо верхнего яруса над холлом, они вдруг услышали какое-то шумное оживлённое движение внизу, направлявшееся к выходу.

– Постой, Вэн, давай посмотрим, кто там? – с заинтересованным видом сказал Хэлбокс, – может это другая группа пилотов?

Они подошли поближе к краю и, опершись на никелированные поручни, посмотрели вниз. Немного погодя, они увидели команду американских пилотов – охотников, которая следовала на выход к полигону. Некоторые из них, обер-

нувшись, прямо на ходу громко обсуждали что-то на весь зал, по-видимому, с кем-то из персонала или администрации, выкрикивая, активно жестикулируя и смеясь. Внезапно Хэлбокса как будто пронзило насквозь острым стеклом, а по всему телу пробежали мурашки. Среди уже знакомых членов американской группы он увидел молодую и очень красивую девушку. Её лёгкая походка и радостное, улыбающееся лицо светилось каким-то особым сиянием. Но самое поразительное, что Хэлбокса в ней совсем сбило с толку, была её абсолютная схожесть с Эллис Кален, одной из героинь известной саги «Сумерки» про вампиров, которую сыграла Эшли Грин. Хэлбокс хорошо запомнил её и имя актрисы, потому что смотрел этот фильм в юношеские годы и уже тогда обратил на неё своё внимание. Он стоял в оцепенении, не понимая, что с ним происходит, в то время как она весело и беззаботно шла вместе со своими партнёрами по команде к большому стеклянным дверям. Её тёмные средней длины волосы были также весело и креативно взъерошены на голове. Лицо было круглое и белое, глаза большие и очень красивые. Носик, губы, всё идеально совпадало с тем самым образом, который так сильно впился в его сознание и не давал покоя ещё тогда, когда он первый раз увидел её на экране.

– Вэн, ты тоже это видишь? – спросил Хэлбокс голосом человека, увидевшего НЛЮ.

– Ты о чём, чувак?

– О ней! – зачарованно произнёс Хэлбокс.

– А, ты про тёлку что ли?! – с удивлением переспросил Вэндэр, – и что? Тёлка, как тёлка... Симпатичная...

Хэлбокс стоял, открыв рот от изумления.

– Похожа знаешь на кого?.. – продолжал Вэндэр, пока Хэлбокс провожал её взглядом до дверей, – на эту... как её?.. Ну, на вампиршу из «Сумерек», не смотрел что ли? Забыл, как её там звали.

– Эллис, – внезапно произнёс Хэлбокс, – Эллис Кален.

– Да точно! – ответил Вэндэр, – а ты откуда так хорошо всё помнишь? Постооой!

Вэндэр вдруг по-другому посмотрел в лицо Хэлбокса, повернувшись к нему и слегка присев, а потом снова посмотрел в сторону удаляющихся американцев.

– Ты мне только не скажи сейчас, что она тебе очень нравится, и ты влюбился?! Чувааак, ты что, серьёзно влюбился в эту тёлку?!

И Вэндэр начал хохотать и бить его по плечу.

– Да ладно тебе, хорош! Ну, понравилась она тебе, ну это же не значит, что надо вот так вот сразу себя озадачивать. Хэл, ну ты даже в лице изменился! Вернись обратно! Ну, я просто не могу на это смотреть!

И Вэндэр продолжал хохотать, а Хэлбокс так и стоял с поражённым видом, наполненным удивлённого отчаяния.

Весь вечер до ужина Хэлбокс всё время думал о ней, а потом весь ужин и все занятия в спортзале до ночи, а потом и всё то время, пока не смог наконец-то заснуть.

Утром следующего дня он проснулся со странным двойственным чувством какой-то лёгкости и как будто он что-то забыл. Он сел на кровати и некоторое время вспоминал, что это могло быть. Вспоминал он ровно мгновение, а когда вспомнил, его охватила невыносимая тоска и чувство ущербности. Это была всё та же самая «Little Coldy», а вернее Джейси Кроус. Отягощенный этой мыслью он пошёл умываться. Всё это время он осознавал, что не бывает безвыходных ситуаций, и что даже если у неё есть парень или муж, всё равно, чего бы это не стоило, можно раскрутить свои чувства и добиться результата. Что он довольно внешне симпатичен и пользуется успехом у противоположного пола, что он крутой скалолаз и неплохой пилот с хорошим обеспечением на хорошем счету у руководителей и у него поэтому есть все шансы познакомиться с ней, даже после турнира, из-за ограничения в общении. Но больше всего его напрягло другое, – то, что он потерял покой, а значит столь любимую им свободу. Теперь в его мыслях, в его сердце и душе поселилась невыносимая тоска из-за отсутствия её рядом с ним, и сколько бы он не хотел отогнать все эти мысли, его сознание теперь навсегда отказалось сделать это, и постоянно что-то ныло внутри, испытывая невыносимый дефицит общения. Ему всё время хотелось быть там, где она, знать и переживать то, что знает и переживает она, чувствовать вместе с ней. Он думал, что все те, кто вместе с ней сейчас общаются и смеются – это люди, которым очень повезло. Он

завидовал им, и из-за этого становился каким-то мизерным, ущербным, человеком, которого бросили, и нужно было что-то срочно делать, чтобы не опоздать, чтобы кто-нибудь не опередил его. В его фантазиях всплывали картины, как она вместе с кем-то другим и всё уже потеряно, что она выходит замуж, и вот она стоит в белом платье с кем-то другим, и его мечты рушатся на глазах и хочется даже наложить на себя руки от этого. В этот момент начинали всплывать картины о каком-то злом существе в виде тролля, который злорадствовал. Может быть это был дьявол, который говорил ему «Ага, вот, наконец-то, я поймал тебя! Вот она твоя тюрьма, твоя пытка, твои страдания! Теперь ты никогда не найдёшь покоя!», и смеялся над ним. Это было настолько убийственно для его психики, что хотелось просто заорать от всего этого. Хэлбокс сел и задумался, что ему делать, ведь необходимо было собраться и идти на завтрак. «Надо обязательно поговорить с Вэндэром по этому поводу. Может быть мне станет легче, с этим надо что-то срочно решать!» – подумал он и направился к выходу из комнаты на утреннее построение перед завтраком.

Во время завтрака он, по обыкновению, сидел напротив Вэндэра. И в этот раз, не смотря на то, что ему очень хотелось поскорее поднять его наболевший вопрос, он всё никак не мог начать разговор, так как ему самому казалось, что это как-то нелепо для них обоих, и что это будет выглядеть, как навязчивая мысль незрелого юноши. Наконец, он выбрал са-

мый подходящий момент, когда они уже собирались выходить из столовой, и спросил:

– Послушай, Вэн, мне очень сильно надо с тобой поговорить.

– А я то думаю, что ты молчишь всё утро? А у тебя оказывается серьёзное что-то. Я слушаю.

– Я по поводу этой Джейси Кроус.

Вэндэр сделал немного юмористическое выражение лица человека, который с очень серьёзным видом на ходу съедает свой смех, и спокойно сказал:

– Продолжай.

– Ну, в общем, со мной что-то произошло вчера. И ладно ещё это, но оно продолжается и сегодня и очень сильно на меня действует.

– Ты хочешь сказать, что всё время думаешь о ней?

– Да.

– Скажи, ты когда-нибудь в кого-нибудь влюблялся?

– Да, давно, в школе.

– Это похоже на то, что ты испытываешь сейчас?

– В общем да, только немного иначе.

– Ну, это понятно, ведь мы не в школе. Возможно, ты просто влюбился в неё, подожди немного и узнаешь, насколько это сильное чувство. Может быть, оно пройдёт, и значит, это будет мимолётная влюблённость.

– Я что-то не понял тебя, ты хочешь сказать, что всё это просто так и надо только потерпеть? Я не хочу терпеть, Вэн!

Я не могу терпеть!

– Это тебе наказание, за твои бесконечные похождения в клубах. Вот ты и попал, чувак, теперь ты на крючке.

– Ты издеваешься надо мной?

– Да нет, я пытаюсь вывести тебя на более рациональную позицию. Озвучить, так сказать, общее положение всех возможных вариантов в твоём случае. Чтобы ты смотрел на происходящее многогранно, а не упёрто с одной стороны.

– Да? Но легче не становится.

– Послушай, а в чём проблема-то я не пойму? Она здесь, английским ты владеешь очень хорошо, возьми да познакомься.

– Отлично, я бы и без тебя догадался. Как я это сделаю в режиме запрета общения между пилотами?

– Но я слышал, что Купер может организовать такую встречу вполне официально без всяких проблем.

– Ты меня поражаешь своей простотой! Как я объясню это Куперу? Как Купер должен объяснить это ей? Представляешь, я подхожу к Куперу и говорю «Вы знаете, я тут влюбился очень сильно в пилота вашей американской команды. Не устройте ли мне свидание?» Или как он по моей просьбе подходит к ней и спрашивает «Там русский пилот влюбился в вас и требует аудиенции». На мой взгляд, это не совсем естественно или скажем чрезмерно откровенно.

– Ну, я тебе так скажу, американцы достаточно раскрепощённые и простые люди. Не факт, что тебя прямо так не

поймут сходу, скорее это будет больше не естественным по организационным причинам, так-то ничего страшного в том, что тебе понравилась их девчонка, нет. Но я понял твои проблемы и согласен с ними. Тогда предлагаю, чтобы тебя уже отпустило, наконец, и больше не мучило так сильно, просто спросить у Купера: «что, как и почём?». В смысле подойди к Куперу, объясни ему ситуацию как есть и спроси, замужем ли она, есть ли у неё отношения в команде с кем-то? Ну и в случае положительного для тебя исхода выясни, как можно устроить с ней встречу. Он ведь, то есть Купер тоже мужик, и должен всё понимать. Как он тебе ответит, так на месте сам и решишь. В любом случае ты будешь владеть информацией и тебе должно стать легче от этого, хотя бы потому, что ты уже сделал шаги.

– Пожалуй, – согласился Хэлбокс, – я так и поступлю. Слушай, спасибо тебе, что так легко и продуктивно отнёсся к моей проблеме, я даже не ожидал от тебя такого уровня понимания.

– Всё в порядке, Хэл. Я рад был помочь тебе. Спрашивай ещё, обязательно, и мы вместе добьёмся нужного результата! Они у нас ещё узнают! – шутливо подбодрил Вэндэр, заканчивая разговор.

После завтрака Хэлбокс решил не оттягивать разговор с Купером и, придя к себе в номер, вызвал его по видеосвязи. Купер ответил не сразу и не с камеры из своего офиса, а со своей транговой рации. Было слышно, как несколько че-

ловек о чём-то разговаривают на дальнем фоне. Обычно напряжённый Купер ответил довольно непринуждённо в нейтральном настроении:

– Я слушаю вас, пилот!

Хэлбокс был достаточно решительным человеком, что можно было ещё сказать о скалолазе.

– Я бы хотел с вами пообщаться по личному вопросу, но не по телефону.

Купер сделал некоторую паузу, сразу было понятно, что он насторожился.

– Я надеюсь, с вами ничего не произошло экстраординарного? – уже более серьёзно спросил он.

– Нет – нет, со мной всё в порядке!

– Это главное! Ждите у себя в номере, я скоро приду, – сухо ответил Купер.

Спустя пятнадцать минут в дверь постучали. Хэлбокс осторожно открыл, на пороге стоял невозмутимый Купер без каких-либо эмоций. Он прошёл внутрь комнаты и остановился посередине.

– Я слушаю, – коротко сказал он.

– У меня к вам очень личное дело. Так получилось, что вчера я случайно увидел одного из пилотов вашей команды, девушку, Джейси Кроус, вы же так её называли?

Купер продолжал слушать, оставив вопрос не требующим ответа.

– Так вот, – продолжал Хэлбокс, – эта Джейси мне очень

понравилась, и я хотел бы с ней познакомиться ближе, но, к сожалению, ваши правила не позволяют мне это сделать самому. В другой ситуации я бы никогда не стал вас об этом просить, но теперь это для меня вдруг стало вопросом всей моей жизни, если вы меня понимаете? У меня нет другого выхода, и поэтому я обратился к вам.

На этом месте Хэлбокс замолчал, оставив Куперу право решать его судьбу, как судье, подчёркивая это некоторой внимающей ответа мимикой, упрямо уставившись на него. Купер вопрос явно осмыслил для себя, но не торопился с ответом, потому что, скорее всего, ему необходимо было что-то ещё для понимания полной картины происходящего.

– Я не совсем понимаю, что вы от меня хотите? – осторожно начал он, – давайте подумаем вместе. Вы явно не хотите, чтобы я за вас назначал с ней свидание. Вопрос об организации официальной встречи между вами у вас отсутствовал, в связи с чем я считаю, что вы также намеренно пропустили вопрос о том, способна ли она пойти вам навстречу, в том смысле, свободна ли она. Я отвечу вам – она свободна и, допустим, мне неважно в этом смысле ваша попытка завуалировать сумбурностью прямую суть обращения ко мне. Теперь подведём итог: вы знаете, что она свободна и вы хотите пойти с ней на диалог, который зависит от меня. Я могу спросить у неё только очень формально, без каких-либо подробностей, согласна ли она пойти на диалог с вами. Это действительно в моих силах. Если она скажет «да», то я ор-

ганизирую вам встречу, если она скажет «нет» я считаю наш с вами вопрос полностью исчерпанным. Вы согласны со мной?

– Да, конечно да! – обрадовался Хэлбокс с озабоченным видом.

– Хорошо, – не меняя настроения, ответил Купер, – ответ вы получите сегодня. На данный момент я решил ваш вопрос?

– Да, спасибо большое! Вы не представляете, как помогли мне! – продолжил счастливый Хэлбокс.

– Что ж, хорошо, всего доброго! – спокойно завершил диалог Купер и, развернувшись, вышел за дверь.

Хэлбокс с ошарашенным выражением лица сделал несколько шагов назад к дивану и плюхнулся в него с неимоверным облегчением. Он почувствовал, как с его сердца свалился огромный камень, хотя вопрос ещё не был решён, и неизвестно было, каков будет ответ. Независимо ни от чего он сидел счастливый, как ребёнок, погружившись в мечты о том, как они вместе с Джейси будут общаться в романтических тональностях, наконец-то, как будто спустя время после долгой разлуки.

Купер тем временем направился к своему непосредственному шефу Биллу Фишеру, который руководил Офисом Системного Контроля Организации и Проведения Турниров «Сноубаттл» (Office of System Control of Carrying Out and Organization of Tournaments «Snow Battle», OSCCOOT «SB»). Офис собирал и систематизировал информацию о

всём происходящем на станции, управлял администраторами групп, регулировал вопросы проведения турниров, выдавал различные разрешения. В любом случае ничего относительно пребывания гонщиков и гостей без согласования с офисом на станции не происходило.

Фишер постоянно находился там в своё рабочее время. Когда пришёл Купер, он сидел, вернее, практически лежал в чёрном кожаном кресле с сильно расслабленной спинкой, ноги у него лежали на столе, закинута одна на другую, руки сплетены на груди. Он смотрел в монитор камер наблюдения абсолютно расслаблено безо всякой инициативы. В офисе, кроме него, было ещё пять человек. Все столы были практически одинаковыми, общая обстановка была похожа на диспетчерскую аэропорта. Кто-то что-то говорил по рации, другие обсуждали новости, а кто-то рылся в куче бумаг, перебирая их на столе, заставленном всякой офисной требухой.

– Шеф, у меня возник особый случай, – произнёс Купер.

Фишер повернул довольно толстую шею в его сторону с каменным выражением лица, похожего на морду огромного ротвейлера, которого только что покормили, и он не против поспать.

Купер подошёл ближе, придвинул ещё одно кресло, на край которого присел для удобства близкого тихого разговора и продолжил.

– Парень с российской команды запал на нашу «Coldy» и очень хочет с ней познакомиться. Её я ещё не спрашивал,

решил сразу придти к тебе. Что скажешь?

– Весёлые эти русские – не успели приехать, а уже лезут на наших баб! – проговорил Фишер, повернув голову в обратное положение, – а что он от неё хочет, языком потрепать? Или он решил поиграть тут в чемпионов по укладыванию баб в койку? Хотя ты знаешь мне всё равно, пусть укладывает, так даже смешнее.

– Так что мне предоставить им разрешение?

– Предоставляй. Пожалуй, знаешь что? Если она не против, то пусть на здоровье общаются, предоставь им полное разрешение на общение без твоего присутствия или ты тоже хотел поучаствовать?

И Фишер захохотал.

Купер тоже немного улыбнулся.

– Хорошо, шеф, я всё понял! – ответил Купер, и с этими словами быстро встал, отодвинул кресло назад и направился к выходу.

Фишер продолжал сидеть в той же позиции, но с уже гораздо более оживлённым настроением.

– Не, ну я конечно в восторге от происходящего! Гарри, дай мне пива, надо отметить это событие!

Один из присутствующих, тощий, небольшого роста открыл холодильник полностью набитый пивом, взял оттуда одну бутылку и отнёс Фишеру.

– Турнир ещё не начался, а у нас уже одна победа, парни! – громко заявил он на весь офис, делая хороший глоток

из горла.

Присутствующие продолжали работать, никто даже не спросил, в чём дело.

ГЛАВА VI. РАЗГОВОР С АРХИПОМ ВЕЛИКИМ.

Примерно в то же время, как Купер вышел из офиса, в его транковой трубке прозвучала реплика:

– Администратор Купер!

Купер сразу же ответил.

– Слушаю.

– Звонят из приёмной «Big Father House», одного твоего пилота, Фрэй, нет в комнате. Она просила об аудиенции, ей назначено. Найди её!

– Понял! – ответил Купер и быстро направился в жилой корпус.

Зайдя в коридор, Купер сразу же направился к капитану. Постучавшись в дверь, он приоткрыл её чуть-чуть и спросил:

– Капитан Джонс, это Купер, можно вас?! У меня срочное дело!

– Да-да, войдите, Купер! – ответил Джонс.

Купер полностью открыл дверь и увидел Джонса, сидящего на диване вместе с Фрэй.

– Что вы хотели, Рон?

Купер без доли удивления на лице сразу же ответил, обратившись к Фрэе:

– Вам необходимо срочно связаться с приёмной «Big Father House»!

– Ах, да, конечно! Спасибо большое! – спохватилась Фрэя и немедленно пошла к себе в комнату.

– Это было всё, что я хотел, – сказал Купер и вышел из комнаты.

Вернувшись к себе, Фрэя быстро связалась с приёмной:

– Вам назначено время аудиенции ровно в одиннадцать, – сразу сказал ей референт, – у вас будет сорок минут, не больше.

– Спасибо! – сказала она в ответ.

Через час она стояла уже перед большими дверьми офиса. Когда она вошла внутрь, Архип Великий сидел у изголовья своего большого дубового стола и молча пил чай с красивого серебряного подстаканника, поедая серебряной ложечкой какое-то экзотическое пирожное с такого же оригинального серебряного блюда, по-видимому, из одного сервиза.

– Присаживайтесь, – сказал Архип, как только она вошла, и указал ей рукой на место напротив, – не хотите ли чаю с пирожным?

– Нет спасибо! – ответила Фрэя, присаживаясь, – я только недавно с завтрака, слежу за формой.

– Понятно, – ответил Архип, – может быть коньяку или виски?

– Нет-нет, ещё раз благодарю.

– Что ж, тогда я слушаю вас, говорите.

– Я хотела бы задать вам один вопрос, касаемо прошлого инцидента, связанного с пилотом Акселем. Год назад, когда он застрял по пути на эту станцию, местные диспетчеры дали хороший погодный прогноз, но случилась внезапная буря, и наш пилот остался занесённый снегом посреди маршрута. Капитан Джонс пытался выяснить причины неверного прогноза, и вы ему сказали, что это была случайно возникшая погодная аномалия. Однако по приезду на станцию «Восток» синоптики сообщили мне, что буря была спрогнозирована за восемь часов, и никаких аномалий, о которых вы говорили капитану Джонсу, не происходило. Как вы можете мне это объяснить?

– Хммм... – озадаченно произнёс Архип, – я то вам объясню, но сначала скажите мне, на что вы рассчитываете в моих объяснениях?

– В каком смысле? – серьёзно и спокойно переспросила Фрэя.

– Ну, это же вы устроили это следствие, не так ли? А ведь я тогда спрашивал у капитана Джонса, кто ему посоветовал обратиться с подобными вопросами к диспетчеру? Получается, он мне соврал? И это вы надумили его пойти ко мне. Также как и вы посоветовали ему начать собственное расследование по этому происшествию!

– Нет! – спокойно отвечала Фрэя, – вы ошибаетесь, это

была полностью его инициатива. Я просто проверила данные на станции «Восток» и сопоставила их с тем, что вы ему сказали.

– Ну, хорошо, а как вы сами считаете? Почему так произошло?

– Я опять не понимаю, о чём вы?

– Ну, вы вот пришли сюда меня подозревать. В чём? Что я, по-вашему, хотел сделать? Угробить вашего пилота? Угробить нескольких ваших пилотов? Угробить всю группу? Чего я мог этим добиться? Мне просто интересно, к какому роду преступлений вы относите свои подозрения в отношении моих действий.

– Я не знаю, – продолжала отвечать Фрэй, – поэтому и пришла к вам.

– Я должен сделать вывод о том, что у вас несколько неоднозначное отношение ко мне. У вас хватает фантазии подозревать меня в каких-то таинственных и загадочных умыслах, но совершенно не хватает фантазии представить себе, каких именно. Вас саму это не наводило на мысль о том, что никаких особых умыслов нет? А у вас просто сложилось нестандартное отношение ко мне по каким-то причинам. И вот я уверен, что это именно так, но меня интересует, какие именно причины заставили вас так ко мне относиться? Теперь вы понимаете меня?

Фрэй молча переваривала то, что ей только что сказали.

– Я спланировал эту небольшую, так скажем, катастро-

фу, – продолжил Архип, не дожидаясь ответа, – по таки как бы вам сказать причинам, которые собственно вас и не должны касаться. Вас должно касаться выполнение поставленных командованием задач, за которые вы получаете деньги. Хорошие деньги, между прочим, не говоря уже об имидже. Ну да ладно, так и быть, открою вам некоторые обстоятельства, которые предшествовали этому вынужденному событию. Мои друзья из Великобритании, которым ваша группа под вашим же к стати командованием доставила несколько негативные эмоции в связи с тем случаем с бывшим капитаном Зордаком... Так вот они решили замять эту неприятность с сорванной встречей. Вы хоть знаете, с кем тогда встречаться должны были, девушка? Ну не важно, что уж там, вы не виноваты. Так вот, они предложили мне сделку, вернуться к прежним условиям наших договорённостей по проекту «Полярной Навигации» в обмен на продажу их стороне одной из моделей наших сновигаторов, естественно по самой низкой не коммерческой цене. Скажем так с большой и ооочень большой скидкой. Их интерес в данном случае заключался в том, что они не хотели терять драгоценное время на то, чтобы с нуля разрабатывать всю концепцию и попросили базовый вариант, стартовую платформу для дальнейшей модернизации в уже своих технических лабораториях. Естественно расставаться навсегда с собственной моделью, ведь её пришлось бы отдавать навсегда, как вы понимаете, мне было не очень просто, да ещё и по низкой цене, поэтому

я решил выбрать из вас самую паршивую овцу в техническом плане конечно. Случай подвернулся как нельзя лучше, и я со всей откровенностью загнал вас в пургу, где овца сама себя и сдала. Вы спросите, почему я сделал это скрытно, но это на самом деле самый простой вопрос. Потому что так проще и быстрее, а главное натуральней. Никто ничего не знал, а значит, полностью исключаются подтасовки и личные амбиции. Ведь бывают же личные амбиции, которые зачастую мешают нам выполнять наши функции правильно и честно. Вы со мной согласны?! – язвительно сделал в конце вопросительное восклицание интонацией своего голоса Архип.

Фрэя была морально и психологически уничтожена, так же как и Джонс в прошлый раз. Сказать было абсолютно нечего. Архип отбил все карты. Поэтому она решила спокойно и вежливо ретироваться.

– Простите за беспокойство. Я полностью с вами согласна. Можно я пойду?

– Конечно, идите, я вас не задерживаю, – ответил он ей.

Фрэя уходила от Архипа Великого с чувством того, что она полная дура. Больше сюда возвращаться она никогда не хотела ни при каких обстоятельствах.

ГЛАВА VII. ЧТО-ТО НЕ ТАК С ТРАССОЙ.

– Послушай Джонс, – встревожено сказала Кэтрин, когда они возвращались со второго ознакомительного заезда, уже

внутри станции, – нам надо поговорить, это важно!

– Что такое, Кэт? – спросил Джонс.

– С этой трассой что-то не так!

– Ты о чём?

– Понимаешь, когда я начинаю увеличивать темп прохождения, начинаются странные вещи.

– Я не понимаю тебя, говори конкретнее!

– Ну, как тебе объяснить? Вы все идёте по ней со средней скоростью шестьдесят узлов не больше, так?

– Ну, допустим и что?

– Я сегодня решила разогнаться. Ну почему бы и нет? Шестьдесят узлов – это же не ограничение на турнире, тем более скорость – это основной козырь при прохождении дистанции. Ну и вот, буквально на семидесяти пяти узлах ты начинаешь терять контроль над происходящим.

– Это как это? – нахмурившись, произнёс Джонс с недоверием, как будто Кэтрин несла полную чушь.

– Да обыкновенно, завтра сам попробуй ускориться, и ты поймёшь, о чём я говорю. Трасса не проходима, скоростью ты её не возьмёшь – это гарантировано на сто процентов. Всё сделано для того, чтобы ты вступил в бой и завяз в нём. Когда начинает увеличиваться скорость, препятствия становятся аномально сложными, невозможно сконцентрироваться.

– Может всё дело в тренировке? – возразил Джонс.

– Да в том то и дело, что не в тренировке! Что-то происходит с самой трассой. Она сконфигурирована таким обра-

зом, что чем сильнее ты стараешься и прикладываешь усилия, тем сильнее она сопротивляется тебе. Как будто чувствует твои реакции и начинает реагировать быстрее, понимаешь. Все сложные препятствия начинают работать в другом режиме, заставляя тебя снижать темп прохождения.

– Ничего себе! А ты с кем-нибудь ещё разговаривала на эту тему?

– Нет, мы же только с полигона на станцию зашли. Когда бы я успела ещё кому-то сказать?

– То есть ты хочешь сказать, что у нас нет шансов оторваться от преследования, используя скоростные характеристики машин?

– Именно так!

– Надо рассказать об этом остальным, а завтра всем вместе попробовать превысить скорость прохождения и проверить то, о чём ты говоришь.

– Да можешь не сомневаться! Это действительно так. Ты думаешь, я дура что ли не понимаю, о чём идёт речь? На своих полигонах мы тренировались, и я свободно маневрировала между трамплинами, выполняя прыжки на ста узлах, а здесь становится абсолютно невозможно сконцентрироваться, всё установлено по отношению друг к другу таким образом, что максимально затрудняет привычное маневрирование на прохождении обычных препятствий. И чем выше скорость, тем становится сложнее. Трасса реагирует на твои действия.

– Да, это какая-то просто мистика. И спросить не у кого. Купер даже если знает, ничего не скажет, это гарантия.

– Сегодня соберёмся у меня в номере после ужина и обо всём потолкуем. Расскажи об этом Акселю и Зордаксу, а я скажу Хэлбоксу и Фрэе, договорились?

– Хорошо, капитан! – ответила Кэтрин, удаляясь на ходу в сторону от него к Акселю.

Этим же вечером у Джонса в номере после ужина собрались все пилоты.

– Послушайте! – сказал Джонс, – я оставляю за Кэтрин один процент вероятности того, что ей могло показаться, но завтра мы все пойдём на более высокой скорости и проверим, насколько всё это так. Если всё подтвердится, то нам угрожает полный провал, так как наши тренировки были в основном рассчитаны на высокоскоростной уход от преследования, с использованием быстроты собственной реакции при выполнении сложных манёвров на высокой скорости. Если мы не сможем поднять скорость прохождения, тогда нам придётся использовать другую тактику, которая не была отработана должным образом, так как у нас отсутствовали соответствующие условия. Нам придётся вступать во взаимный обстрел, то есть уходить на каждом участке в боковые виражи, чтобы уйти от линии огня, затем изменять конфигурацию выстраивания между участниками таким образом, чтобы иметь возможность обстреливать охотника и снимать его с дистанции. Это однозначно сложные затяжные по-

вороты и развороты с долговременной задержкой в каждом секторе, а это значит, что остальные участники будут иметь меньше шансов на успешное прохождение в следующем секторе, так как зайдут туда с низкой численностью по отношению к охотникам. В свою очередь охотники с ними, скорее всего, быстрее разберутся и останутся при своей численности поджидать нас. Таким образом, во втором секторе мы получим ещё двух охотников против одного нашего пилота. Когда я думаю об этом, то начинаю совершенно по-другому осознавать слова, которые говорил нам полковник три месяца назад. По ходу дела, ребята, наша судьба решена. Это провал!

– Вот это лишнее, капитан, – возразил Зордакс с интонацией уверенного бывалого профессионала, – не стоит делать такие категоричные выводы для всей команды! Сначала надо внимательно разобраться с учётом особенностей каждого из группы. Вот, например, я вообще не собирался повышать скорость прохождения секторов на турнире, потому что моя машина слишком тяжёлая и длинная, чтобы выделять такие же кренделя, как остальные. Поэтому я нацеплю себе радиально-осевой энергомёт, так как у него большой радиус охвата цели и буду на ходу отстреливаться с малых дистанций. А на больших дистанциях моему «Strict Suppressor» не страшны выстрелы даже одиночных орудий. Он очень устойчивый, поэтому чтобы его перевернуть или сбить в сторону, необходимо попасть в корпус хорошим зарядом с близ-

кого расстояния. Поэтому наверно я больше не нуждаюсь в ваших рекомендациях и буду сам выбирать тактическую линию своего выступления на турнире.

– А это не слишком ли вы пилот Зордакс разогнались с самостоятельностью? – возразил ему Джонс. Не хотите ли заново почитать новые протоколы? Там очень популярно написано об игнорировании моих рекомендаций? И, по-моему, это сделали специально для вас!

– Да что вы говорите, капитан Джонс! Я сейчас проиграю заезд под ваши рекомендации, а потом буду рассказывать всем в штабе, как капитан Джонс меня, водителя и пулемётчика бронированной транспортной машины, протоколами пугал.

– Так, давайте вы ругаться перестанете, и хвалиться тут своими армейскими навыками! – серьёзно заявила Кэтрин, – ты Зордакс не единственный в группе, не согласен с чем-то – стой и молчи, сделаешь по-своему, под трибунал тебя за это не потащат. У капитана свои полномочия и обязанности, не надо лезть поперёк них со своими амбициями «танкиста».

– У меня такое ощущение, – сказал Вэндэр, что вы ребята опять начинаете свою старую песню, а турнир ещё не начался. Как бы не получилось, что во время турнира вы окончательно перегрызётесь.

– Так, ладно! – жёстко отрезал Джонс, – у пилота Зордакса своя голова на плечах, он может быть свободен. Вы свободны, Зордакс, можете идти! Действуйте, как вам заблаго-

рассудится.

Зордакс гордо удалился за дверь комнаты.

– Итак, – продолжил Джонс, – ситуация отягощается ещё и тем, что завтра у нас последний заезд перед турниром, поэтому давайте максимально соберёмся и постараемся завтра запомнить все подробности, какие только можно, относительно затруднений при прохождении препятствий. Наверно будет лучше, если кто-нибудь из нас, например, я, выполнит все возможные повороты на участках секторов, чтобы выявить удобные места для ухода за преследующего охотника. Правда при этом я совершенно не смогу почувствовать ту проблему, о которой мы ведём речь, потому что заезд будет всего один. Ну да ладно, может быть всё не так страшно, как сказала Кэтрин, а удобные места нужно будет знать всем заранее. Теперь всё, идите отдыхать, встретимся в спортзале на вечерней тренировке.

Команда разошлась, а Джонс остался с Фрэй.

– Что опять нужно этому неугомонному герою?! – недовольно спросил Джонс, как бы рассуждая сам с собой, а не с Фрэй, – он что хочет, чтобы я написал докладную, и его оставили без денег? Чего он тут добивается? Я пытаюсь донести до людей всю критичность сложившейся ситуации, а он тут лезет с попытками компенсировать свой авторитет. Водитель – пулемётчик... Да флаг ему в руки! Пусть на здоровье делает, что хочет! Я в следующий раз вообще его не позову и Сударевой скажу, чтобы ему статус независимого

аутсайдера присвоили. Какой смысл держать такого человека в команде, который вечно норовит вылезти со своим «Я»?

– Успокойся, – сказала Фрэй, – ты что, не понимаешь, что это всё из-за прошлой истории? У него явно выраженные комплексы и его можно понять. Он очень много потерял сразу.

– Да? – язвительно произнёс Джонс, – а я подумал, что он головой сильно ударился?

– Всё, прекрати, – нежно начала успокаивать Фрэй, обхватив его сзади за шею двумя руками, – ты правильно себя вёл перед всеми, не надо делать обратного передо мной. Ты капитан, ты должен всегда быть абсолютно спокоен, без лишних эмоций. Видишь, я с тобой, у тебя всё хорошо. А он сейчас один, он потерял свой статус, ты его ещё и выгнал при всех. Ему тяжелее, чем тебе. Ты должен всегда учитывать это.

Фрэй стояла и обнимала Джонса, сидящего за столом в его комнате. А Зордакс ушёл к себе и долго думал над тем, что с ним происходит. Он хорошо осознавал всё то, что стимулировало его к такому поведению, и понимал, что ни к чему хорошему это не приведёт. В его голове пронеслись фатальные мысли об окончательной необходимости продолжать свою профессиональную деятельность в программе. Анализируя ситуацию в целом, он понимал, что такой исход событий, связанный с его поведением вредит не только ему, но и окружающим и ничего хорошего от этого ни другие, ни он сам не

получают. Подводя итог, он, конечно же, решил не торопиться с выводами и не обращать особого внимания на произошедшее. «Возможно, лучше уже не будет» – подумал он, – «и надо с этим смириться».

Так заканчивался второй день подготовки пилотов к предстоящему турниру на трассах американской станции.

ГЛАВА VIII. «LITTLE COLDY».

(все реплики в этой главе происходят на английском языке)

– «Coldy»! – позвал Купер стоящую у перил Джейси Кроус.

– Что? – ответила она.

– Зайди к Джеку, надо поговорить.

Джеком был Джек Райт (Jack Wright), администратор сопровождения американской команды пилотов. Белый мужчина средних лет, с толстыми русыми волосами аккуратно и коротко постриженными с пролысиной на голове. Он носил такие же аккуратные усы и офисные прямоугольные очки в дорогой блестящей оправе. Джек Райт работал в своё время в государственных структурах безопасности и тренировал бойцов спецподразделений на выполнение определённого рода задач, требующих специфической тактики. Он вышел на пенсию по выслуге лет и сейчас по личной просьбе бывшего руководства занимался здесь некоторого вида под-

работкой в связи со «сложившимися обстоятельствами», как это было принято говорить в определённых кругах. Кто он такой на станции если не знали, то наверняка догадывались абсолютно все из местного контингента, однако официально это не афишировалось, так же как и то, с чем раньше он имел дело. По сути, он выполнял обязанности не столько администратора группы, сколько советника или тактического тренера. На вид он был человеком очень скромным, простым и аккуратным, но скользким и продуманным до невозможности. Он мало, где появлялся, однако всегда был там, где нужно. Купер хорошо знал его по этой работе, поэтому сразу отправился к нему, чтобы посоветоваться. Джек хорошо знал своё дело и быстро понимал, о чём идёт речь, он пригласил Купера к себе в номер и попросил позвать к нему «Coldy». «Coldy» была единственной из группы, кого называли не по имени. Когда она зашла, Джек сидел за столом перед своим ноутбуком, а Купер стоял рядом. Джек с очень галантным и вежливым видом предложил ей подойти, сесть и ознакомиться с материалами в компьютере, на экране было досье.

– Посмотри, детка, – сказал он, – как тебе этот паренёк?

«Coldy» внимательно прочла всю подноготную на Хэлбокса, включая хобби, и десяток фотографий со страниц соцсетей.

– Не плохой экземплярчик, – ответила она, – по скалам лазит.

– Этот паренёк очень хочет с тобой познакомиться, –

также аккуратно и галантно продолжал Джек, – и попросил Купера, чтобы тот помог ему организовать между вами встречу. Что ты сейчас ответишь Куперу, то Купер ответит ему. Так что ты ответишь Куперу?

– Ну что ж, – сказала «Coldy», – мне стало интересно. Давайте посмотрим, что он хочет от меня.

– Окей, детка! Билл Фишер позволил вам видеться без соглядатых, потому что мы все знаем, что ты не наделаешь глупостей. Это ведь так?

– Не беспокойся, Джек, я не наделаю глупостей.

– Хорошо. Тогда иди, а мы с Купером подумаем, где вам будет удобней общаться друг с другом, не привлекая особого внимания.

«Coldy» ушла, а Джек продолжил свой разговор.

– Рон, давай они встретятся в холле, завтра после тренировки. Посмотрим, что он за дурачок, а потом уже примем решение.

– Я понял Джек.

– Кстати, как ты думаешь, он серьёзно это планирует или ему просто делать больше нечего?

– Мне кажется, он сильно влюбился в неё, Джек. У старшего сына моих соседей была похожая ситуация. Парень пустил себе пулю из сорок пятого калибра прямо в рот, представляешь? Его мозги собирали по всему двору в радиусе десяти метров. Один кусочек, по-моему, даже съела моя собака, когда он перелетел через забор.

– А что случилось с девчонкой?

– Она вышла замуж за менеджера престижного магазина и умерла при родах.

– Очень грустная история, Купер. Надеюсь, у нас история будет весёлая, я не хочу, чтобы чьи-то мозги собирали по станции в период приезда особо важных гостей. Ладно, иди – обрадуй паренька, за ним должок, если всё получится. Никогда ещё не приходилось заниматься сводничеством в столь специфической обстановке.

Время было четыре часа, когда российская команда возвращалась со второго тренировочного заезда. Купер стоял в холле и ждал, пока появится Хэлбокс. Он махнул ему рукой, отозвав в сторону. Хэлбокс с озабоченным выражением лица, полным надежды, быстро отбежал от основного потока идущих.

– Что касается вашего вопроса, – начал Купер, – завтра в это же время, точнее когда вы переоденетесь после тренировки, вы спуститесь сюда вниз вон к тому журнальному столу с креслами. Здесь вас уже будут ждать. Больше никого не будет. Вам разрешили свободное общение, но это не значит, что надо взяться за ручки и демонстративно расхаживать по станции. Старайтесь как можно меньше попадаться на глаза публике. Теперь я полностью решил ваш вопрос?

– Да, конечно! – чуть не подпрыгнул на месте Хэлбокс, – я даже не знаю, как вас благодарить. Спасибо вам огромное!

– Возможно, вам это покажется грубым, но для меня было

бы самой лучшей благодарностью, если бы вы больше не обращались ко мне с подобными просьбами. Не поймите меня неправильно, мне не тяжело сделать для вас что-либо, но любые возникающие параллельно с моими основными обязанностями, проблемы, серьёзно отвлекают от основной сути того, ради чего мы здесь с вами собрались.

– Конечно – конечно, извините, пожалуйста, что так нелепо получилось! Я обещаю, что больше не буду досаждать вам своими проблемами до конца турнира.

– Всего доброго, пилот Хэлбокс, – сухо попрощался с ним Купер и сразу ушёл.

Хэлбокс был на седьмом небе от счастья, он ещё не знал, чем для него закончится вся эта амурная история с «Little Coldy», и какой тяжёлый выбор скоро встанет перед ним.

ГЛАВА IX. ДЕНЬ ТРЕТИЙ.

На следующее утро Хэлбокс проснулся с настроением, как будто у него выросли крылья за спиной. Он был полон энергии, всё внутри него бурлило и кипело, положительные эмоции переполняли его сознание. Он никогда не испытывал проблем в общении с противоположным полом, поэтому за то, что будет происходить на первом свидании, он совсем не беспокоился. Главным для него являлось то, что «Coldy» пошла ему навстречу, это означало, что у неё возник к нему

взаимный интерес. С таким позитивным настроем Хэлбокс отправился на завтрак с остальными членами группы.

Выходя после завтрака из столовой, группа наконец-то впервые за всё время пребывания на станции повстречалась со своим старым китайским другом Лу Цзином. Он шёл не один, вместе с ним был его новый напарник Вэй Пинг. Ребята поздоровались и пожали друг другу руки. Вэй Пинга представили остальным пилотам. Больше диалогов не происходило. Лу и сам был в достаточно скованном состоянии, ведь его также предупредили о регламенте общения, как и остальных, а к соблюдению режима он относился со всей ответственностью. Поэтому члены групп быстро разошлись в противоположных направлениях с взаимно понимающей друг друга мимикой.

– Очень сожалею, – говорил Купер пилотам, когда они разошлись с Лу и Вэем, – когда оба китайских пилота выступят, с них сразу снимут регламент, так как они больше не будут иметь собственной заинтересованности в гонках, но с вас этот регламент не снимут, пока не выступит последний ваш пилот. То же самое касается и всех остальных групп. Поэтому не повезло только вам.

Команда разошлась до обеда. После обеда как обычно всех построили на последний перед этапом турниров заезд. Во время перехода из жилого сектора до выхода на полигон пилоты обратили внимание, что людей на станции резко прибавилось. Они начали чаще проходить мимо, навстречу

начали попадаться как деловые, так и явно замужние пары. Было видно, что гости продолжают собираться, и все эти люди были VIP персонами, так как билеты на турнир официально вообще не продавались из-за острой ограниченности мест. Стоили они невероятно дорого и распределялись по очень узкому кругу лиц со всего мира. Практически все эти места были забронированы задолго до начала официального объявления о проведении турнира. Гостевой корпус вмещал в себя не больше ста человек, кроме него из жилых корпусов были ещё модули для административного, обслуживающего и технического персонала и корпуса для участников турнира, где и жили пилоты.

Наконец, пилоты вышли на старт.

– Что ж, давайте теперь все выходите вперёд, –скомандовал Джонс остальным по рации, – а я буду замыкающим, чтобы не мешать вам на трассе. Сообщайте мне сразу о начальных результатах прохождения трассы на высокой скорости, чтобы я владел информацией и мог делать однозначные выводы о том, что мы фактически имеем на самом деле.

Группа начала стартовать и набирать скорость. Первым шёл Хэлбокс, так как он очень торопился поскорее финишировать из-за назначенной встречи.

Через буквально десять минут в эфире послышались первые негативные впечатления от участников заезда. В основном это были ругательства и жалобы, дело склонялось к провалу. С каждой минутой обстановка нагнеталась всё сильнее,

выкриков и недовольных вздохов было всё больше, самые тяжёлые опасения оправдались – трасса была непроходима в режиме повышенной скорости. Это означало только одно – неотвратимую смену тактики, к которой никто не был готов.

Джонс, находясь из-за этого в самом тяжёлом состоянии, осознавая предстоящую участь всей команды, проходил каждый участок сектора и делал в них круговые манёвры на разворот. Для этой цели он включил на запись штатный видео регистратор, чтобы потом снять с него весь материал и просмотреть его с остальными в качестве хоть какой-нибудь дополнительной помощи. В целом, конечно, всё ещё зависело от конкретных обстоятельств, ведь в реальный, а не ознакомительный заезд на трассу выходило ещё два пилота, которые должны были находиться в тех же условиях. Ко всему прочему нельзя было не учитывать фактор ответного контратакующего огня со стороны «жертв», ведь стрелять в команде умели все достаточно хорошо, а некоторые, в том числе и Джонс – очень профессионально. Наконец, группа начала финишировать. Джонс отставал от остальных на один час.

– Не ждите меня, идите отдыхать! – нервно прокричал он в рацию, – я найду вас потом!

Пилоты уходили одни, а капитан на трассе продолжал подробно изучать варианты, при которых можно было удобней всего перестроиться за преследующих охотников, используя предположительную инерцию и темп их движения в тактическом режиме преследования цели.

Вечером того же дня он собрал всех у себя после ужина, чтобы вместе просмотреть наиболее удачные участки в плане планируемых манёвров для обхода охотников. В качестве основной тактики Джонс предложил следующее. Учитывая, что в начале каждого сектора гоняться только за российским гонщиком оба американских пилота не будут, чтобы не привлекать излишнего внимания к приоритету целей, следует выполнять манёвры обхода как можно раньше, чтобы разделить охотников. Первый охотник должен продолжить гонку за вторыми двумя жертвами, а со вторым необходимо завязать бой и отталкиваться дальше уже от полученного результата. В этом случае, остаётся больше шансов на то, чтобы выйти хотя бы из первого сектора «Carcass». Если же по каким-то причинам в начале гонки такой манёвр не получится, тогда необходимо использовать другую технику. Необходимо как можно сильнее разогнаться и спрятаться, резко остановившись за любым большим препятствием, типа куба. Но не продолжать гонку, а ждать второго охотника и опять же вступить с ним в бой. В любом случае завязывать перестрелку с первым идущим охотником однозначно чревато тем, что второй на естественных основаниях вступит в неё как помощник, и в этом случае она с большой вероятностью приведёт к поражению. Общая система построения гонки должна опираться на разделение охотников для их дальнейшего уничтожения по одному, так как возможность прохождения сектора уходом на скорости для команды была утеряна. Дальше

оставалось только надеется на удачу и опираться на ошибки гонщиков в предыдущих заездах.

На построение перед вечерней тренировкой в зале вышел Купер с сообщением:

– Завтра утром после завтрака в зале главного корпуса начнётся официальное открытие турнира, поэтому не рассчитывайте на то, что до обеда у вас будет возможность поспать. Во время открытия вас познакомят со всеми участниками турнира и представят гостям. Вам предстоит всё это время быть бодрыми, весёлыми и постоянно улыбаться. Вас будут снимать на видео, очень много фотографировать, задавать вопросы, брать интервью, обращаться за автографами и просто вести диалоги на общие темы. Вы должны максимально идти на встречу каждому из присутствующих. Немного позже мы узнаем имена тех, кто будет выступать первым. В вашем распоряжении будет примерно ещё один час для подготовки. Начало старта первого заезда в час дня. В последующие дни будет проводиться по два заезда с плавающим графиком для сокращения времени пребывания гостей на станции. Условно они будут называться «утренний» и «вечерний». Разница во времени будет зависеть от количества и степени повреждения машин и элементов трассы после каждого выступления. Возможно даже, что гонки будут переноситься на следующие дни. Утренний заезд будет начинаться в десять часов утра, а вечерний в три часа дня. Есть ли у вас какие-либо вопросы ко мне в связи с тем, что

я сказал?

Прошла некоторая пауза.

– Тогда, если вопросов нет, то сегодня тренировка в зале по желанию. Если кто-то устал, то он может идти отдыхать или ложиться спать пораньше. Я с вами на сегодня прощаюсь до утреннего построения. Всего доброго!

И Купер в привычном уже для всех деловом темпе, развернулся и вышел по коридору за дверь.

– Так! – скомандовал Джонс, – никаких залов – все ко мне в каюту, за исключением Зордакса. Он у нас сам по себе. Пройдёмся ещё раз по трассе и возьмите кто-нибудь кофе на всех в автомате!

Вся команда пошла в комнату капитана. Зордакс спокойно без всяких эмоций пошёл в зал, Вэндэр и Фрэя пошли за кофе. Оставшееся время до отбоя команда с капитаном провела за разработкой и закреплением возможных вариантов выполнения тактического обхода охотников, а также за изучением удобных для этого мест на трассе.

ГЛАВА X. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА.

(все диалоги в этой главе происходят на английском языке)

В тот самый момент, когда злой и обременённый ответственностью за максимальную вероятность неудачного исхода миссии, капитан Джонс выкрикивал пилотам своей груп-

пы в эфир заключительные прощальные фразы в конце их третьего заезда, Хэлбокс уже шёл по полигону в сторону станции, не обращая внимания на то, что происходит с основной группой. Сейчас он как никогда отвлёкся от всего происходящего на предстоящую встречу, уже как он сам для себя считал – со своей любимой. Он совершенно не беспокоился о каких-то там мелочах, о которых обычно переживают в таких ситуациях, рассчитывая по слаженности своего характера на свободное непринуждённое общение, в котором по его собственному убеждению и заключался успех отношений.

Придя к себе, он принял душ, переоделся, по обыкновению освежился своим парфюмом от «Hugo Boss» и отправился к назначенному месту.

С того момента, как он вошёл на станцию, времени прошло около двадцати минут. Он вышел в холл, однако на указанном месте никого не было. Хэлбокс медленно подошёл ближе к журнальному столику и креслам, автоматически войдя в некоторый режим ожидания. Он просчитывал конкретность Купера, но также не исключал, что Джейси могла передумать или могло случиться что-нибудь ещё, что сорвало бы эти планы. В любом случае, «якорь грусти» был сброшен вниз и, не достигнув дна, качнул корпус внутреннего настроения. Хэлбокс почувствовал это с какой-то мелкой пищащей, как омерзительный уродливый цыплёнок, горечью внутри себя, напоминающей неизбежный облом в са-

мом конце долгого приключения.

В голову сквозь толстый слой невозмутимой стойкости назойливо пробивались мысли о намеренной издёвке над его чувствами. Как будто за ним следили и вот сейчас где-то дружно хохочут, как над дураком. С каждой минутой это чувство всё больше и больше нарастало, видимо «якорь» оказался тяжелее положенного и тянул «судно» на дно, потихоньку опуская его нос. Приблизительно с той же интенсивностью опускался нос и у Хэлбокса, пока вдруг сзади его не позвал приятный женский голос, который насквозь пробил всё его тело, как молния.

– Привет, как дела? – очень легко и жизнерадостно спросила она.

Хэлбокс сначала растерялся, но внутренние хорошо налаженные механизмы мгновенно взяли ситуацию под контроль. Он развернулся и, улыбнувшись, ответил:

– Привет, всё хорошо, а у тебя? – в его голосе прозвучала располагающая простота.

– Прекрасно! Присядем? Меня зовут Джейси, но все называют меня «Coldy», а ты кто? Как тебя зовут?

– Я Хэлбокс, а настоящее моё имя Виктор, ты можешь называть меня Хэл. Все зовут меня Хэл.

– Хорошо, Хэл, – ответила она.

Хэлбокс смотрел в её большие красивые глаза и ловил себя на том, что его сознание незаметно тонет в их глубине. Глаза действительно были очень красивые и выразительные.

Они были тёмно синего цвета, как синий бархат и очень блестяли под густыми аккуратными ресничками. Лицо было настолько милым и прелестным, что не хотелось отрывать от него свой взгляд. Но в тоже время оно было наполнено той жёсткой выразительности и постоянно проскальзывающей серьёзности, свойственной людям с высокой ответственностью, которым приходится часто рисковать в опасных ситуациях.

Они присели в кресла по разным сторонам журнального стола.

– У тебя очень красивое имя. Ты не против, если я буду называть тебя Джейси? Мне больше нравится называть тебя твоим настоящим именем, – сказал Хэлбокс.

– Нет проблем, Хэл, – ответила она игриво, – а сколько тебе лет?

– Двадцать семь, – ответил он.

– Чем занимаешься помимо гонок?

– Я – альпинист-скалолаз. Занимаюсь этим с детства. А ты, чем ты занимаешься в свободное время?

«Coldy» застенчиво усмехнулась и ответила:

– Я вышиваю на ткани пейзажи Джона Констебла и кормлю бездомных собак в приюте по выходным.

На этом месте Хэлбокса обескуражил не столько шквал удивления, сколько изрядная доля своей ущербности по сравнению с амплуа Джейси. Она мгновенно прочувствовала его реакцию и продолжила диалог в форме объяснения уже

сказанного:

– Моя бабушка родом из Великобритании, она живёт в Ливерпуле. Я часто бывала в детстве у неё, и она оказала серьёзное влияние на моё воспитание.

Хэлбоксу стало ещё хуже в плане уровней и статусов, но он не поддался такому давлению сверху и ушёл на серьёзный контратакующий аргумент.

– А я родился и вырос в Санкт-Петербурге на Невском проспекте. Ты никогда не была в России?

– Нет, – без энтузиазма ответила она.

На этом месте Хэлбокс отхватил ещё один удар. Его ожидания того, что Джейси заинтересуется Россией, не оправдались.

– Скажи, а ты давно занимаешься гонками на сноубигаторах? – спросил он.

– В команде я уже год, – ответила она.

На самом деле «Coldy» врал, точнее не договаривала правды. В команде она действительно была один год, но тренировками она занималась уже два с половиной года. К тому же в её недалёком прошлом были профессиональные чемпионаты по гонкам на картингах. Эта личная информация была настолько же не секретной, насколько на самом деле её не рекомендовали разглашать в американской системе подготовки кадров.

– Тебе очень идёт, – внезапно сказал Хэлбокс.

– Что именно? – спросила «Coldy»

– Быть пилотом, – продолжил Хэлбокс, – я случайно увидел тебя первый раз, когда вы шли с группой на полигон. Меня поразила твоя красота, и манера поведения. Тебе очень идёт костюм пилота, ты в нём очень сексуально выглядишь.

– И ты позвал меня, чтобы сказать мне об этом? – спросила она с лукавым укором, провоцируя ситуацию.

Но Хэлбокс видел ещё и не такие повороты событий и поэтому не растерялся, а просто продолжил свободное течение своих мыслей.

– Понимаешь, я в юности смотрел один ваш американский фильм про вампиров, называется «Сумерки»...

– Ааа! – и «Coldy» расхохоталась, – Можешь не продолжать! Я знаю, что ты сейчас скажешь! Что я похожа на Эллис Кален... Ну ты даёшь! Неужели так всё просто? Ты посмотрел фильм, она тебе понравилась, и спустя годы ты увидел меня и влюбился вновь, только уже в меня, а не в неё? Я угадала?

– Да, а что в этом такого? – спросил Хэлбокс без тени смущения с такой же улыбкой на лице.

– Да нет ничего, просто это как-то наивно, тебе не кажется?

– Наивно что?

– То, что ты страдаешь юношескими фантазиями.

– А что в этом плохого?

– Но ведь мы уже вышли из того возраста, когда дети в школе влюбляются с первого взгляда.

– Я не согласен с этим. Для меня вполне естественно влюбиться в девушку с первого взгляда, если она очень красива и не важно, похожа она на кого-то или нет.

– То есть ты хочешь сказать, что ты влюбился в меня с первого взгляда?

– Ну да, а что для тебя это имеет какое-то особое значение?

– Нет, для меня нет особого значения, я просто не совсем верю в любовь с первого взгляда. Хотя пусть будет так, как ты сказал, я не против, но что дальше? Что ты хочешь от меня?

– Закончить миссию и продолжить наши отношения.

– Но у нас пока нет отношений, да и здесь на станции во время турнира о них не может быть речи, ты ведь понимаешь это.

– Я приеду к тебе в Америку.

– Отлично! Что ты будешь делать в Америке? Ты вообще был когда-нибудь в Америке? Ты даже не знаешь, где я живу. Ты не знаешь, с кем я живу, ты не знаешь, как я живу, ты ничего обо мне не знаешь, как ты собираешься приехать ко мне? Снимешь номер в отеле и начнёшь встречать по утрам с цветами? Заваливать почтовый ящик любовными письмами?

– Послушай, а какая тебе разница, как я буду это делать, если я тебя люблю?

– Ты действительно не в своём уме, ну да ладно. Давай сделаем так. Мы ещё раз вернёмся с тобой к этому разгово-

ру в конце турнира, если ты мне докажешь, что ты любишь меня.

– Доказать? Здесь? Как?

– Я не знаю, сам подумай. Но ты должен понять простую вещь. Встань на моё место. К тебе подходит человек и ни с того ни с сего говорит, что любит тебя и собирается поэтому прилететь через океан к тебе в другую страну и ты как бы должен также отреагировать на его чувства, хотя ты вообще его не знаешь и не можешь узнать, потому что это невозможно в данный момент, а человек настаивает. Поэтому в качестве гарантий его слов, основанных на юношеских амбициях, хотелось бы получить какие-то существенные доказательства.

– Хорошо, я согласен на всё! – спокойно и серьёзно ответил Хэлбокс с каменной хладнокровностью в лице.

– И даже на поражение в турнире?! – провокационно спросила «Coldy».

– И даже на поражение в турнире! – повторил Хэлбокс, не меняя интонации.

– Тогда смотри! – внезапно начала «Coldy», – ты тоже мне понравился, но в Америке, там где я живу нет дефицита с парнями твоего уровня. Поэтому твои слова о любви будут действительно иметь для меня какое-то значение, если ты намеренно проиграешь гонку. Как тебе такое доказательство?

– Хорошо, я проиграю гонку! Но объясни, почему для те-

бя так важно, чтобы я её проиграл? Неужели в моём поражении есть такая ценность для тебя.

– Не прикидывайся идиотом! Ты думаешь здесь все такие простые, что вот так вдруг, не подготовившись, взяли и пришли к тебе на встречу? Я прочла твоё досье. Ты Виктор Удочкин, военный инженер морских спецподразделений, базирующихся на Балтике. У тебя отличный послужной список и в программе «Полярной Навигации» ты числишься с высоким уровнем профессиональной результативности. Ты третий в группе по показателям, а твой сновигатор «Progressor» обладает отличными тягово-скоростными характеристиками и динамикой управления. Ты опасен, не говоря уже о том, что просто превосходный соперник. Как ты сам думаешь, есть у меня заинтересованность в твоём поражении или нет?

Тут «Coldy» внезапно положила свою нежную и красивую руку сверху на руку Хэлбокса, лежащую на столе. Хэлбокс замер от её приятного прикосновения.

– Пойми, я вовсе не хочу тебе зла, – нежно и спокойно продолжила она, – и я верю в то, что ты меня любишь. Но если ты действительно хочешь ко мне в Америку, то ты должен играть на нашей стороне. Таковы наши условия. Вот и всё. Нам не стоит понапрасну светиться перед всеми на этой станции, тем более что интимная близость между нами здесь не возможна. Я не буду переспрашивать тебя, и зарекаться твоими гарантиями. На трассе я пойму, действительно ты проиграл или у тебя просто не было шансов, но ты боролся

до конца. Не беспокойся, ребята тебя пропустят ко мне до «Карусели Дяди Сэма» и тогда ты мне покажешь, как ты меня любишь. Да, и, кстати, ты очень милый, мне понравилось с тобой. Спасибо, что пригласил.

С этими словами «Coldy» аккуратно и сексуально поднялась из кресла, медленно подошла к Хэлбоксу, наклонилась и нежно поцеловала его в щёку, слегка дотронувшись своей ладонью его шеи.

В этот момент Хэлбокс ощутил наиприятнейший аромат её духов, тела и запах волос. Он впервые за долгие годы вошёл в такое райское состояние наивысшего наслаждения. Это был апофеоз его романтических чувств. Он был навсегда околдован её чарами, теперь, несомненно, его сердце принадлежало только ей.

«Coldy», не торопясь, отстранилась от него.

– Пока, Хэл, – сказала она тем же лёгким и жизнерадостным голосом, что и вначале их встречи. Затем она выпрямилась и красивой размеренной походкой удалилась прочь.

Хэлбокс оставался сидеть ещё некоторое время, переваривая те эмоции и чувства, которые возникли у него в процессе общения с «Coldy». Он практически не думал ни о чём, а хватался за таявшие и испаряющиеся слой за слоем свежие ощущения от этой непродолжительной романтической встречи. Его абсолютно не затрагивало то, что он только что дал слово, когда речь шла об очень серьёзных и тяжёлых вещах, касающихся не только его и даже не только его коман-

ды, а всей его страны в целом. Любовные чувства оказались настолько сильными, что напрочь отшибли осознания реальности происходящего, ведь фактически сейчас он не только нарушил новые протоколы миссии, но и сдал своё выступление, сдал свой бой, сдался ей полностью.

ГЛАВА XI. ДВЕ ДЕВЯТКИ.

(все реплики в этой главе происходят на английском языке)

В офисе «Big Father House» за столом сидели четыре человека. Пятым был Архип Великий, он стоял как обычно на верхнем ярусе в пол оборота корпуса к присутствующим, таким образом, что всё равно мог наблюдать стартовую площадку и часть первого сектора турнирной трассы. В руках он держал бокал с виски. Такой же бокал стоял перед американским послом, напротив которого уже по обыкновению сидел представитель из Москвы, к которому все обращались по имени Борис. Он и ещё одна женщина пили шампанское из больших длинных бокалов. Четвёртым человеком был тот самый представитель Британской Короны, рыцарь Его Величества Короля Великобритании Сэр Томас Уиттл, который ничего не пил, а просто сидел вместе с остальными молча с очень спокойным и даже равнодушным, но в тоже время серьёзным и лицом. Особое внимание хотелось бы обратить

на женщину, которая сидела у противоположного изголовья стола. Это была высокая и очень красивая натуральная блондинка с длинными волосами, голубыми глазами и великолепной фигурой. При решении деловых вопросов она держалась очень строго, но в целом не была лишена обычной раскованной простоты. Звали её Марта Баумгартен, она являлась представителем немецкой стороны программы «Polar Navigation».

Не смотря на присутствие официальных лиц обстановка была достаточно раскрепощённой. Присутствующие в свободной форме сидели за столом, разговаривали на разносторонние темы и распивали дорогое спиртное.

– Послушайте, Уолтер, – обратился Борис с долей иронии к Уолтеру Кику (Walter Kick), американскому послу, – вы обещали рассказать о загадочном названии вашего проекта «Две девятки». Мне не терпится наконец-то услышать, в чём же кроется этот ваш таинственный секрет?

Послу такое обращение явно не понравилось, так же как и раньше всё их общение обычно сводилось к взаимным лингвистическим дуэлям, поэтому он сразу повёл диалог с нотой пренебрежения и надменности.

– Вас всё время приходится учить Борис, это наводит на некоторые подозрения, – сделал он язвительный и провокационный намёк в ответ, – но всё же я попробую достучаться до вашего интеллекта и выразить довольно простую по своей структуре математическую загадку этого, как вы посчитали

для себя «таинственного секрета».

На лице Бориса слегка отразилась скорбная гримаса.

– Так вот, – продолжал Уолтер с долей убедительности в голосе, – не тяжело догадаться, что девяток две по числу секторов: два сектора – две девятки, из чего также вполне естественно следует, что каждый сектор назван девяткой. Здесь возникает вопрос, почему именно цифра девять? Как уже можно было догадаться с самого начала по количеству используемых цифр в названии, то есть двойки и девятки, что оно связано с вычислениями и ответ, скорее всего, нужно искать в нумерологии. О чём говорит вам число девять, Борис, если мы прибегнем к нумерологии?

– Я не особый, знаете ли, знаток нумерологии, но если вы, наконец, просветите меня, я буду вам очень признателен, – ответил Борис без всякого смущения.

– Что ж, извольте, – довольно спокойно продолжил Уолтер, – в нумерологии существуют простые и сложные числа. Возьмём, к примеру, сложную цифру двадцать три, которая состоит из простых цифр два и три, – это чтобы вам было гораздо более понятней. Также любое сложное число упрощается до простого путём сложения его простых составляющих. Например, сложное число тринадцать упрощается путём сложения единицы и тройки, в результате чего получается простое число четыре. Итак, каждое число в математике обладает своим уникальным свойством. Так, например, девятка при сложении с любым простым числом в сумме об-

разуёт сложное число, которое при упрощении до простого всегда выдаёт результатом то самое простое число, которое вы прибавили к числу девять. Например, девять плюс пять равно четырнадцать, то есть один и четыре, один плюс четыре равно пять. Или девять плюс восемь равно семнадцать, то есть один и семь, один плюс семь равно восемь. Таким образом, уникальность девятки заключается в том, что чтобы вы к ней ни прибавляли, вы получаете в ответ то же самое.

– Что вы хотите этим сказать? – смущённо спросил Борис.

– А в этом и кроется тайный масонский смысл названия проекта этих секторов. Что бы вы с ними не делали, в ответ вы получите то же самое. То есть чем больше сил вы будете прилагать к преодолению, тем больше вы получите сопротивления в ответ!

И Уолтер громко расхохотался на весь офис.

Сидящие рядом тоже смиренно улыбались, сдерживая эмоции и глядя на Бориса.

Борис некоторое время находился в сконфуженном состоянии, а потом смущённо и возмутительно возразил.

– Ну это мы ещё посмотрим!

– Да?! А что вы сделаете?! – начал уже откровенно и провокационно дразнить его посол.

– У нас есть специалисты, которые неоднократно подтверждали своё превосходство в различных сложных ситуациях!

– Это вы про своего нового капитана Джонса сейчас говорите?!

– А что вы можете привести на практическом примере кого-то более профессионального, чем он из своей команды?

– Зачем? Давайте мы лучше с вами поспорим, если вы так уверены в том, что он лучший из всех существующих пилотов программы, то по вашей логике он однозначно пройдёт оба сектора, и ему это ничего не будет стоить! Так?!

– Ну допустим и что?

– Тогда пусть идёт первым! Давайте поставим его в первый заезд, и пусть он нам всем покажет, какой он у вас крутой, раз вы так в этом уверены!

– Действительно, Борис, – поддержал Уолтера Томас Уиттл, – мы все считаем своих пилотов высокими профессионалами, однако если вы говорите о практическом превосходстве вашего пилота, то пусть он докажет это на практике и мы снимем перед вами шляпу.

Борис сидел, как будто набрал в рот воды. Он чувствовал, что его намеренно спровоцировали на что-то, но совершенно не понимал на что именно, так как не знал реального происхождения вещей. Ему было неизвестно о том, что уже знали о трассе пилоты российской группы, и он не понимал, к какой пропасти его подталкивают его оппоненты. На вид всё выглядело так, будто речь шла только о формальном столкновении чести двух сторон и не более. Долго мяться было не к лицу, так как вызывало повод в подозрениях о том, что он струсил, а в этом случае это бы означало, что он просто кинул свои слова на ветер без уважения к чужим аргументам.

Прикинув ещё раз все «за» и «против», Борис сделал для себя вывод о том, что если Джонс действительно самый лучший из, по крайней мере, своей группы, то почему бы ему на самом деле не пройти эту трассу ещё раз, подтвердив свой статус. В конце концов, в группе были ещё сильные пилоты, и на Джонсе бы всё дело не встало, поэтому он принял опрометчивое решение просто пойти на спор, даже если бы это и повлекло отрицательный результат.

– Хорошо! – ответил он, я готов поспорить с вами, пусть капитан Джонс выступит первым, но, простите, как мы это сделаем, ведь на турнире действует компьютерная жеребьёвка.

– Я вас умоляю, Борис! – ответил уже явно довольный результатом Уолтер, – мы здесь жеребьёвка!!! Я здесь жеребьёвка!!! Я здесь оплачиваю проведение турнира, а также строительство и ремонт трасс, поэтому я здесь и жеребью!!! Не обращайтесь внимание, господа, ничего страшного не случится, если мы сделаем маааленькое исключение для всего одного пилота, вот и всё. Мы ничего не выигрываем с этой подтасовки, поэтому какая разница? Так что же, Борис, вы не будете против, подтасовать один маленький результат в пользу нашего спора?

– Хорошо, – ответил уже более довольный Борис, расслабившись от того, что его спросили.

– Отлично, тогда пусть Архип сделает соответствующее распоряжение. Архип, ты слышишь меня? Мы обо всём до-

говорились в присутствии многих!

В ответ Архип удручающе посмотрел на посла и бесшумно посмеялся.

– Пойдите, господа! – внезапно очень строго и вызывающе начала вдруг Марта Баумгартен, – не кажется ли вам слишком неуважительным так легко и непринуждённо совершать столь сомнительные в отношении честности проведения турнира сделки в присутствии дамы?! Вы поставили меня этим в не приличное положение!

Сидящие вдруг замешкались. Претензия Баумгартен пролетела, как ракета точно в цель и была очень грамотно изложена с соответствующей интонацией и внешним хорошо поставленным негодованием.

– Ой, простите нас, пожалуйста, Марта! – начал извиняться Уолтер, – мы с представителем из Москвы действительно увлеклись и не заметили, что превысили возможные рамки приличия по отношению к вам. Не так ли Борис?

Борис основательно покачал головой.

– Но, к сожалению, – продолжил посол, – уровень наших решений не позволяет нам делать ходы назад, поэтому чтобы разрешить создавшуюся ситуацию, мы хотели бы спросить у вас, как мы можем загладить свою вину?

– Что ж, – ответила Марта с некоторым облегчением, – тогда давайте и я залезу вместе с вами в ваши тёмные делишки. Предоставьте и нашей стороне подтасовать результат жеребьёвки один раз!

– Ну что же, господа, – ответил Уолтер, – я думаю никто не будет возражать, если дама один раз тоже воспользуется такой же возможностью, как и мы и сделает себе маленькую поблажку?

Все как один естественно положительно промолчали в ответ, изображая на лице мимику полного отсутствия каких-либо возражений.

– Что бы вы хотели изменить в свою пользу, Марта? – осторожно спросил Уолтер.

– Пусть мои мальчишки, Ганс и Йозеф выступят вместе в одном заезде, разумеется, случайно! Ведь согласитесь, бывают случайные совпадения, как близнецы при родах, например.

– Хорошо, – я думаю, это не составит Архипу никаких проблем, не так ли, Архип? – обратился Уолтер Кик с внемлющим, полным наивности и простоты вопросом к Архипу Великому, сделав соответствующее абсолютно наигранное выражение лица.

– Конечно, – довольно хладнокровно и просто ответил Архип, – сделал для одного – сделай и для другого!

И Архип быстро сбежал по ступенькам вниз к столу, чтобы поставить стакан.

– Итак, сегодня я сделаю два распоряжения по поводу проводимой жеребьёвки: в первом заезде будет выступать капитан российской команды Джонс, а оба немецких пилота выступят в одном заезде сразу. Больше ни у кого нет ника-

ких пожеланий?

На несколько секунд вокруг воцарилось полное молчание, как будто всё замерло. По логике вещей очередь за словом была у Сэра Томаса Уиттла, но он невозмутимо молчал, не подавая даже малейшего вида. Всё выглядело так, как будто ему было абсолютно всё равно, что происходит вокруг и он такой ненавязчивый, случайный и скромный прохожий, который просто шёл мимо и присел рядом, чтобы немного отдохнуть. В некотором смысле его внешний вид вызывал даже жалость или умиление, хотя на самом деле всё было гораздо иначе. Англичане действительно сделали из купленного сновигатора конфетку и теперь собирались блеснуть ей, а значит и собой на весь мир, поэтому о победе их пилота на турнире с американской стороной речь как бы даже и не шла, это просто особо не обсуждалось в связи со своей естественностью. Американская же сторона всегда держала на мушке всех русских ферзей в колоде и козырным ферзём конечно же являлся капитан Джонс, которого было просто необходимо устранить любой ценой. Самым лучшим способом сделать это было, выпустив его на трассу первым, чтобы у него не было ни одного шанса проанализировать течение всей гонки до своего выхода. Таким образом, вся его подготовка, а значит, и практический опыт сводились к нулю. Уолтер Кик, как впрочем, и все за этим столом, да и Архип Великий тоже были те ещё провокаторы и махинаторы, которые без особого труда и даже с удовольствием играли на-

людне и сочиняли плутни, у кого как резвее получится. И сегодня в капкан попался Борис. «А не надо было ёрничать над масонскими загадками» – подумал про себя Уолтер Кик, обосновывая свои действия, – «Да ещё и в присутствии масона, подставляя меня, как клоуна на арене».

Марта Баумгартен естественно тоже прикинулась жертвой, практически как робот – артист с отработанной постановкой и конкретными задачами. Конечно же всё происходящее не было запланировано заранее, просто каждый из присутствующих максимально анализировал обстановку и ситуацию и сразу реагировал с учётом своих острых интересов. Таким интересом, конечно же, как и у любого представителя своей страны, у Марты была победа её пилотов на этом турнире. Она знала, что остальные даже не подозревают, чем на самом деле занимались немецкие пилоты все эти два года, тренируясь на своих полигонах, и каких результатов они добились в паре, поэтому сразу же протолкнула на первый взгляд свою достаточно безобидную комбинацию. Это было её весёлым сюрпризом, который она как бы приготовила для всех, и не спешила ставить в известность, придя на детский утренник таких наивных простаков, услужливо улыбающихся друг другу.

Таким образом, среди присутствующих была разыграна очень сложная комбинация с большим количеством фигур, в результате которой американцы добились своей цели, немцы ловко воспользовались ситуацией и взяли себе сильную,

скрытую позицию, Великобритания сидела и прикидывалась честной дурочкой, а вот дураком-то как раз на самом деле остался представитель из Москвы, решив поумничать над чужим монастырём.

Архип Великий в данном случае, как собственно и всегда, выступал в таких каверзных спектаклях в роли аутсайдера, которому в принципе было без разницы, лишь бы действие продолжалось. И его можно было понять, так как лезть в склоку на чью либо сторону для него было всё равно, что просто подставляться под удар. По-хорошему ему вообще не было дела ни до Америки, ни России, ни до какой-либо другой стороны, если бы он мог оперировать такими суммами денег. Но так как таких денег у Архипа не было и быть в принципе не могло, то поневоле приходилось участвовать в подобных расстановках интересов и приоритетов.

Итак, встреча уже подошла к своему окончанию, эндшпиль завершился, а хищники оттаскивали в разные стороны куски окровавленной добычи, изощрённо растерзанной острыми, как бритва клыками, и довольно урчали в предвкушении её поедания. Это была внезапная, очень быстрая и красивая охота с грациозными прыжками и безжалостным остервенением. И как всегда был тот, кому ничего не досталось, а может быть, это и была та самая жертва, которая просто ещё не успела понять, что её съели из-за скорости атаки.

ГЛАВА XII. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТУРНИРА.

Когда утром российская группа во главе с Купером зашла в центральный зал, где проводилось официальное открытие турнира, там уже присутствовали практически все официальные лица программы «Polar Navigation», гости и пилоты стран участниц, а также несколько репортёров, фотографов, журналистов и операторов, всего две журналистские съёмочные группы. Зал, конечно же, не мог вместить полное количество гостей, поэтому для второй половины был организован фуршетный стол в главном холле у выхода на стартовый полигон, а также в главной аудитории, куда велась основная трансляция с трасс на огромный экран. Таким образом, все присутствующие периодически менялись местоположением, переходя из одного места в другое. Это было достаточно удобно, так как гости пили шампанское и ели различные закуски, чередуя это с присутствием на официальной части. VIP-зон конечно же не было, так как все гости на станции относились к этой категории персон. Всех пилотов выстроили в длинную шеренгу с одной стороны зала. Съёмочные бригады моментально приступили к работе. Журналисты не давали покоя присутствующим, постоянно интересуясь подробностями общих впечатлений от происходящего. Фотографы то и дело производили очереди вспышек и щелчков фотокамер. Основное действие было доверено председателю американской наблюдательной комиссии по проведе-

нию турнира, которая также выполняла функцию жюри и административного комитета. Звали его Ричард Уорд (Richard Ward). Это был представительный мужчина лет пятидесяти, высокого роста, темноволосый с очень хорошо поставленной речью. Он делал в микрофон общие объявления о правилах, графике и порядке предстоящих мероприятий, о том, как будет вести свои наблюдения комиссия и о других административных формальностях проведения турнира. Затем пришла очередь ознакомления с пилотами, и он по одному начал представлять всех участников слева – направо, как они стояли, называя страну, которую они представляют, имя и позывной, если таковой был у пилота:

– Соединённые штаты Америки:

Стив Эдисон позывной «Snowman» («Снеговик»),

Брайн Хейс позывной «Baby Hugh» («Малыш Хью»)

Джеймс Дженкинс позывной «Joker» («Джокер»)

Джэйси Кроус позывной «Little Coldy» («Маленькая Колди»)

Российская Федерация:

Евгений Громов позывной «Джонс»

Борис Зордин позывной «Зордакс»

Екатерина Фролова позывной «Кэтрин»

Алексей Христофоров позывной «Аксель»

Дмитрий Разгуляев позывной «Вэндэр»

Виктор Удочкин позывной «Хэлбокс»

Ольга Фреянова позывной «Фрэя»

Германия:

Ганс Майер

Йозеф Кёхлер

Япония:

Каташи Миядзаки позывной «Намахагэ»

Кен Хаттори позывной «Фризер»

Китай:

Лу Цзин позывной «Лу»

Вэй Пинг позывной «Кио»

Великобритания:

Найджел Бэйкер

Франция:

Андрэ Марсо

Швеция:

Ларс Олофсон

Финляндия:

Арвид Хулко

Пилоты в этот момент делали шаг вперёд и выходили из шеренги для лучшего обозрения присутствующими.

Когда очередь Джонса прошла, и за ним уже вышел третий участник, сзади его кто-то слегка одёрнул за форму. Джонс развернулся и увидел знакомое лицо. Это был Мичман, он приехал вслед за основной группой в качестве механика – консультанта для участия в текущем ремонте снеговигаторов российской стороны вместе с основной командой

технического сопровождения на станции Амундсен-Скотт. Они вдвоём со своим напарником выехали на специально оборудованном для дальних переездов гусеничном вездеходе с прицепом сразу за основной группой три дня назад и приехали только вчера поздно вечером. Вездеход представлял из себя передвижной автономный комплекс (ПАК) для жизнеобеспечения, т.е. проживания внутри как в трейлере, а в прицепе были все необходимые спец инструменты, оборудование и запасные части.

– Как вы доехали? – спросил у него Джонс приглушённым голосом, как из суфлёрной будки.

– Всё в порядке, добрались как положено, – ответил ему Мичман, – правда жить во время турнира придётся внутри ПАКа, но там довольно комфортно, а душевые у нас с техперсоналом станции будут общие в их жилом комплексе. Они ведь там тоже в коммунальных каютах живут, в ПАКе наверно даже покомфортней будет.

Когда официальное представление участников закончилось и пилоты свободно разгруппировались среди гостей и журналистов, Хэлбокс проворно пробрался сквозь кучу столпившихся людей и подошёл к «Coldy», чтобы поздороваться.

– Привет, Джейси! – произнёс он, – как дела.

– Всё хорошо, а у тебя? – дружелюбно переспросила она, посмотрев ему в глаза.

Хэлбокс сразу растаял на месте, он даже не ожидал такой

взаимной реакции от неё.

– У меня всё в порядке, за исключением того, что я скучал по тебе.

– Прекрати, не надо этого, мы обо всём с тобой, по-моему, уже договорились. Меня не прельщает излишнее внимание и сумбурная романтика ни к делу особенно здесь и сейчас. Не на до киснуть всё время.

– Ладно, хорошо, я просто так сказал, думал тебе будет приятно.

– Получилось ещё хуже, как это «просто так»? Ладно, лучше совсем замолчи, пойдём выпьем шампанского.

– Да, конечно обрадовался Хэлбокс, как ребёнок, которого позвали есть торт.

Они прошли сквозь хаотично движущуюся массу гуляющего туда – сюда народа к главному холлу и взяли по бокалу.

– Тебе нравится шампанское? – спросила «Coldy», сделав глоток.

– Да, довольно неплохое, – ответил Хэлбокс.

– Ты не передумал? Я про наш прошлый разговор, – спросила она внезапно.

– Нет-нет, что ты? – ответил он.

– Ты странный конечно, ну да ладно.

В её голосе прозвучало подозрительное сомнение, которое очень напугало Хэлбокса, так как ставило его в неопределённую для него критическую позицию с точки зрения её отношения к нему. Сначала он хотел задать вопрос «поче-

му?»), чтобы разобраться, но потом сразу сообразил, что может стать ещё хуже и лучше вообще уйти в сторону от этого разговора. Чтобы придумать новую тему не ему не понадобилось долго размышлять. Он обратил внимание в самом начале официального открытия, когда их построили вместе с остальными пилотами, что Брайнс Хейс по прозвищу «Малыш Хью» был совсем не похож на малыша, но даже не поэтому он бросился ему в глаза. Он был довольно плотного и мощного сложения и внешне даже чем-то смахивал на Марка Гринуэя, хедлайнера группы «Napalm Death». Хэлбокса очень заинтриговало столь необычное сходство, поэтому он не удержался и решил спросить:

– Скажи Джейси, почему у вашего пилота Брайна Хейса такой позывной «Малыш Хью»? Ведь он не очень похож на малыша. Я бы даже сказал, что он скорее здоровяк, а не малыш.

«Coldy» хихикнула и чуть-чуть не подавилась шампанским от смеха.

– Это не совсем весёлая история, – начала объяснять она, но если ты обещаешь мне особо не распространяться по этому поводу, то я так и быть тебе расскажу, хотя секрета особого в этом нет.

– Очень интересно! – ответил Хэлбокс, – хорошо, я никому больше не скажу.

– Ну ладно, слушай тогда, – продолжила «Coldy», – Брайн Хейс вырос на ферме. Его родители плохо следили за ним,

потому что и отец и мать очень много трудились по хозяйству и не вели с ним никакой воспитательной работы. Отец решил накопить огромную сумму денег на его учёбу в престижном университете, поэтому заставлял жену тоже работать с утра до ночи вместе с ним, и ребёнок с малолетства оставался на долгое время один. В результате с ним произошла странная психологическая патология, он до десяти лет сосал соску. Детскую соску, понимаешь, а родителям было всё равно, они не обращали на это внимание. Всё ухудшилось ещё тем, что соску он сосал только дома, в школе, куда его возил отец за тридцать километров, он этого не делал, поэтому люди это поздно заметили. Привычка конечно безобидная, но позже, когда с ним начал работать детский психолог, ему с большим трудом удалось переключить Брайна на компьютерные игры и жвачку. Во время наблюдений он обнаружил, что когда Брайн нервничает, он начинает интенсивно жевать, и в это время у него происходит аномальный всплеск мозговой активности. Ему поставили какой-то очень сложный вид аутизма, а спустя годы в результате успешного проведения психологом альтернативной замены Брайн стал чемпионом мира по консольным играм в гонках типа «Need for Speed» и различных шутерах. Это и была одна из причин, по которым на него и обратили внимание. Прозвище «Малыш» так и осталось из-за соски ещё со школы, а «Хью» к нему приклеили за то, что в том же возрасте он фанател с Хью Джекмана и на каждый Хэллоуин одевался Росомахой

из «Люди X». Соску эту он, кстати, до сих пор таскает с собой, как амулет. Немного смешно, правда?

Хэлбокс задумался. История действительно оставляла неоднозначные внутренние чувства.

– Послушай! – внезапно спросила «Coldy», – информация за информацию. А за что вашего бывшего капитана прозвали «Зордакс»? Что это? Я никак не могу это перевести.

– Так это просто, Джейси. У него фамилия Зордин. В армии он был сначала водителем, потом пулемётчиком, а затем командиром бронированной транспортной машины в очень жёстком подразделении ДШБ. Это десантные штурмовики, достаточно фанатичные психопаты, один из самых тяжёлых видов спецвойсковых подразделений. Он совершил пять прыжков с семьдесят шестого Ила в этом БэТэРе, а радио позывной в нём у него был «Заря». Кроме этого он прошёл несколько спецопераций в какой-то горячей точке, никто обычно не рассказывает о подробностях таких эпизодов своей жизни. Ну и вот здесь в программе, когда дело дошло до выбора позывного, он сформулировал прозвище с тем же соответствием, добавив окончание, чтобы просто звучало интереснее, как у всех. Вот так.

– Ничего себе! – удивилась «Coldy», – крутой мужик.

– Ну да есть немного, – спокойно ответил Хэлбокс, загадочно и подозрительно скосив на неё глаза.

– Ладно, мне пора, – сказала она, допивая шампанское, – встретимся на трассе. Не скучай больше.

И «Coldy» с весёлой жизнерадостной улыбкой легонько взяла Хэлбокса за руку на прощанье, оттянув её немного в сторону, а потом скрылась в толпе.

Хэлбокс опять впал в уныние, но не показывал вида. Он решил вернуться к группе, чтобы немного развеять печальное настроение из-за очередного скорого расставания, и первым, кого он повстречал на пути, оказался Зордакс.

– Кто это?! И что у вас за разговорчики по душам?! – сурово и не довольню спросил он с явным подозрением.

– Ты дурак что ли? Это Джейси Кроус из американской команды, её только что представляли, – беззаботно ответил Хэлбокс.

– Да мне плевать, хоть Синди Кроуфорд! Ты о чём с ней там трёшь посреди турнира?! – уже более злобно продолжил Зордакс.

– Я тебя что-то не понял, дружище, ты у нас что ли открыл собственный комитет по контролю внешних отношений и теперь ведешь наблюдение? Так-то я тебе вообще ни в чём отчитываться не должен, поэтому давай ка тон свой поубавь, здесь тебя никто не спрашивал! – жёстко ответил ему Хэлбокс, не позволяя нарушать границы своих личных интересов.

– Да ты что?! Сейчас посмотрим должен ты кому-то или нет!

И Зордакс немедленно направился искать Джонса.

– Капитан! – требовательно окликнул он его, спустя

несколько минут.

Джонс неприятно посмотрел в сторону Зордакса, но не без должного внимания.

– Что случилось? – серьёзно спросил он.

Рядом с ним стояла Фрэй и Вэндэр. Их втроём только что отпустил журналист, после ряда вопросов перед камерой. Зордакс подошёл ближе.

– Я хочу доложить вам о неуставных связях нашего пилота Хэлбокса с пилотом «Little Coldy» из враждебной нам американской команды.

Джонс ненадолго задумался, переваривая сказанное. А потом переспросил:

– Вы, пилот, Зордакс хотите сказать, что видели, как Хэлбокс разговаривает с ней и, скорее всего, спросили его об этом, но он вас послал и вы пришли ко мне, не так ли?

– Да именно так! Это нарушение местного регламента проведения турнира и возможная попытка шпионажа с их стороны.

– Хорошо, я буду иметь в виду. Спасибо, что сказали. Вы свободны, сухо ответил Джонс.

– В смысле свободен? – спросил Зодакс.

– Ну, молодец – молодец, Зордакс, что ты ещё хочешь от меня, чтобы я его подверг пыткам, а затем расстрелял? Я же сказал, я буду иметь в виду, что он с ней о чём-то общается. При необходимости мы выясним, о чём. А пока всё. Вы правильно всё сделали.

Зордакс развернулся и ушёл нахмурившись от сожаления, что не добился желаемого результата.

– Так, это что за новость, я не понял? – начал говорить стоявшим рядом Джонс с некоторым подозрительным удивлением.

Вэндэр молчал. А Джонс тем временем уже начал подробно сканировать его реакцию.

– А ты что замолчал, а? – спросил он у Вэндэра.

– А что, я ничего не знаю, – ответил он.

– А спорим, что ты врёшь? – продолжил Джонс.

– С чего вдруг мне врать? – начал оправдываться Вэндэр.

– А с того что вы с ним не разлей вода, и ты бы не отреагировал молчанкой, если бы внезапно узнал что твой кореш трётся с какой-то тёлкой, а тебе ничего не говорит. Хочешь сказать, что это нет так? Давай говори, что знаешь! – начал психологически давить на него Джонс.

Фрэя стояла рядом и мгновенно взяла ту же тактику подозрительного и пронзающего насквозь взгляда в сторону подозреваемого в предательстве и других особо тяжких и опасных грехах преступника.

– Нуу, он мне сказал только, что он её любит и всё, – я больше ничего не знаю.

– Кого любит? – уже с некоторым юмором в голосе, собираясь рассмеяться, переспросил Джонс.

– Ну, эту, как её? «Coldy», американскую гонщицу, – растерянно объяснил Вэндэр.

– Когда он успел в неё влюбиться то?! – удивился Джонс, вопросительно обращаясь к Фрэе в тоне обсуждения данного вопроса.

– В общем, мы шли в бильярдную, а они – на полигон, он её увидел и влюбился, типа с первого взгляда что ли, – затараторил Вэндэр.

– А когда это было? – продолжил Джонс свой допрос.

– Два дня назад, ну то есть в первый день приезда, то есть на следующий день, после того, как мы приехали, – запутался Вэндэр.

– Да понял я! Что ты так волнуешься?

И Джонс пристально посмотрел на Вэндэра исподлобья с некоторым подозрением.

– С первого взгляда... – задумчиво пробубнил он себе под нос, – надо бы поговорить с ним, как он вышел на неё? Это нарушения, почему до сих пор безопасники молчат и Купер тоже? Он что только сейчас с ней познакомился? Здесь что-то не то. Пойду ка я найду его, как бы не случилось у нас неприятностей из-за этого прямо под открытие турнира. Ну, Хэлбокс – Хэлбокс... нашёл время для романтики.

И Джонс с тем же видом медленно двинулся на поиски Хэлбокса в толпе.

– Послушай, – одёрнул он его, спустя десять минут, – давай ка отойдём, надо поговорить!

– Начинается! – протянул Хэлбокс, – вот ещё проблему нашли.

– Щас тебе будет проблема, – спокойно и очень серьёзно ответил Джонс.

Они отошли в сторону от общей толпы под какую-то нишу.

– Ну ка расскажи ка мне, что там за дела у тебя с американкой, – спокойно спросил Джонс.

– А что такого? – начал упираться Хэлбокс, – мы познакомились и общаемся. Она мне нравится, я ей может быть тоже. Может я её люблю, кому какое дело до этого. Это моя личная жизнь и она никого не касается.

– Да успокойся ты, мне нет вообще никакого дела до твоих девок, – перебил его Джонс, – меня интересует, почему вас не напрягает служба безопасности? Вы оба из двух команд с самым острым конкурирующим противостоянием, ты что не понимаешь этого? Купера за яйца подвесят за твои шуры-муры.

– Да не подвесит его никто! Я сам его попросил, чтобы он меня познакомил. Ты думаешь, я дурак что ли, чтобы так вас подставлять?

– Так, ещё интересней стало! Значит безопасники всё знают, – на ходу изменил Джонс направление своих мыслей и тон голоса, – да уж, Хэл, умеешь ты говна подкинуть. Мне как бы вообще сейчас не до вот таких приключений.

– А что случилось то такого серьёзного? Это что запрещено что ли? То есть, если они разрешили сами, почему я не могу с ней общаться?

– Ты не строй из себя дурака, хорошо? Ситуация не простая, ты сюда не знакомиться приехал, а бороться за победу, и они твои основные враги, а ты мне сейчас говоришь тут, что жениться собрался. Какая красота, Хэл! Ты молодец! Может мне надо было тебя сразу поздравить?! А я тут зачем-то в подозрения впал! Короче, ты с ней ни о чём не договаривался надеюсь?! Ну типа заезд там проиграть или ещё что?

Тут Хэлбокс не на шутку струсил. Он остро осознал, что влип в очень плохую историю, потому что вопрос Джонса был настолько серьёзный и задевал ценности всей группы, всех тех, с кем он так долго работал рука об руку, что было невозможно просто так отовратиться, как будто это ничего не стоило. Но Хэлбокс соврал и соврал очень профессионально, что ещё можно было говорить о человеке выросшем в Санкт-Петербурге, хотя и Джонс сам был оттуда же.

– Ладно, это твои дела, я понял, – сухо ответил Джонс, – только смотри без глупостей всяких, чтобы она тебя не развела там ни на что, и осторожней будь, ещё чего-нибудь там не придумай.

– Конечно, не вопрос, ты знаешь меня, Джонс. Спасибо за понимание!

– Да уж знаю... – недовольно проворчал Джонс, удаляясь. Хэлбокс стоял с ощущением самой тяжёлой катастрофы за всю свою жизнь. Он старался не показывать вида, насколько ему было омерзительно и невыносимо, ведь только что он

предал своих друзей и даже свою Родину. Или не предал? Вот в чём вопрос! Теперь он осознавал, что с каждым часом он приближается к развязке этой адской дилеммы. И всё решит заезд. Но как понять? Если он просто проиграет, будет ли это выглядеть для остальных, как намеренный проигрыш? Тем более, что Джейси предупредила его, что всё решится в её секторе один на один вместе с ней. Да это была серьёзная загадка. Но вот ещё один вопрос, – если кто-нибудь выиграет заезд до него, то ведь станет не так уж критично именно его поражение, а значит, не будет уже ничего страшного в том, что он поставил свои любовные чувства и честь страны на противоположные чаши весов. Ведь должны, наконец, остальные понять и его, может это его судьба, и он будет страдать всю жизнь из-за этого. С каждым разом перед ним открывались всё новые и новые врата того дьявольского лабиринта. Теперь он думал о том, когда наступит его очередь выступать в гонке, и сколько пилотов его команды смогут удачно выступить до этого времени, если такое вообще случится. Например, если победит Джонс или Кэтрин, а может быть и Зордакс, ведь у него очень большие шансы на победу. Надо только, чтобы все они выступили вначале и конечно, если они пройдут сектора, тогда за его стараниями и победой остаётся совсем мало ценности и их можно с лёгкостью перевесить личными интересами. Ну, подумаешь, проиграл, – с кем не бывает? Остальные выиграли и команда забрала свои победы, а значит честь и престиж не поте-

ряны. Что ж, теперь остаётся ждать и надеяться, как всегда только на удачу. А если все проиграют, тогда что? Что он будет делать в этом случае? Дойдёт до «Карусели Дяди Сэма» и вдруг нарушит договорённости с Джейси? Что будет после этого? Он навсегда потеряет её? Это будет конец всему! А что если он и не выиграт при этом и она поймёт, что он пытался сопротивляться и обманул её, тогда он потеряет вообще всё, и его ещё могут обвинить в сговоре. «Вот это я вляпался!» – подумал с тяжёлой тоской Хэлбокс, – «Ладно, главное не убиваться раньше времени. Надо всё держать под контролем. Как-нибудь выкручусь. Всегда выкручивался!»

И он направился, чтобы выпить ещё один бокал и походить между гостями, как будто всё хорошо и ничего не происходит. «Скоро должны были объявить имена участников первого заезда», – подумал он, – «Ещё с шампанским накосячил, вдруг меня выберут. Да нет, меня точно не выберут, это было бы слишком просто».

ГЛАВА XIII. СОН АРВИДА ХУЛКО.

Высокие сосны над головой прорезали солнечный свет как сито. Оранжевая песочная поверхность почвы сменялась болотными кочками с можжевельником. Было тепло, в лицо порывами дул прохладный ветерок. Там вдалеке виднелась синяя манящая к себе гладь огромного озера. Что это? Лахнависи или Пуула? Звонкий девичий смех доносился со стороны.

– Хелка! – крикнул Арвид, – пойдём купаться!

Хелка бежала рядом и радостно смеялась. Она была весела и беззаботно перепрыгивала через маленькие кочки, на которых уже зацвела брусника.

Арвид не мог понять убегает она от него или нет. Он всё время пытался сосредоточиться на этом, но нужно было постоянно двигаться дальше. Она не отвечала ему, а просто смеялась.

Вот уже показался край воды. По поверхности проходила небольшая рябь. Было видно противоположный берег, а там лес, и сопка вдали. Небо было голубое и чистое. Всё сверкало на солнце. Арвид хотел привлечь внимание Хелки. Он увидел в воде плавающие брёвна.

– Хелка, хочешь, я покажу тебе, как я умею держаться на брёвнах?

Хелка продолжала звонко смеяться. Арвид шагнул на одно из брёвен. Оно сразу заметно ушло под воду, но он не испугался, а быстро перебежал дальше на ещё большее бревно. Внезапно бревно начало вращаться под усилием его ног. Арвид держал равновесие, как мог. Он вскинул руки вверх и начал быстро перебирать ногами. Бревно завращалось быстрее, а Хелка не прекращала смеяться над ним. Внезапно Арвид оступился и плюхнулся в воду со всего маху. Резкая холодная вода обескуражила его, он зацепился двумя руками за ствол, но ствол был очень скользкий и не позволял вылезти. Арвид так и держался за него в воде, глядя, как Хелка сто-

ит и смеётся на берегу. Внезапно Арвиду тоже стало смешно, и он засмеялся вместе с ней. Он поднял голову вверх и увидел в огромном светло-голубом пространстве неба яркое жёлтое ослепительное солнце, но не такое, как обычно, а в виде языческого символа, похожего на колесо с Г-образными спицами в виде лучей, которые медленно вращались по кругу. Оно было невероятно красивое и завораживало своим действием. Всё вокруг было умиротворённо и прекрасно, как лицо Хелки. Арвид почувствовал себя счастливым в этот момент и проснулся.

Проснувшись, он впал в некоторое приятное состояние от внутренних переживаний во время сна. Ему стало невыносимо интересно поскорее познакомиться с Хелкой, ведь он видел её только на фотографии. Она однозначно понравилась ему, и он посчитал, что если он видит её во сне, значит её образ очень сильно отпечатался в его подсознании. «Интересно» – подумал он, – «такой же ли у неё приятный, замечательный голос?»

Арвид встал с постели и пошёл в ванну. Потом он оделся и посмотрел на часы. На электронном табло в массивном спортивном корпусе от Casio была половина первого дня. Утренний заезд, после которого Арвид обычно отдыхал, уже состоялся, до обеда было ещё полтора часа. «Пойду выпью кофе» – подумал он, – «и надо чем-то себя занять, а то за эти два дня можно просто умереть от скуки».

После нескольких глотков капучино с корицей, не приду-

мав ничего занимательного на оставшееся время до обеда, Арвид решил просто пройтись по станции. Перейдя в гостевой корпус, Арвид увидел в холле, соединяющем коридоры большой аквариум с рыбками. «Ой, какая красота!» – подумал он. Он подошёл ближе и начал рассматривать их. Рыбок было много, они были разные и очень смешные на его взгляд. У некоторых были очень выпучены глаза, другие постоянно жевали, будто разговаривали. «Бу-бу-бу», – говорил вслух Арвид и тыкал пальцем в толстую надутую и по внешнему виду чем-то недовольную чёрную рыбку. Арвид так увлёкся, что уже не замечал проходящих рядом людей. В основном к ним относились гости, приехавшие на турнир. Они неоднозначно посматривали в его сторону, как на довольно странного и чудаковатого человека, который как маленький ребёнок стучал, тыкал и водил пальцем по стеклу аквариума, озвучивая разных рыбок по-разному какими-то неестественными голосами. Шоу было настолько занимательное, что неподалёку даже остановилась молодая пара. Девушка постоянно держала руку у рта, тихо давясь от смеха. Арвид отвлёкся, увидев, что за ним наблюдают. Но он не обратил на это особого внимания, а очень приятно улыбнулся такой доброй и душевной улыбкой, затем кивнул головой в знак приветствия, сказал «хэллоу», помахал кистью руки и спокойно удалился прочь.

ГЛАВА XIV. ПЕРВЫЙ ЗАЕЗД.

Когда Джонс услышал своё имя среди участников первого заезда, он резко изменился в лице.

– Так, я пошёл к себе! – резко и взволнованно сказал он стоявшим рядом с ним пилотам из его команды.

Вместе с ним в первый заезд Ричард Уорд объявил в микрофон ещё двух пилотов: шведа Ларса Олофсона и француза Андрэ Марсо на его сновигаторе «Супплант-эр» («Supplanter»), что переводилось с французского как «Вытеснитель».

Джонс сразу почувствовал неладное, его выход в первый заезд был как внезапный удар под дых. Это означало, что команда практически наверняка сразу теряла свой основной козырь. Джонс всерьёз очень рассчитывал на то, что выступит если не в конце турнира, то хотя бы где-то в середине, чтобы в достаточной степени изучить манеру ведения гонки каждого из охотников и быть максимально подготовленным к ней. И вот теперь всё это выглядело, как какая-то дьявольская подстава, вновь резко взвинчивающая и закручивающая смерч всех тех негативных факторов, которые уже были известны и вроде как улеглись в его сознании и успокоились как зубная боль.

Придя к себе в номер, он сразу кинулся к картам, составленным схемам и списку придуманных методов, которые должны были, по его мнению, помочь в прохождении трассы.

Через минуту в комнату постучал Купер и позвал голо-

СОМ:

– Капитан Джонс, вы у себя?

– Да, войдите! – коротко отозвался он.

– Вы должны быть готовы ровно через час! Я найду за вами, а сейчас я отправляюсь в машзал технического комплекса, чтобы проследить за подготовкой вашей машины к старту. Какое оружие вам поставить на этот заезд?

– «Двойку», – не задумываясь, ответил Джонс.

Особо подбирать можно было только исходя из определённых условий, а в данный момент у Джонса была абсолютная неопределённость, поэтому он сразу выбрал золотую середину.

Купер вышел за дверь, а Джонс напряжённо продолжил повторять уже изученные материалы.

Наконец, наступил тот долгожданный всеми момент на станции, когда пилоты собрались у главного входа для того, чтобы отправиться на полигон, занять места в кабинах своих сновигаторов и выйти на старт. Публика ликовала, фотографии и операторы продолжали усердно трудиться. На полигоне в этот момент уже отправлялась в путь первая пара американских пилотов к своим базовым местам сектора «Карусель Дяди Сэма», это были «Снеговик» и «Литл Колди». На хромовой краске крыльев рулевой аэродинамики даже издали были хорошо видны бортовые символика, соответствующие их позывным. Сновигаторы были разогреты и ждали своих хозяев на полигоне с подготовленными трапами, возле

каждого в ожидании стоял сотрудник группы техсопровождения.

Наконец, пилоты вышли на стартовую прямую. Диспетчер в эфире попросил всех приготовиться и начал обратный отсчёт с десяти. Три пилота вышли вперёд и сразу рассредоточились, набирая скорость. Первые две мили были абсолютно свободными от каких-либо препятствий для набора скорости и психологической адаптации пилотов. Этот подсектор в самом секторе «Carcass» назывался сектор «А» и делился по ширине трассы на три уровня: «А1», «А2» и А3» соответственно. Вся трасса у американцев была поделена для удобства определения местонахождения на множество подсекторов по буквам алфавита от «А» до «Z», исключая буквы «О» и «У». В ширину же трасса делилась на три уровня, каждый по триста метров: «1», «2», «3», итого пол мили общей ширины трассы. Когда пилоты – «жертвы» подходили к подсектору «В», где уже начинались препятствия, за ними со старта выдвигались «охотники» и начиналась так называемая «охота за жертвой». При движении в секторах с препятствиями скорость значительно падала, и это использовалось «охотниками», чтобы нагнать своих «жертв» на более высокой скорости при движении в подсекторе «А». Первые двенадцать миль, начиная с подсектора «В» до подсектора «Е» по всем уровням встречались наиболее простые препятствия, такие как «Small cube», «Average cube», «Small pyramid», «Average pyramid», между которыми в случайном порядке встреча-

лись «Small, Average и Big sloping hillock», а также «Small и Big sloping pothole». Здесь, в каждом подсекторе для защитного ухода от атак сзади был расположен так называемый «Barrel», куда можно было запросто заехать, как в огромную трубу, в которой на середине менялся угол по отношению к горизонту, и она как бы падала вниз, заставляя пилота резко менять технику управления с въезда вверх на съезд вниз. Этот манёвр и был той самой платой за возможное укрытие от преследующего обстрела. При этом, выезжая на скорости из трубы, было ограничено видно пространство спереди, и это тоже толкало на определённый риск столкновения с каким-либо следующим препятствием.

Все три пилота шли практически нос в нос, распределившись по уровням трассы. Джонс уже начал расслабляться, так как препятствия проходились нормально и особых сложностей не вызывали, пока вдруг, проходя подсектор «D», в мониторе заднего вида он не увидел выравнивающийся по его курсу сновигатор «охотника». Чей он было не видно, но первые залпы импульсных орудий дали серьёзный толчок в сторону. Машину сбило с курса, Джонс немного струхнул, но сразу же собрался и произвёл резкий манёвр влево – вправо, чтобы сбить преследователя с линии прицеливания. Вторые залпы прошли по сторонам. Стреляли с одиночных пушек, это было видно сразу и по характеру залпов и по силе первого лёгкого попадания. Джонс решил не увеличивать скорости, а продолжить гонку в таком же темпе, так как ожи-

даемого им второго охотника не было, а с первым получалось неплохо справляться и даже «Бугры» с «Ухабами» добавляли дополнительной манёвренности, что явно дестабилизировало наводку преследователя. Через несколько миль начинался лабиринт, это Джонс хорошо запомнил по тренировочным заездам. «Лабиринтов» было всего пять по всей ширине трассы, и въездов в них тоже соответственно было пять. По сути «Лабиринтом» назывался длинный изогнутый коридор, шириной всего десять метров и длиной три мили. В некоторых местах ширина сужалась до пяти метров. В таком узком пространстве на высокой скорости было очень тяжело управлять машиной, чтобы правильно входить в повороты и не задевать стены. Все «Лабиринты» были разные и некоторые Джонс вообще не знал, так как тренировочных заездов было всего три, но он специально прошёл три основных по середине и позже, просматривая съёмку их прохождения, останавливался, чтобы запомнить места на более сложных моментах. Он въехал в один из них и прибавил скорости, рассчитывая на свой прежний опыт. «Охотник» шёл от него на расстоянии около семидесяти метров, с хорошо поставленной скоростью, но не мог нагнать, так как Джонсу удавалось удерживать скорость, не смотря на преграды, а «охотник» не мог прицелиться, чтобы попасть и хоть как-то сбить её. Так же и в лабиринте, надеясь на то, что он сможет настигнуть цель на прямых коротких участках для выстрела, «охотник» заметно прибавил скорости, но Джонс уходил вперёд с

той же интенсивностью и ни разу не попадался в прицел. Так продолжалось все три мили и Джонса даже забавляло то, что его опыт военного вертолётчика в горных прибрежных районах как нельзя лучше способствовал его абсолютной недосягаемости на данном участке.

Следующие три подсектора «G», «H», «I» были аналогичны предыдущим до зоны «Лабиринтов», но содержали уже только «Big Cube» и «Big pyramid», а также «Low springboard», «Normal hill», «High springboard» и вместо «Бочек» для укрытия от преследующих атак здесь использовались «Sharp и Normal twist band». По сути это была зона «Трамплинов» с «Кручёными изгибами» различного уровня для того, чтобы резко и быстро менять курс следования, уходя в сторону от линии прицела, следовавшего сзади сноувигатора «охотника».

В конце подсектора «G» где-то посередине всей этой зоны Джонс опять увидел вышедшего на огневую позицию преследователя. Прошла первая атака, Джонс вильнул корпусом и ушёл. Скорость была не высокая, около пятидесяти пяти узлов. Джонс намеренно не превышал её, чтобы держать гонку в таком же темпе, ведь до конца сектора «Carcass» оставалось чуть-чуть, всего шесть с половиной миль. Вдруг он резко повернул голову вправо! Его боковой зрение заметило быстро движущийся объект, идущий наперерез ему, это был красный «Supplanter». Француз уходил от непрерывных атак и никак не мог удачно сманеврировать на имеющихся

препятствиях, поэтому решил взять эту штурмующую облаву скоростью, благодаря очень высоким скоростным показателям его сновигатора. Джонс быстро начал фокусировать внимание, прикидывая нужный вектор отклонения в сторону, ведь оба сновигатора шли наперерез друг другу как ножницы. Необходимо было сочетать сразу три вещи: быстрое, практически пикирующее отклонение француза в его сторону, следующие за ним очереди из «двойки» охотника и препятствия, которые никто не отменял, и они могли стать реальной угрозой для аварии. Заднего «охотника» Джонс не брал в расчёт, так как ему также сейчас приходилось быстро перестраивать конфигурацию преследования, чтобы не врезаться в своего же напарника. Расстояние от француза до его преследователя было около пятидесяти метров, и Джонс пошёл на довольно сумасшедший поступок, – он решил проскочить между ними и даванул вправо джойст штурвала боковой аэродинамики, левый рычаг тяги он резко выдвинул вперёд и нажал кнопку форсажа. «Fast Vector» издал угрожающий звук, сзади произошёл резкий удар турбо-инертных масс двигателей о поверхность и в воздух поднялся густой столб снега, который прилетел как раз в лобовое стекло следующего за ним «охотника». «Охотник» резко вырулил в сторону и серьёзно отклонился с курса преследования, избегая опасной ситуации. Француз проскочил впереди справа – налево, метрах в двадцати, Джонс сразу ушёл за ним в правую сторону, диагонально отклоняясь от ос-

новного курса. Охотник следовавший за французским сновигатором, немного притормозил и вырулил влево, немного замешкавшись в сложившейся ситуации. Когда он проезжал сзади Джонса по курсу преследования, Джонс быстро повернул голову назад и успел заметить на американском «Antarctic Phantom» бортовую символику пилота «Малыш Хью». «Ага!» – подумал Джонс, – «Значит, за мной шёл Джокер, буду иметь это в виду». Это было достаточно удобно для составления классификаций и описания манеры езды каждого пилота. Джонс не успел проехать одной мили вперёд, как вдруг раздался довольно характерный звук. Сновигаторы по левому флангу были в зоне видимости на расстоянии одной мили. Джонс быстро посмотрел в их сторону и увидел смятый внутри «Большой куб» который объезжает, притормаживая на вираже, сновигатор Малыша Хью. Вероятно француз не справился с управлением, обходя очередное препятствие на большой скорости и влетел на ней прямо в центр куба. «Да, не повезло!» – подумал Джонс. Но надо было прибавить газку, так как теперь ребята явно заострили внимание на нём, как на самой близкой цели. Джонс решил добавить напряжения и прибавил скорости, а Малыш Хью уже начал стрелять вдогонку слева, подбивая психику на то, что сейчас будет и его очередь. «Где Джокер?» – сразу пронеслось в голове у Джонса, ведь он потерял интервал сближения с ним на диагональном манёвре. Джокера нигде видно не было, а Джонс уже вот- вот выходил на финишный подсектор

«1» на уровне «2». Скорость начала вылезать за шестьдесят пять узлов, напряжение нарастало. Малыш Хью не отставал и продолжал то и дело пристреливаться к Джонсу, но расстояние было слишком большое, и все залпы проваливались, не достигая цели метров за пятнадцать, двадцать. «Успею!» – подумал Джонс, – «на такой боковой дистанции даже если Джокер вдруг откуда-нибудь появится, то он ничего не успеет мне сделать до финиша этого сектора. Ещё немного и Джонс уже видел маяки на экран – радаре. Малыш отстал, а потом и вовсе развернул свой сновигатор, направившись в обратную сторону. «Отлично!» – подумал Джонс, – «я их сделал! Интересно, что со шведом?»»

Теперь предстояло пройти «Карусель Дяди Сэма». Здесь трасса начинала поворачивать влево на сто восемьдесят градусов, делая огромную затяжную дугу, первый уровень которой был значительно короче по протяжённости, чем второй и третий соответственно геометрической теории окружности. Подсектора с препятствиями по всей данной зоне чередовались с пустыми подсекторами без препятствий в шахматном порядке. Это давало возможность набора дополнительной скорости, которую приходилось моментально сбрасывать, как только гонщик заезжал в следующий подсектор с препятствиями. Такой режим постоянных чередований набора и сброса скорости выматывающее действовал на психику пилота, и вводил в серьёзное заблуждение при смене уровней трассы, так как, меняя уровень в одном подсекто-

ре без препятствий, пилот внезапно встречался с плотным потоком препятствий соседнего уровня. При этом количество препятствий в каждом подсекторе было одинаковым, таким образом, в первом уровне с учётом меньшей протяжённости расстояния они встречались чаще, и прохождение на скорости было максимально затруднено. Безопасно двигаться здесь можно было только в режиме пониженных скоростей, что делало пилота прекрасной лёгкой мишенью. Поэтому для прохождения данной области приходилось балансировать между протяжёнными участками второго и третьего уровня, где можно было хорошо разогнаться, и коротким расстоянием первого уровня, периодически прибегая к уходу на него. Основными сложными препятствиями здесь являлись «Bridge» и «Mad bridge» с использованием простых корректирующее – направляющих и стесняющих курсовую манёвренность препятствий «Barrie from bellow», «Mad barrie» и «Mines». «Сумасшедшие мосты» в основном отводились в левую сторону, вытесняя пилота к более сложному первому уровню, чтобы он снижал скорость и становился хорошей мишенью. Принуждённо спрыгивать с мостов на сновигаторе приходилось с высоты двух с половиной метров. При этом частые прыжки очень выматывали, так как, не смотря на работу подвески, удары в кабине были ощутимыми. Шлагбаумы, которые внезапно лезли из под поверхности снега конечно можно было сбивать, а не оги- бать, совершая частые манёвры. Они разлетались как щепки,

но, несмотря на шадящий для поверхности кузова материал, они были достаточно плотными, и при ударе скорость машины всё-таки падала. С потерей скорости заезжать на мост было тоже не безопасно, так как при этом сновигатор заметно замедлялся, и его можно было удачно обстреливать, особенно, если мост внезапно начинал поворачиваться и пилот на нём становился боком к преследующему сзади «охотнику». «Мины» обильно взрывались и поднимали кучу снега, которая значительно затрудняла видимость. Именно поэтому проходить «Мосты» было несколько проще, чем врезаться в «Шлагбаумы» после «Мин» и общее расстояние здесь играло самую важную роль, поэтому для хорошего скоростного режима было всё-таки проще идти по самой большой дуге, что и сделал Джонс.

Шведа он так и не увидел, зато отчётливо видел свежие следы на снегу с глубокими рывтинами от резких манёвров. Это говорило о том, что он ушёл вперёд, а значит один «охотник» наверняка следовал за ним. Оставалось только понять, где второй «охотник», который в любом случае ждал именно Джонса, но он почему-то всё не появлялся. Джонс постоянно следил за монитором заднего вида, но частые уходы на «Мосты» снижали стабильность ракурса камер и вперемешку с интенсивным вниманием от прохождения других препятствий, а также с общей утомлённостью не давали должного эффекта отслеживания ситуации сзади. Это привело к тому, что под конец этой зоны в подсекторе «РЗ», когда

до конца дуги оставалось всего два подсектора «Q» и «R», где уже начиналась следующая зона «Жалюзи» («Blinds»), Джонс совершенно потерял контроль над ситуацией и расслабился. Заезжая на очередной «Безумный мост», он совсем не подозревал, что сзади прямо по курсу его следования, незаметно выйдя на линию прицеливания устремлено шёл «Снеговик», вооружённый одиночными дальнобойными пушками. Как только «Мост» начало внезапно разворачивать и «Fast Vector» Джонса начал поворачиваться боковой стороной к фронтальному направлению удара, «Снеговик» произвёл подряд четыре залпа с расстояния всего семидесяти метров, хотя хватило и первых двух. Сновигатор Джонса просто улетел с моста, ударившись о поверхность снега при приземлении, он перевернулся несколько раз и остановился на крыше. Это было внезапное и необратимое поражение!

ГЛАВА XV. ПОСЛЕДСТВИЯ.

– Как у тебя дела, Снеговик?

В эфире слышалось постоянное чередование напряжённых переговоров, шипений и щелчков раций.

– Я осторожно веду его по внешнему краю, Coldy.

– Не дай ему выйти из зоны, Снеговик! Это самое удобное место для атаки!

– Я знаю! Не мешай, Coldy!

Спустя некоторое время тишина в эфире вновь нарушилась:

– Хорошо идёт, засранец! Сейчас ты будешь мой! На – получи!!! Йо – Хо – Хоу!!! Это победа, Coldy! Я уделал его, ты слышишь меня?!

– Молодец, поздравляю тебя, Снеговик!

– Что у тебя с шведом, Coldy?!

– Можешь расслабиться, Снеговик, ты нас уже не догонишь. Проведу его до конца сектора, – тоже быстрый, зараза! Мне с ним ничего не светит, – оружие подбирали под другой расклад.

– Ладно, Coldy, тогда я уйду на базу.

– Давай! Увидимся «дома», Снеговик!

Джонс висел в кресле, пристёгнутый ремнями головой вниз. Было парадоксальным то, что наряду с его особой взволнованной озабоченностью перед заездом, сейчас он практически не испытывал ни капли каких-либо негативных чувств или переживаний по поводу его поражения. Сейчас его больше интересовало то, как скоро его освободят от этой неестественной позиции внутри кабины. Внешне его состояние можно было охарактеризовать, проведя аналогию с человеком, который стоит в позе, сложа руки на груди и немного наклонив голову набок, хмурится в некотором раздумье. Теперь ему действительно нечего было переживать за дальнейшую судьбу его команды, потому что, взвесив все варианты и

учитывая довольно простой и случайный проигрыш, по объективным соображениям он не мог претендовать на статус серьёзного консультанта или рекомендатора каких-либо способов прохождения трассы или тактик поведения на ней. На его взгляд гонка была абсолютно честная, а результат не более чем естественное стечение случайных обстоятельств. На первый взгляд это выглядело именно так во всей своей примитивности внешнего восприятия, но не было действительным на самом деле. В действительности всё было достаточно чётко спланировано очень оригинальным планировщиком. «Coldy» не просто не могла догнать шведа. Её оружие, радиальный энергомёт, было подобрано именно к этой зоне таким образом, чтобы сочетаться в паре с оружием «Снеговика», и оптимально удерживать огневые режимы на обоих уровнях. Джонс просто не приближался к первому уровню, а вышел сразу на третий и придерживался его. Как только бы он появился там, он сразу бы попал под близкие непрекращающиеся атаки с параллельно движущегося по отношению к нему сновигатора «Coldy», и уйти от них в зоне с пониженным режимом скорости было бы невозможно, что привело к тем же самым последствиям. «Снеговик» же был хороший снайпер и очень профессионально работал на длинных дистанциях. Это был не весь багаж его сюрпризов, отработанных на различных участках трассы.

Но вернёмся к нашим друзьям. Пока Джонс висел вниз головой, Фрэн вся испереживалась на станции, наблюдая в

главной аудитории за происходящим на огромном экране, куда транслировалась гонка с множества камер, расположенных по всему периметру трассы, а также с квадрокоптеров и управляемых гелиевых зондов. Диспетчер сразу выяснил ситуацию и направил команду спасательной эвакуации к месту поражения Джонса. Через несколько минут после случившегося Ричард Уорд официально объявил всем присутствующим, что поводов для беспокойств нет и пилот находится в полном порядке. Остальные члены российской команды пребывали в обескураженном массовом недоумении, – как такое могло произойти? Особых беспокойств за дальнейшие события они не испытывали, так как тоже были в некотором роде одурманены внешне ничем не вызывающими подозрений обстоятельствами и факторами. Зордакс нахмуренно смотрел видео повтор проведенной «Снеговиком» атаки, который временно был зациклен на отдельном экране. К тому же атмосфера среди присутствующих гостей совершенно не располагала к всеобщему трауру по поводу поражения российской стороны. Все с азартом наблюдали за продолжением гонки последнего оставшегося на трассе Ларса Олофсона, который к всеобщему ажиотажу показывал отличные результаты, уходя от абсолютно бесполезных недостижимых атак «Little Coldy». Несмотря на все попытки, она никак не могла догнать его по причинам, скорее всего технического характера. «Snowslag» довольно динамично и мощно разгонялся на коротких участках. При этом видимо из-за максимальной

обзорности панорамной кабины, швед с лёгкостью обходил все преграды и удачно преодолевал сложные препятствия. Таким образом, всего через пятнадцать минут Ларс удачно финишировал, завершив гонку под общее ликование публики на станции. Для Швеции это была не только победа своего пилота, но и технический успех, как результат долгого и дорогостоящего труда инженеров, который неизбежно стал фундаментальной причиной превосходства.

Когда сновигатор Джонса отбуксировали на полигон, а его доставили на станцию, там уже все готовились к торжественным поздравлениям победителя. Американские пилоты были среди гостей и также принимали поздравления от присутствующих и по очереди давали интервью журналистам перед камерами. Происходящее транслировалось по всему миру, также как и в данный момент по всему миру люди радовались своим денежным выигрышам от тотализатора, а другие – соответственно, были очень разочарованы своими проигрышами. В «Big Father House» царил своя обстановка. На сей раз присутствующих было гораздо больше, а именно по одному представителю от каждой страны – участницы турнира. Архип Великий и Уолтер Кик праздновали сейчас свою победу особенно горячо, ведь первый заезд должен был показать не только соотношение сил. Это впрочем, меньше всего интересовало их обоих. Больше всего они переживали за успех всей подготовки, в которую были вложены огромные силы и средства. И теперь они с невероятным удовлетворе-

нием и размеренным спокойствием наслаждались общими показателями прибыли от тотализатора, рейтингами транслирующих каналов по всему миру и реальной огромнейшей перспективой, которая вот сейчас именно в данный момент была вскрыта, как потайная дверь золотым ключиком.

Весь оставшийся день и вечер люди праздновали первое выступление пилотов на турнире. Банкет продолжался допоздна подогреваемый всеобщим ажиотажем. Фуршетный стол ломился от угощений, шампанское текло рекой, все были счастливы и довольны, кроме тех, кто сейчас не разделял всеобщей радости и веселья, и их тоже было не мало. Не стоило труда понять, что ни один из членов российской группы не обрадовался сегодня этому празднику, так как поражение Джонса было общим для всех и существенно снижало шансы на конечную победу. После ужина Купер распустил всех, предложив не затягивать с отбоем, так как каждый должен был быть в наилучшем расположении сил к утру перед новой жеребьёвкой к следующему заезду, которых по графику на завтра предполагалось два.

Перед отбоем Джонс собрал всех у себя, чтобы проанализировать заезд и в течение часа они вместе просматривали записи с камер, но, к сожалению, ничего продуктивного не выработали, так как явных тактических приёмов в поведении охотников не просматривалось. Всё было достаточно стандартно и не привлекало особого внимания. Чего было и удивляться, ведь над их поведением на трассе профессио-

нально работал Джек Райт.

ГЛАВА XVI. ПОРАЖЕНИЕ ВЭНДЭРА.

Вэндэр встал с утра как обычно без каких-либо новых ощущений или эмоций. Он спокойно прошёл все этапы утреннего распорядка от завтрака до начала жеребьёвки. Но когда в главном зале объявили его имя, он почувствовал резкий прилив адреналина в крови. Почему-то предстоящее выступление вызвало у него ошутимое волнение, связанное с особой осторожностью, которую по убеждению Джонса необходимо было теперь особенно соблюдать. В голове закипели мысли, какую тактику выбрать. Психологически он ушёл от размеренного и естественного происхождения вещей друг за другом, что было не совсем хорошо, испытывая на себе такой тип поведения, при котором человеку обычно говорят «не надо дёргаться».

На официальном оглашении результатов жеребьёвки вместе с ним в заезд объявили финна Арвида Хулко и японца Кена Хаттори. Они стояли втроём рядом с Ричардом Уордом под вспышками фотокамер, когда их вызвали из общей толпы. С первого взгляда на Кена Хаттори в глаза бросалась такая же яркая и красивая объёмная вышивка на спине лёгкого термо-комбинезона, как и у его напарника Каташи Миядзаки по прозвищу «Намахагэ». На ней был изображён покемон в боевой стойке по имени «Фризер» («Freezer») в виде

синей птицы, похожей на мифологическую птицу Феникс с длинным хвостом. Но в отличие от классического огненно-го Феникса, своим цветом она символизировала замораживание в лёд. Кен Хаттори выступал на той же модели снегогатора, что и «Намахагэ», под названием «Hiran» («Ледяной шквал»), только в другой расцветке и с другими трайблами по обшивке фюзеляжа.

После официальной части пилоты разошлись по своим комнатам для окончательной предстартовой подготовки. Вэндэр всё никак не мог определиться с оружием, пока, наконец, не остановился на радиальном шестиствольном энергомёте. «Навряд ли мне придётся вести более дальние атаки при преследовании охотника» – подумал он, – «буду держать его в качестве оборонного средства на близких дистанциях».

Перед самым выходом на стартовый полигон к нему подошла Фрэя. Она положила ему руку на плечо и сказала:

– Ты только не волнуйся и не переживай сильно. Будь спокоен и аккуратен. Удачи!

Её слова немного успокоили его. Она как будто чувствовала, что ему необходима эта поддержка. Он остался впечатлён её вниманием, и поэтому почувствовал себя более уравновешенно и уверенно, когда шёл к своей машине.

Погода была ветреной, над поверхностью поднимались лёгкие снежные завихрения высотой несколько метров, солнце затянуло пасмурным небом. Вместо него торчало отворачивательно – размытое жёлто-серое пятно. Видимость была

средняя.

Пилоты вышли на старт и «охота» началась. Сначала всё шло как обычно. Гонщики рассортировались по уровням и планомерно проходили препятствия один за другим. Затем в подсекторе «D2» к Вэндэру пристроился один из охотников и начал вытеснять его к первому уровню стрельбой из одиночных дальнобойных орудий. Вэндэр ощутил провокацию на принудительное отклонение от своего курса и понял, что его сбивают в неизвестный ему коридор «Лабиринта» подсектора «F1». До входа оставалось четыре мили, скорость была достаточной для того, чтобы испытывать затруднения в быстром реагировании на вновь возникающие препятствия в условиях средней видимости. Вэндэр опять начал волноваться. По логике вещей ему нужно было уходить вправо, возвращаясь к знакомым «Лабиринтам», но любые попытки сразу жёстко карались довольно опасными залпами сзади. В результате он поддался, приняв опрометчивое решение пройти новый для него коридор.

Как только его сновигатор пересёк вход в «Лабиринт» первого уровня, Вэндэр сразу ощутил дефицит пространства из-за низкой видимости, которая при такой погоде в нём становилась ещё сильнее. Он моментально включил фары, ситуация исправилась – видеть стало легче. Но была ещё и другая проблема – преследование сзади оказалось очень локализованным и уходить от разрывающихся сгустков энергии в воздухе, постоянно догоняющих сзади, стало проблематич-

ней, из-за того, что на более высокой скорости ухода от погони, даже малые манёвры в стороны резко сближали его со стенами коридора, и он начал периодически задевать их боковой аэродинамикой сновигатора.

Атаки не прекращались и становились заметнее с каждым разом. Напряжение возрастало, к нему добавлялся острый дискомфорт от плохой динамики выкручивания в незнакомых резких уклонах и поворотах с ограниченным расстоянием между стенами. С каждой ошибкой Вэндэр чувствовал, что охотник всё ближе подбирается к нему на расстояние опасного для систем выстрела. На экран – радаре уже был виден выход из зоны «Лабиринта». Вэндэр решил прибавить скорости, чтобы поскорее пройти этот сложный этап, это и было его ошибкой. «Лабиринт» внезапно заканчивался довольно острым поворотом перед выходом наружу, в этом месте Вэндэр резко затормозил, чтобы машину не ударило о стену по инерции разгона. Сновигатор при этом частично занесло в сторону и он потерял столь драгоценные секунды времени, которые определили итог разрыва между ним и охотником, неотвратимо преследующим его. Вэндэр резко ударил по газам, включив форсаж, чтобы выскочить из «Лабиринта», но было поздно – два прямолинейных заряда попали точно в заднюю часть его сновигатора между соплами с расстояния пятидесяти метров. Ударная сила была настолько высока, что разбила турбо-инертный поток исходящих топливных масс в разные стороны. «Gipper Scruder» Вэндэра

весело вильнул задней частью своего корпуса влево – вправо, энергия форсажа ушла по сторонам, и сновигатор потерял движущую прямолинейную инерцию. Сближение машин стало совершенно основательным, Вэндэр был обречён в такой ограниченной позиции с очень низкой скоростью для выхода вперёд. Он был пойман, как беззащитный зверёк, которому некуда деваться, а сил продолжать бегство уже нет. Охотнику, который следовал за ним, оставалось только нажать на курок ещё раз, и он это сделал с хладнокровной фатальной необратимостью. Вторыми ударами Вэндэру оторвало часть реверсного крыла, основательно повредив аэродинамику бокового руления и несколько элементов заднего спойлера. Дальнейшее движение не было смысла продолжать. Вэндэр остановился через шестьдесят метров, обгоняемый американским сновигатором с бортовой эмблемой «Малыш Хью». В некотором замешательстве из-за растерянности и расстройства Вэндэр в панике зачем-то выпустил очередь с энергомёта в догонку уходящему охотнику, который продолжил свою карательную миссию, не собираясь останавливаться на достигнутом. Но со стороны это выглядело довольно смешно, так как не понятно было, чего именно этим Вэндэр хотел добиться.

ГЛАВА XVII. ПОРАЖЕНИЕ КЭТРИН.

Второй заезд оказался настолько же не воодушевляющим,

насколько была пасмурной и хмурой погода, и всё вокруг было наполнено такой же хмуростью, странностью и полным отсутствием веселья. Вероятно, на всех сказался вчерашний перебор эмоций, но в результате ни один из гонщиков не пришёл к финишу второго сектора. Финна сняли вдвоём в самом конце сектора «Carcass», объединив свои усилия после поражения русского пилота. А японец после сложного прохождения зоны «Мостов» преодолел следующий подсектор препятствий «Blinds» и видимо от сильного переутомления на предыдущих этапах, не справился с интенсивным потоком «мин» и «снежков». Он с разгону попал в «Swamp» и был обстрелян в нём с двух задних позиций охотниками, без возможности спрятаться куда-нибудь практически на открытом пространстве с очень затруднённой видимостью от встречно летящего снега.

В целом гонка также считалась удачной, только все победы на этот раз были засчитаны за американцами. Гости на сей раз не так яростно соперничали участникам, но не с меньшим интересом наблюдали за происходящим на трассе, вальяжно рассевшись в креслах по залам и холлам, потягивая дорогой виски и коньяк из стаканов, как в затамошных английских клубах. Наверняка, и это в тот момент являлось самым распространённым мнением среди присутствующих, всему виной была погода.

По возвращению на станцию пилотов встретили небольшими овациями с целью поддержать общий тонус соревнова-

ний и хоть как-то подбодрить проигравших естественным для основных участников вниманием публики. В целом обстановка сложилась профессионально понимающая. И со стороны пилотов также не было особой грусти и сильных негодований. Всё выглядело достаточно естественно, как для случая обычной повседневной неудачи и не более того. Пилоты обеих сторон довольно таки весело с улыбками на лице пожали друг другу руки с поздравлениями в победе и пожелали дальнейшей удачи под дружные аплодисменты собравшихся, и вспышки фотокамер. Время шло к обеду, трассы не были повреждены, и всё предвещало то, что после обеда будет проведён третий заезд, а значит, повышение настроения могло произойти ближе к вечеру, в виде основной развязки сегодняшнего дня турнирных состязаний.

Несколько раз гарсон успел пройти сквозь залы, чтобы пригласить гостей на обед, который предлагался в другой столовой внутри гостевого корпуса и проходил в два этапа. Наконец, люди начали возвращаться и занимать прежние места в предвкушении новых впечатлений. Гарсон опять разнёс спиртное, вернув тем самым предыдущее состояние дел в расположении зрителей и их внутреннем настроении. Выглядело это довольно смешно, но только со стороны и для тех, кто понимал, о чём идёт речь. Для присутствующих же, как и для администрации, самым главным сейчас был максимальный комфорт и уравновешенное внутреннее состояние гостей для того, чтобы не вызывать хоть каких-либо малей-

ших недовольств. Об этом особенно беспокоились организаторы турнира, ведь гости были очень высокопоставленными персонами и не должны были испытывать даже малейшего дискомфорта от пребывания на станции.

Команды были готовы для продолжения следующего этапа. Ричард Уорд объявил об открытии второго заезда на сегодняшний день, и началась жеребьёвка. Через минуту он уже называл имена участников третьего заезда, которыми были:

пилот российской группы Екатерина Фролова, позывной «Кэтрин»,

пилот германской группы Йозеф Кёхлер,

и пилот германской группы Ганс Майер.

Среди некоторых присутствующих пробежал шёпот удивления, но всё быстро успокоилось, так как у наблюдательной комиссии не возникло совершенно никаких вопросов по поводу вероятности совпадения двух пилотов одной группы в одном заезде, и они сидели с абсолютно невозмутимыми лицами, наполненными некоторой нездоровой и даже заинтересованной подозрительностью к тем, кто попытался усомниться в естественности происходящего.

Пилоты российской команды сначала тоже начали перешёптываться и переглядываться, делая друг перед другом неоднозначные гримасы, но быстро успокоились и реально все как один наивно усвоили представленные результаты. Они действительно поверили в эту случайность как в удачу,

и в этом не было ровным счётом ничего плохого, потому что никто из существующих пилотов всех стран не мог показать в паре то, что собирались сделать эти два рослых и постоянно серьёзных немца. На самом деле даже американцы в тот момент не имели даже приблизительного понятия, что с ними будут делать сейчас эти два носителя очень характерной генетики. Сами пилоты остались явно очень довольными, но старались не показывать вида на публике и вели себя неприступно.

Кэтрин установила себе любимшую ей «двойку» и возможно, скорее всего, она как раз и прошла бы эту гонку, если бы не одно очень скорбное событие в самом начале заезда. Йозеф установил себе одиночные дальнобойные пушки, а Ганс тоже поставил себе двойные спаренные орудия, как и Кэтрин. Когда все приготовления были выполнены и пилоты вышли на старт, энтузиазма у публики прибавилось, в зале произошло оживление, несмотря на то, что погода оставалась прежней. Сама энергетика подсказывала, что сейчас произойдёт что-то необычное.

Пилоты стартовали. Ганс и Йозеф шли рядом друг с другом, периодически расходясь на небольшие дистанции, чтобы преодолеть очередное препятствие или же объехать его с двух сторон. Сразу бросалась в глаза отработанная до мелочей синхронность их движений.

Охотники не заставили себя долго ждать. Джокер вышел за немцами, а Малыш Хью последовал за Кэтрин. Спустя

шесть миль в начале подсектора «С1» Малыш Хью открыл по Кэтрин преследующий огонь. Кэтрин среагировала, но не захотела продолжать тактику ухода от обстрела постоянным маневрированием, а решила просто оторваться, вспомнив первую миссию, когда она ехала также втроём с немцами на спор. Она выбрала подходящий момент и рванула левый рычаг тяги вперёд, одновременно выдавив форсаж на полную. Рывок вперёд был максимальным, но внезапно сзади произошёл сильный и очень громкий хлопок, похожий на взрыв. Вместе с ним Кэтрин услышала подозрительный короткий, но в то же время пронзительный свист где-то внутри машинных отсеков. Иллюминация приборов заморгала красным цветом, включилась сирена, на информационном дисплее замигала большая красная надпись «Неисправность тяговых установок», «Критический сброс давления системы подачи инертной смеси». Сновигатор тупо встал, никакие действия не могли заставить его хотя бы тронуться с места, не говоря уже о том, чтобы продолжить движение.

– Чёрт! – прокричала Кэтрин, ударив со всей силы нижней частью кулака по боковой внутренней поверхности лобового стекла кабины, – Диспетчер! У меня авария! Мне нужна эвакуация!

В ответ сразу же прозвучал мужской голос диспетчера:

– Вас понял, сейчас вышлю группу, ждите.

А Малыш Хью естественно уже давно обогнал её и скрылся далеко впереди.

Раздосадованная Кэтрин, считая, что её подбили, осталась сидеть в ожидании спасателей, а в это самое время в другом секторе развивались совершенно противоположные события.

Ганс и Йозеф шли также, не меняя взаимной координации на скорости около шестидесяти узлов. Джокер начал потихоньку пристреливаться к ним с расстояния примерно ста метров. Он даже удивился, насколько непрофессионально немцы ведут себя, кучкуясь вдвоём и облегчая ему задачу на попадание по цели. В этот момент сновигатор Йозефа «Juger Wolf» резко затормозил с сильным заносом и разворотом на сто восемьдесят градусов против часовой стрелки по левому флангу движения, применяя упоры и левое реверсное крыло. Разворот был выполнен настолько отработано и грамотно, что сновигатор сразу без каких-либо лишних помех встал на встречную линию прямого огня по преследующему сновигатору Джокера. Джокер же по инерции своей скорости и психологической реакции преследующего удаляющуюся цель, которой теперь являлся только сновигатор Ганса, не стал выполнять никаких манёвров торможения, а просто продолжил движение вперёд за ним, ничего не ожидая от Йозефа, и незаметно для себя сблизился с ним на опасную дистанцию для поражения цели из «двойки». В тот самый момент, когда сновигатор Йозефа остановился после этого манёвра, сразу началась бесперебойная работа четырьмя стволами спаренных орудий с расстояния пятидесяти метров на

постоянное сближение до десяти метров с носовой части американского сновигатора вдоль по боковой линии его фюзеляжа и заканчивая хвостовой частью, пока в воздух не полетели обломки крыльев бокового руления. Сразу без остановки стрельбы сновигатор Йозефа на форсаже резко сдвинулся с места и стал набирать скорость, ложась на прежний курс. Немного ранее, когда обстрел шёл по середине корпуса Джокера, Ганс выполнил тот же манёвр, только развернулся и встал напротив курса его движения на расстоянии ста метров впереди и открыл фронтальный огонь лоб в лоб. Когда с крыльями Джокера стало всё ясно, к ним добавилась прямая атака, которая очень удобно затормозила сновигатор, засыпав его поднятым снегом и оборвав кронштейны тех самых пушек, из которых некоторое время назад Джокер пытался наказать свои «жертвы».

Через небольшой промежуток времени ребята из Германии продолжили своё путешествие по сектору, используя такое же оригинальное сочетание своих машин, как и прежде. Теперь с учётом истекшего времени на проведённую контратаку, они шли с некоторым опозданием по отношению к Малышу Хью на соседних уровнях и подходили к «Лабиринтам».

Малыш Хью конечно уже знал, что произошло, и теперь находился в некотором замешательстве от столь неожиданного и внезапного поворота событий. Что придумать в данном случае по отношению к такой дерзкой тактике немцев

он не знал, так как такого ни разу даже не видел Джек Райт.

Тем не менее, он посчитал не уместным устраивать какие-либо тактические приёмы перед самым входом в коридоры «Лабиринта», а решил, что определится с этим уже после выхода из них. Уже заехав в «Лабиринт» он с некоторой заторможенностью начинал осознавать, что происходит на самом деле, потому что догадаться об этом сразу не наблюдая со стороны было тяжело. Дело заключалось в том, что теперь «жертвой» скорее всего становился он, потому что действуя в паре неразрывно друг с другом, немцы являлись хорошо спланированным механизмом по уничтожению любой цели, приближающейся к ним, начиная с расстояния ста метров. И им для этого не нужна была радио связь, им достаточно было взаимного близкого контакта. Они не подавали друг другу никаких сигналов жестами, в их рационе насчитывалось около пятидесяти приёмов отражения различных атак, путем встречного уничтожения противника в разных конфигурациях машин и ситуациях на трассе. На протяжении двух лет они моделировали различные ситуации и проводили анализ мер на предмет ухода от угрозы с изменением позиции по отношению к ней и дальнейшим её поражением, а потом тщательно и долго отработывали весь материал на своих полигонах. Приближаться к таким ребятам было бесполезно, но об этом пока ещё никто не знал. Американцы поняли, что возникла проблема, но они ещё не знали, насколько всё это было серьёзно для них.

Итак, Малыш Хью вышел из зоны «Лабиринтов» и Ганс с Йозефом тоже вышли из неё практически одновременно с ним. Они даже видели друг друга на расстоянии полу мили. Малыш Хью начал боковое сближение с целью, хотя точнее было сказать с целями, но вот что делать с ними он пока ещё не знал. Двигаться параллельно им не входило в его основную задачу, как «охотника». Он должен был как-то помешать им дойти до конца своего сектора. Время шло, каких-либо других вариантов, кроме стандартного обстрела сзади не приходило в голову, и тогда он решил неизбежно прибегнуть к этому варианту. Отклоняясь по курсу в сторону их движения, он довольно неплохо отставал по дистанции отрыва и удобно подбирался к заднему флангу. Выйдя на исходную позицию, он вывел линию прицеливания и начал атаковать. Сновигаторы Ганса и Йозефа стали делать простые уходящие от огня манёвры влево – вправо, понемногу снижая скорость, пока впереди не появилось препятствие «Big cube». Они обогнули его с разных сторон, а Малыш Хью по естественным причинам только с одной стороны. Поравнявшись с «Кубом» и выйдя на прямолинейный обзор того, что было за ним он конечно же не обнаружил впереди никаких движущихся целей, но тормозить было уже поздно, так как планировать такой манёвр резкого торможения надо было заранее. Таким образом, он выскочил из-за «Куба» прямо на линию прицельного огня двух остановившихся сновигаторов, которые именно в этот момент начали стартовать с ме-

ста вперёд на форсаже. Поражение было неизбежным, ударами энергетических разрывов значительно потрепало заднюю часть американского сновигатора и погасило его турбо – ионные установки, по крайней мере, на время этого заезда уже точно.

Теперь перед всеми присутствующими открывалась самая интересная часть этого представления, потому что американские охотники в секторе «Карусель Дяди Сэма» были не только хорошо осведомлены о том, что происходит, но и в достаточной степени проконсультированы о возможных вариантах и применимых методах борьбы с возникшей проблемой. Также было основательно задето эго американской стороны так легко поддавшейся на незначительную уловку Марты Баумгартен в офисе «Big Father House». В результате чего американцы несли серьёзные технические и конечно же финансовые потери, не говоря уже о статусе «хозяев положения» на трассе.

Снеговику и Little Coldy было приказано двигаться парой так же, как и немецкие пилоты, не отставая и ведя постоянный огонь по целям. Но у немцев был просчитан и такой вариант.

Как только пара «охотников» легла на курс следования за целями, держась рядом друг с другом, и начала пристреливаться в условиях возникающих «Мостов» и «Шлагбаумов», Ганс с Йозефом резко затормозили, используя упоры и реверсные крылья с противоположных друг другу сторон, в ре-

зультате чего их сновигаторы синхронно развернуло на сто восемьдесят градусов по внешним радиусам, и они встали лицом к лицу с надвигающимися на них «охотниками». При этом они моментально включили реверс на форсаже и стали просто двигаться назад, сбивая по пути «Шлагбаумы» и открыв непрекращающийся встречный огонь по американцам. В результате этого манёвра Снеговик удалось резко уйти в сторону от встречного огня на вираже, сильно отклонившись от заданного курса. А вот «Coldy» не справилась с инерцией разгона и её вынесло вперёд под сокрушительные залпы и очереди. От встречных ударов машину развернуло поперёк движения, а немцы просто затормозили и расстреляли её правую часть полностью, повредив детали боковых крыльев. Теперь ситуация стала похожа на предыдущую с Малышом Хью и Снеговик об этом сразу догадался.

Немцы развернулись обратно вперёд по курсу движения и динамично стали набирать скорость, проходя «Мосты» и другие преграды. Снеговик шёл впереди в мили от них и попутно пытался сообразить, что же ещё можно сделать одному против двоих серьёзных профессионалов. Из всех возможных способов можно было только уйти подальше вперёд на скорости, затаиться где-нибудь и попробовать сбить одну из «жертв» на сложном препятствии, не зависимо от того, что на монитор-радаре это будет видно и немцы сразу поймут, в чём дело. Именно в этот момент Снеговик и допустил самую главную ошибку. Как только он начал увеличивать

скорость отрыва и уходить вперёд, Ганс и Йозеф слегка расфокусировались и начали обычную погоню за ним, в результате которой его сноувигатор был сбит, и перевернулся через пять миль на очередном препятствии, а немцы после этого спокойно дошли до финиша вдвоём.

ГЛАВА XVIII. НАРАСТАНИЕ БЕСПОКОЙСТВА.

После того, как «Phaeton Prince» был доставлен в машзал технического комплекса, Кэтрин быстро спустилась по трапу и накинулась в истерике с кулаками на Мичмана, который подходил в это момент, чтобы начать расследование случившегося. Как оказалось, произошедшее не было результатом атаки Малыша Хью с тыла, а просто являлось внутренней внезапно возникшей по неизвестным причинам серьёзной поломкой. На момент прибытия, вниз уже спустились Фрэнк, Аксель и Хэлбокс. Они держали Кэтрин, которая кричала, ругалась и махала руками, пытаясь дотянуться до Мичмана, который по её мнению был виновен в том, что команда упустила один из своих основных шансов одержать победу. Мичман стоял в растерянности, так как на самом деле вся ответственность по техническому состоянию и контролю лежала на нём. Вероятность какой-либо диверсии исключалась полностью, так как все сноувигаторы находились под очень серьёзным контролем в постоянном обзоре множества видеокамер, и даже для того, чтобы просто посмотреть на них,

нужно было получить три серьёзных разрешения, включая подпись в допуске у самого Мичмана. Посторонние лица в машзал строго не допускались, даже уборщики. Все работы выполнялись исключительно технической бригадой.

После того, как Кэтрин успокоилась, они с остальными пилотами ушли наверх, а Мичман приступил к диагностике и проверке всех систем, чтобы выявить причину, по которой оба двигателя погасли.

Настроение у российской команды было как нельзя хуже. По текущим обстоятельствам складывалась очень тяжёлая картина: трасса была практически непроходима на высокой скорости; американские «охотники» оказались слишком хорошо натренированы, чтобы от них можно было с лёгкостью уйти; Джонс выбыл, Кэтрин получила критическую поломку, а значит, две основные карты были уже разыграны и вышли из колоды. Из самых сильных пилотов оставался только Зордакс и Хэлбокс, который закрутил какие-то шуры-муры с потенциальной американской разведчицей, и что там у него происходит на самом деле, всё равно оставалось под большим вопросом. Время уходило, а количество попыток взять оба сектора катастрофически уменьшалось. Всё шло к тому, что на этом турнире российская команда не получит ни одной победы, а это могло стать самым унижительным поражением, которое только можно было себе представить.

День подходил к концу, народ праздновал величайшее выступление команды Германии. Ганс и Йозеф стояли на вер-

шине своей славы и превосходства плечом к плечу, высоко подняв голову под множеством фото вспышек и бурей оваций. Это был апофеоз их славы и непревзойдённый реванш за первую миссию, где они дважды проиграли российской стороне.

На мониторах постоянно транслировались повторы непревзойдённых манёвров немецких гонщиков, наносящих сокрушительное поражение американским «охотникам», тщетно пытающимся напасть на них. В залах то и дело слышались хлопки открывающегося шампанского и восторженные выкрики на немецком языке. Гостей из Германии на турнире присутствовало достаточное количество, и сегодня они праздновали свою общую и великую победу, одержанную благодаря долгим и тяжёлым тренировкам пилотов, а также невероятным усилиям, вложенным в уровень технической оснастки своих машин.

День подходил к концу, публика получила свой заряд азарта и щекочущей нервы энергии с переполненной до краёв чашей профессионализма, показанного ей сегодня на трассе. С чувством глубочайшего удовлетворения и насыщения этими благами, люди понемногу остывали и расходились в предвкушении следующих заездов с надеждой на то, что им удастся испытать такие же эмоции вновь. Некоторые из гостей оставались допоздна, долго обсуждая друг с другом последнюю гонку, сидя в креслах с приглушённым светом и делились общими эмоциями, постоянно пересматривая по-

вторые на экранах, выделяя мелкие подробности и пытаясь прокомментировать действия пилотов в тот момент, как бы становясь на их место.

Несмотря на глобальное поражение американской команды на третьем заезде, Уолтер Кик был очень рад, так как для него всё происходящее среди высокопоставленных и уважаемых гостей было самым высочайшим достижением. Это означало лишь одно, что люди этого уровня будут стремиться испытать те же чувства и настроения, а значит, будут вновь приезжать на такие турниры, выражая особое внимание американской стороне и принося существенные прибыли, что в целом поднимало престиж всего государства, а это и являлось основной задачей, поставленной ему его высшими руководителями.

Джонс сидел с очень обеспокоенным видом у себя в комнате, пока Фрэнэ успокаивала разнервничавшуюся до слёз Кэтрин. Хэлбокс и Вэндэр периодически уходили и возвращались обратно, чтобы совсем не терять фактор присутствия среди гостей. Зордакс постоянно находился в главном зале. С тех пор, как они поругались с Джонсом, он не стремился держаться команды, а действовал единолично и независимо. После ужина позвонил Мичман и сообщил, что выявил причину возникновения поломки. Он сразу сделал оговорку о том, что его вины в случившемся нет, чтобы Кэтрин окончательно пришла в себя, и он мог спокойно подняться и объяснить им, в чём было дело. Джонс заверил его, что всё в

порядке, и они будут ждать его в номере. Спустя двадцать минут в дверь постучали.

– Что ж, – начал спокойно объяснять Мичман, – причиной по которой отказали оба двигателя, являлась трещина в титановой трубке высокого давления подачи топливно-инертной смеси. По этой главной трубке смесь подаётся от распределительного узла нагнетателя высокого давления до контура сепаратора на облучатель левого сопла. Эта система относится к первой основной ступени контроля тяги, вторая турбинная ступень является зависимой и не запускается без первой. Система управления тягой не даёт одному двигателю работать независимо от второго при записи ошибок критического состояния всей системы, поэтому, когда левый двигатель погас, правый выключился автоматически. Трубку разорвало на части, но защитный корд из стальной проволоки не дал разлететься осколкам по внутреннему машинному отсеку. По характеру краёв нескольких осколков можно сделать вывод, что имела место микротрещина в её корпусе, так как внутренняя грань сточена газами высокого давления. Регламент замены данной детали ещё не вышел. Добраться за короткое время, и повредить трубку, не нарушая корд, невозможно. Такое повреждение можно получить при резком внутреннем скачке давления в системе, по аналогии с гидроударом. Я просмотрел в карту повреждений сновигатора и думаю, что трещина возникла в результате попадания в левое сопло энерго-импульсного заряда на презентации ору-

жия в прошлом году здесь на Амундсен-Скотт, когда Кэтрин повредили выстрелом систему аэродинамического руления с левой стороны.

– Но, позволь, Мичман, – возразил Джонс, – ведь с тех пор прошло много времени, сновигатор работал под нагрузками и проходил тестирования, почему это не произошло раньше?

– Всё правильно, – титан очень прочный металл, поэтому для образования критического момента разрушения потребовалось время. Потокующей из форсунок топливно-инертной струи под высоким давлением противодействовал сильный удар от разрыва заряда. Это послужило максимумом для скачка давления в системе подачи, и в трубке возникла микротрещина, потому что наряду с высокой прочностью титан также обладает хрупкостью. Со временем микротрещину развело высоким давлением струи газа и, достигнув предела прочности, трубку разорвало на части. Вторая турбинная ступень погасла сразу же, а система управления заглушила второй двигатель. Моей ответственности здесь нет. Этой аварии присваивается степень неисправности, возникшей в результате случайных причин или факторов, независимых от человека. Попросту говоря, несчастный случай. Трубка кстати есть с собой, даже не одна, завтра заменю. За скандал можете не извиняться, я всё понимаю, бывает.

– Да уж, – протянул Джонс, – всё одно к одному.

– Это ты о чём? – спросил Мичман.

– Да ладно, не загружай себя лишним, – ответил Джонс, –

рапорт на подпись принёс?

– Да, вот – держи, – и Мичман протянул Джонсу канцелярский планшет с техническим заключением.

– Молодец, – ответил Джонс, – иди – попей шампанского, Мичман, и расслабься. Там вон немцы скоро песни петь начнут, а мы тут горем что ли все должны упиваться?

– Окей, как скажешь, Джонс! – и Мичман вышел из комнаты.

– Вы тоже идите! – обратился Джонс к Фрэе и Кэтрин, – слезами горю не поможешь.

– Ага! – саркастично вмешался Хэлбокс с идиотским видом, – не всё коту масленица!

– А тебе что-то весело всю дорогу, да? – упрекнула его Фрэя, – сходи к своей новой подружке, порадуетесь вдвоём. Хотя что я говорю то? Её же сегодня «Эдельвайсы» на трассе порвали, как обезьяна газету.

– Так! Заканчивайте эту ругань! – строго скомандовал Джонс, – не надо показывать свой траур перед остальными. Идите – развейтесь, погуляйте среди гостей, автографы дадите. Построение на отбой в десять часов. Всё!

ГЛАВА XIX. ПОРАЖЕНИЕ ФРЭИ.

Несмотря на самое яркое с профессиональной точки зрения предыдущее выступление немецких гонщиков и на исход предстоящей встречи на трассе, следующая тройка

участников запомнилась всем и была действительно самой красивой и в отношении самих пилотов, и в особенности машин, на которых они выступали. Такую грациозную подборку тяжело было назвать случайной, но судьба видимо решила отличиться и поставить свой непревзойдённый по гармонии аккорд после жёсткого и злого самоутверждения, наполненного безупречно отработанной техникой и хладнокровием.

Фрэнк, Найджел Бэйкер и Андрэ Марсо сияли перед журналистами и фотографами своими счастливыми улыбками на прекрасных лицах. Затем восторженный каскад симпатий присутствующих перенёсся к экранам и панорамным витражам на три прекраснейших по своему сочетанию расцветки и оригинальности дизайна, сновигатора: «Space Shark», «Supplanter» и принявшая новый облик от лаборатории «Bentley» бывшая российская версия «Spector» с очень красиво выполненной аэрографией британского флага по всей поверхности корпуса.

Французский «Supplanter» сразу бросался в глаза своим дизайном, выполненным в очень спортивном стиле и уже успел подтвердить свои характеристики набора скорости, заявленные в технических аннотациях рекламных журналов, которые повсеместно лежали на станции для гостей в качестве информационных материалов, освещающих тонкости каждой модели, включая имена инженеров, историю, технические показатели и варианты спортивных расцветок.

Для британского же пилота это была первая попытка по-

казать, на что он способен и никто пока ещё не ожидал от него каких-либо результатов, хотя все были в достаточной степени заинтригованы тем, насколько его динамика движения будет соответствовать новому креативу внешних форм и линий корпуса.

Ну а российский «Space Shark» по прежнему твёрдо стоял в средней линии тягово-скоростных характеристик, хотя был изначально заявлен как модель высшего уровня зачётных таблиц. Эта модель была самая последняя из всех, произведённых в Российской Федерации, использующая принципиально новый тип силовых установок и в расчётном отношении мощности двигателей к общему весу с учётом аэродинамических характеристик должна была превышать показатели остальных машин типа «HSPS». Однако на первых же практических испытаниях выяснилось, что сновигатор ведёт себя не так, как хотелось бы изначально, и ряд показателей были списаны в экспериментальный резерв как требующие доработки. В основном это касалось различных сопротивлений движению, связанных с трением о поверхность снега, в особенности при рулении и выполнении манёвров. Общая концепция оказалась слишком чувствительной к внешним факторам и не дала искомого результата от новых тяговых систем. Но первоначальный внешний дизайн получился многообещающим, поэтому модель запустили в эксплуатацию с целью параллельного отслеживания показателей, выявления проблем, их изучения и последующей доработки.

Начало гонки, впрочем, не отличалось от предыдущих стартов ничем особенным. После того, как была пройдена зона «Лабиринтов», Фрэя вступила в затяжную дуэль с Джокером, резко сменив курс на первом же «Sharp twist band». Перестрелка затянулась из-за взаимной принципиальности. Гонщики то и дело виляли между «Кубами» и «Пирамидами», пытаясь поймать соперника в объёмный голографический 3-D прицел и постоянно осыпая друг друга очередями радиальных энергомётов. В конце концов, после десяти минут непрерывающихся перестрелок, когда оставшиеся «жертвы» уже покинули сектор «Carcass» к этой ожесточённой борьбе присоединился Малыш Хью, не оставив Фрэе ни единого шанса на выживание. Он медленно и безжалостно, как крокодил, «подполз» в область этого боевого столкновения, выбрал удобную позицию, и, прицелившись, произвёл ряд поставленных сгруппированных залпов из одиночных дальнобойных пушек, успокоив Фрэю, как дикую африканскую кошку на охоте в палящих зноем просторах саванн. Поверженный сновигатор выкатился из-за потрёпанной выстрелами пирамиды с волочившимся по снегу боковым крылом и жалким, поднимающимся вверх дымком из потухших сопел ионизирующее импульсных турбинных толкателей.

Судьба Фрэи была решена. Оба «охотника» приблизившись, друг за другом медленно обогнули её сновигатор, сделав прощальный, победоносный круг вокруг своей добычи, и динамично набирая скорость, с использованием форсажа

удалились прочь в сторону станции.

Фрэя сидела в кресле пилота с застывшей на лице маской от усталости и поражения, не выпуская из рук правый рулевой штурвал и левый рычаг тяги. Кабина разорвалась сигнализирющими огнями и звуками. Диспетчер уже выяснил состояние пилота и сообщил о выходе спасательного вездехода на эвакуацию. Несмотря на поражение, Фрэя чувствовала некоторую гордость за отвержено принятый бой с неравным перевесом сил. Она хорошо понимала, что второй охотник поступил так, как должен был поступить, завершив быстро и категорически эту сцену героического противостояния, тем самым, облегчив их общие страдания, так как в любом случае, даже если бы в этой дуэли она победила Джокера, то со следующим «охотником» ей было бы однозначно не справиться.

Британец и француз продвинулись вдвоём гораздо дальше. Как оказалось модернизация «Спектра» дала очень ощутимый результат. Оба сновигатора обладали высокой динамикой разгона на коротких отрезках расстояний, что позволяло им с лёгкостью преодолевать «Мосты», маневрировать между «шлагбаумами», «минами» и точно попадать в проезды препятствий «Blinds».

На последнем этапе, когда до финиша оставалось три подсектора, «охотники» сгруппировались против англичанина, так как с француз был явно быстрее и препятствия типа «Twist platform» проходил более свободно, даже несмотря

на встречные помехи от шнековой машины «Snowstorm», которые засыпали лобовое стекло сноувигатора объёмным снежным массивом, летящим навстречу. Времени у «охотников» до финиша оставалось мало и они изменили конфигурацию преследования, приняв приоритет ближней цели. Так как уходить от догоняющего огня с двух сторон было практически некуда, британец не нашёл для себя ничего лучше, чем резко ускориться на максимальном форсаже вперёд. Скоростной рывок оказался слишком сильным для того, чтобы справиться с управлением на препятствии «Angle plate». К тому же трасса реагировала на такое поведение очень резко. Навигационные датчики мгновенно изменяли скорость реакции действующих электромагнитных и гидравлических механизмов привода устройств управления подвижными частями препятствий. «Платформа» поднялась в два раза быстрее обычного, выполнив неприемлемый угол крена сноувигатора относительно горизонта на такой скорости, и британец перевернулся на крышу. В результате до финиша дошёл только француз под бурные аплодисменты гостей, которые замерли на месте от нарастающего напряжения в самом конце гонки.

На этот раз ликовала вся Франция. А вместе с нарастающим настроением от победы, за долгие минуты соперничаний гонщикам во время заезда, к приближающемуся времени обеда, у гостей поднялся и аппетит. Ажиотаж нарастал ещё и от того, что под хорошую закуску и как обязатель-

ный фактор празднования победы в ход должно было обильно пойти спиртное. Такое расписание на следующие два часа до нового пятого заезда обостряло повышение настроения у публики до предела. Празднование победы, плюс вкусная еда, плюс удовольствие от шампанского, плюс новые приключения сновигаторов вкупе создавали огромную волну, которой не только могли, но и желали захлебнуться все присутствующие.

А российскую команду всё тяжелее и тяжелее сдавливал груз поражений. На фоне всеобщих ликований от радости и беспробудного веселья лица наших пилотов постепенно менялись от средней стадии серьёзности к высокой стадии искусственных улыбок. Впереди всех ждала пятая жеребьёвка и пятый заезд, а пока наступал обеденный перерыв.

ГЛАВА XX. АРВИД ХУЛКО И ЛИКЕР «BAILEYS».

На третий день турнирных соревнований после второй жеребьёвки, когда все участники в заезд были определены, Арвид на остаток дня решил полностью расслабиться и присоединиться к гостям.

После обеда, гарсоны разносили спиртное. Выглядело это следующим образом. Бармен разливал коньяк в коньячные бокалы, виски в широкие стаканы для виски, а также в основном для дам он разливал ликёр «Бэйлиз» в более вытянутые круглые стаканы и добавлял туда пару кусочков льда.

В виски он, впрочем, также добавлял лёд. Стаканы группировались на подносе в три ряда: четыре стакана с коньком, четыре стакана с виски и почему всего три стакана с ликёром. Когда приходило время разносить спиртное, помощник бармена становился помощником гарсона и вместе с ним начинал нести подносы от столовой в гостевом комплексе, где располагался бар, вдоль по станции, минуя главный холл, где был выход на стартовый полигон, мимо главной аудитории, где располагались основные сидячие места, к главному залу, где проходили официальные мероприятия.

Понятным было, что чтобы разнести спиртное на сто человек по двадцать два бокала за один проход, нужно было пройти вдвоём пять раз. При этом напитки раздавались по мере продвижения от гостиничного комплекса до главного зала. В результате эта процедура занимала довольно долгое время, так как люди не стояли на месте, двигаться среди них приходилось с предельной осторожностью, потому что залить чей-нибудь галстук за несколько тысяч долларов было практически равно увольнению со штрафом и серьёзному скандалу, а про женскую половину уже и говорить было нечего. Гарсоны к слову были одни из самых профессиональных с большим стажем в таком роде деятельности и делали всё аккуратно и размеренно без суеты.

Арвид после жеребьёвки находился в главном зале и не хотел уходить от туда, так как журналисты, фотографы и операторы работали только там, к тому же только в глав-

ном зале был огромный длинный витраж с видом на стартовую прямую первого сектора, откуда начиналась гонка. Арвиду, как и другим пилотам было рекомендовано постоянно находиться именно в главном зале по целому ряду причин, в основном связанных с официальнойностью происходящего. Они должны были быть наиболее доступны для фото и видео фиксации, включая и рекламные аспекты, а также для того, чтобы их не приходилось долго искать кому-либо для дачи автографов и интервью.

И вот, в тот момент, когда гарсоны только-только возобновили свою прекрасную миссию, Арвид решил, что надо запастись стаканчиком горячительного перед новым стартом, но ждать ему не хотелось. Всё усложнялось ещё тем, что Арвид не хотел коньяк и не хотел виски, он хотел именно «Бэйлиз», который вообще не доходил до основной массы собравшихся, а расходился в самом начале, так как, по-видимому, он также пользовался особенным спросом и у дам. В результате создавалась некоторая конкуренция, которая провоцировала намеренный поиск данного продукта, а это было не так-то просто на первый взгляд. Идти напрямую в бар через всю станцию и два комплекса было абсолютно не естественно, поэтому Арвид начал разрабатывать некоторую схему «ловушек», чтобы застать проходящего мимо гарсона с ещё присутствующим стаканом ликёра на подносе. Ситуация складывалась неоднозначная и очень скользкая, вызывающая даже внутренний азарт, ведь никому из мужчин,

кроме Арвида по-видимому «Бэйлиз» был не нужен, а дамы продолжали разбирать столь дефицитный продукт прямо из под носа хаотично двигаясь по станции туда-сюда, и вот уже он стал свидетелем даже повторных случаев изъятия данного напитка с подноса некоторыми гражданочками. Выбрав наиболее удобную позицию, Арвид затаился в ожидании следующего алкогольного трафика, но в тот самый момент, как очередной гарсон начал входить в зону его повышенного внимания, к Арvidу подошёл серьёзный господин в костюме и очень галантно попросил у него автограф. Отказывать было абсолютно нельзя, так как просьбы от гостей такого уровня воспринимались практически равными приказу, и Арвид покорно и услужливо взял предложенную авторучку и расписался на каком-то глянцевоm буклете с видами на Амундсен-Скотт и турнирную трассу с птичьего полёта. В результате глубокое удовлетворение уважаемого господина обошлось Арvidу в очередную пропущенную атаку на столь желанный стакан ликёра, который вновь бесследно растворился в толпе вместе с гарсоном и подносом, на котором стоял. Арвид решил сменить позицию и продвинуться ещё ближе к месту, откуда появлялись гарсоны. Теперь по его расчёту новый объект должен был показаться через пять минут вдоль другой стены, и вот наступил момент развязки, – Арвид как бы невзначай преградил путь идущему с подносом человеку и ловким движением руки оперативно захватил стакан. «Победа!» – радостно прокричал про себя

Арвид. Отстранившись от подноса он ретировался назад к стене. В этот момент к нему подошла очаровательная и очень красивая девушка, держа в руках тот самый рекламный журнал с описанием моделей сновигаторов, и на безупречном английском попросила его поставить автограф именно на той странице, где была фотография финского сновигатора «Peloton» с маленькой фотографией самого Арвида в углу. Это было довольно оригинальное решение в плане сбора автографов, на что Арвид сразу обратил своё внимание. Девушка протянула ему очень дорогой золотой «Parker» и попросила сделать короткую памятную надпись её младшему брату – «Андрею от Арвида Хулко». Арвид естественно воспринял просьбу очень серьёзно, и делать такие подписи на весу не решился, чтобы не испортить памятную вещь с подписями других пилотов. Сначала он начал искать место, куда поставить свой стакан, из которого он ещё не успел сделать ни одного глотка. Место нашлось как нельзя быстро, это был длинный узкий пристенок, который тянулся вдоль всей стены на уровне груди. Поставив непочатый стакан с ликёром, он начал выискивать взглядом по сторонам любую горизонтальную поверхность, чтобы удобнее расположить на ней журнал для подписи. Такая поверхность обнаружилась тоже практически сразу. Это был журнальный столик в двух шагах от места, где он поставил свой стакан. Переставлять стакан он не стал, в надежде на лучшие манеры со стороны присутствующих, и, отойдя в сторону, присел возле столика на

кресло, чтобы сделать подпись. Девушка осталась очень довольна и мило поблагодарила Арвида. Её звали Наташа, она была дочкой российского посла и приехала на этот турнир вместе с отцом. Арvidу было чрезвычайно приятно это короткое общение, он, улыбаясь, попрощался с ней в предвкушении того, что сейчас ещё вдобавок ко всему, наконец-то, сделает тот самый долгожданный глоток божественного напитка, но, обернувшись к месту его временной дислокации, он обнаружил в ужасе для себя другой пустой стакан из под ликёра. Видимо в тот момент, когда он отвлёкся, мимо проходили дамы и, увидев, что непочатый стакан грустит на пристенке в одиночестве без свидетелей, с убеждённой логикой в свою сторону решили, что данный стакан был оставлен за ненадобностью, и поменяли его на опорожнённый стакан, в чём не было особого преступления. Грустный Арвид, осознав, что добыча была упущена, решил пойти на крайние меры и направился в бар. Придя в бар, он обратился к бармену с просьбой дать ему сразу два стакана ликёра, на что бармен ответил ему, что ликёр сегодня после обеда расходился особенно быстро и его не осталось в баре, а идти за ним на склад в другой хозяйственный комплекс он не может, потому что его помощник сейчас помогает гарсону и ему не на кого оставить бар на это время.

Всё происходящее напомнило Арvidу одну историю из его детства, когда он гостил на ферме у своего двоюродного дяди Вяйне Хулко. На ферме была одна хитрая и очень

пакостная свинья по кличке Тикку (Заноза), которую постоянно контролировал и гонял дворовый сторожевой пёс Урхо. Однажды Урхо заболел, и его отвезли в ветеринарную клинику за несколько километров от фермы. В этот же день Тикку подрыла землю под забором и подло сбежала с фермы, а дядя Вяйне, его жена Инкери и Арвид весь оставшийся день до позднего вечера безрезультатно гоняли её по лесу, пока совсем не стемнело. В итоге подлая Тикку так и не вернулась и её наверняка сожрали волки, а дядя Вяйне очень сильно ругался и потом запил на несколько дней.

Так, не добившись цели, потратив своё время и пропустив старт нового заезда, Арвиду пришлось возвращаться обратно в зал ни с чем.

ГЛАВА XXI. ПОРАЖЕНИЯ АКСЕЛЯ.

В пятый заезд компьютер определил Акселя, китайского пилота Лу Цзин и японского пилота Каташи Миядзаки по прозвищу «Намахагэ». Как только «жертвы» пересекли подсектор «А», сновигаторы Акселя и Лу подверглись резкой массовой атаке. Вероятно на этот раз американских «охотников» раззадорила предыдущая перестрелка с Фрэй, и они решили спровоцировать ещё две более красочные и скоротечные дуэли, чтобы не затягивать общее представление долгими преследованиями. Аксель был вынужден отреагировать на такое навязчивое поведение, и пошёл на разво-

рот после первого же повстречавшегося на пути «Куба». Периметр первой зоны от подсектора «А» до подсектора «Е», после которого начинались «Лабиринты» не особо располагал к затяжным погоням друг за другом, так как часто встречающиеся «Ухабы» и «Бугры» очень затрудняли прицеливание на скорости. Однако Акселю удавалось неплохо держать оборону и, периодически заходить с тыла на сновигатор Малыша Хью. Они планомерно обстреливали друг друга из «двоек» пока вдруг, как гром среди ясного неба не раздалась кавалькада, внезапно обрушившихся зарядов на сновигатор американца и мимо как метеор быстро пролетел китайский «Red Dragon». За ним, впрочем, сразу же пролетел сновигатор Джокера, осыпая его вдогонку преследующим огнём. Китаец разозлился и решил устроить драку по своим правилам. Убегая от преследователя, который упрямо сел на хвост, Лу старался выруливать на линию прицеливания второго американского «охотника». Таким образом, не давая подбить себя одному, он помогал Акселю уничтожить второго, и сразу же уходил на следующий повторный заход на цель. Выстрелы не понравились Малышу Хью и он начал периодически отвлекаться от основного противника по сторонам, чтобы не допустить повторного поражающего залпа, который на этот раз мог стать окончательным в дальнейшем развитии его очередного выступления. Это сказалось на концентрации общего внимания, чем незамедлительно и воспользовался Аксель. Произведя очередной удачный разво-

рот с торможением и быстро набрав необходимую инерцию реверсным крылом на форсаже для смещения передней части корпуса машины, чтобы провести линию обстрела справа – налево вдоль горизонта, Аксель поймал в прицел сновигатор Малыша Хью и вёл его так в зоне своих очередей около тридцати метров, пока от карбоновой обшивки «Антарктического Фантома» не стали на ходу отлетать куски. Боковую аэродинамику заклинило и Малыш Хью стал беспомощно пытаться вырулить на линию обстрела резво уходящего от него Акселя. Но даже попытки совершить какие-либо ответные выстрелы не увенчались успехом. От разрыва зарядов спаренное орудие с той стороны, по которой была проведена атака, сбилось вниз, и Малыш Хью этой стороной каждый раз стрелял себе под нос сновигатора, поднимая в воздух огромную массу снега, который осыпался на ветровое стекло и полностью скрывал видимость. Теперь американский пилот на скорости мог двигаться только вперёд, при этом его всё время уводило в сторону, и необходимо было постоянно подруливать оставшейся частью аэродинамики. О дальнейшем продолжении гонки не могло быть и речи.

В свою очередь и Аксель принял ответную инициативу по отношению к проблемам Лу, и дуэль превратилась в уничтожение по принципу «двое против одного», что ни у кого собственно и не вызвало излишних переживаний. Джокер неплохо сопротивлялся до последнего и даже заметно потрепал сновигатор Лу, но в конечном итоге, был также разгром-

лен, как и его напарник по сектору.

Теперь «новые друзья по оружию» двигались к следующему сектору, уже не торопясь и экономя силы в надежде на то, что один из охотников уйдёт за японцем и им останется так же, как и ранее разобраться со вторым американским пилотом. Но, вопреки их ожиданиям, оба американских гонщика уже приготовились к карательному подавлению, предупреждённые, злые и с очень серьёзными намерениями наказать осмелевших героев за их наглую выходку. На появление японца они даже не отреагировали и просто беспрепятственно пропустили его вперёд.

Когда Лу и Аксель появились в атакующей зоне Снеговика и Little Coldy, шоу продолжилось, только теперь не в пользу храбрых героических друзей. Сновигатор Лу после нескольких хороших попаданий Джокера не стал долго терпеть над собой очередное энерго-импульсное насилие и тихо заглох через пять минут боя. А Акселю, конечно, было не дано справиться с оставшимися двумя разъярёнными монстрами Карусели Дяди Сэма и он на прощание ещё погонял их за собой до середины зоны мостов, где в подсекторе «N2» был перевёрнут при падении с обычного «Моста» из-за тылового обстрела с двух сторон по очереди.

Таким образом, героическая находчивость и смелое поведение китайца, спровоцировавшие аналогичную встречную реакцию у российского пилота, показали, каким неожиданным сюрпризом для инициаторов может оказаться спланирован-

ная чрезмерная агрессия. А также, каким фатальным исходом завершаются высокие союзы взаимовыручки для всех, кто храбро бросает себя в самоотверженное пламя яростной борьбы, вместо того, чтобы покорно подчиниться планам скрытых и тёмных схем.

ГЛАВА XXII. ПОРАЖЕНИЕ ЗОРДАКСА.

На следующее утро после объявления результатов жеребьёвки в предпоследний шестой заезд Джонс с отчаянным видом забежал вслед за Зордаксом в его комнату, чтобы обсудить тактику предстоящего выступления. За ним туда же ворвались и все остальные члены команды. Джонс пытался достучаться до сознательности Зордакса, чтобы вместе с остальными спланировать предстоящий заезд с максимальной эффективностью, но Зордакс упорно сопротивлялся под действием собственных амбиций «серого кардинала».

– Послушай, Зордакс! – напряжённо говорил Джонс, – ты должен меня выслушать!

– Я ничего никому не должен! – жёстко перебивал его Зордакс, – и не собираюсь выслушивать здесь наставления всяких неудачников, которые пытаются защитить свой статус лидера!

– Ты не понимаешь! – упорно продолжал Джонс, – твой сновигатор самый неуязвимый, мы ни в коем случае не должны упустить этот шанс на победу в этом заезде.

– Я лучше всех вас знаю свой сноувигатор! И не надо мне объяснять, что к чему! Я абсолютно не нуждаюсь ни в чьих советах! И вообще, если тогда произошёл несчастный случай, то это вовсе не значит, что ты, Джонс, профессиональной меня и у тебя есть право советовать и давать наставление. Я не считаю тебя более опытным гонщиком, и случай трёхдневной давности это отчётливо подтвердил, поэтому вы все можете сразу уgomонить свои старания и оставить меня в покое. Я сам лучше знаю, как мне действовать на трассе. А сейчас выйдите отсюда, мне надо подготовиться!

Джонс поник головой в явном расстройстве, но в то же время в его лице оставалась уверенность в том, что сегодня, наконец, у их команды получится пройти всю трассу и Зордакс, несмотря на свою чрезмерную самоуверенность, победит американских «охотников».

– Ладно, Зордакс, – уже абсолютно спокойным и немного подавленным голосом ответил Джонс, – мы будем болеть за тебя, удачи на трассе!

– Давайте – давайте! – саркастично произнёс Зордакс на прощание, – я очень польщён, спасибо за поддержку.

Зордакс был абсолютно уверен в своих силах. И действительно его позиции были как нельзя крепкими и надёжными: серьёзная в плане неуязвимости техника, хорошая личная подготовка и опыт, а также большой наглядный курс пройденных этапов турнира с широким обзором примеров, ошибок и вариантов. У его самоуверенности действительно были

очень серьёзные основания, так как никто, по его мнению, из американской группы не знал, что большая часть типов оружия абсолютно бесполезна в отношении применимости к его сновигатору, и даже одиночные дальнобойные пушки могли нанести существенный ущерб только с близкого расстояния. Из расчёта на это он и решил вооружиться радикальным энергометом, так как только этот тип оружия позволял вести огонь по сторонам, двигаясь прямолинейно. Зордакс планировал равномерное продвижение вперёд по трассе с параллельным проведением контратак по всем, кто приблизится к нему на расстояние, необходимое для продуктивных результатов огневого поражения. То, что атаки будут постепенно сменяться с тыловых на боковые он не сомневался, так как безуспешные выстрелы сзади должны будут спровоцировать у охотников изменение тактики обстрела цели. Двигаться быстро Зордакс не сможет в первую очередь из-за веса, а во вторую из-за исключения спешки, так как ошибаться при прохождении сложных препятствий, таких как «Мосты» и «Трамплины» было нежелательно, а простые препятствия в виде «Шлагбаумов» можно было бесконечно сносить без ущерба для титанового корпуса фюзеляжа. Зордакс даже начинал внутренне злорадствовать от предвкушения того, как он будет разгонять по сторонам глупеньких «охотников», беспомощно пытающихся укусить его, как маленькие собачки огромного слона. Он даже не догадывался, что в это же самое время в другом жилом корпусе в кабинете у Джека

Райта идёт похожая интеллектуальная работа по прогнозированию действий предстоящего заезда, и действия эти прогнозировались исключительно по отношению к одному только Зордаксу.

На большом сенсорном экране, который из горизонтального положения опускался в вертикальное с потолка над столом Джека Райта, располагался объёмный аксонометрический вид сновигатора «Strict Suppressor» в виде 3-D проекции, которую можно было вращать в разных направлениях, увеличивая и уменьшая отдельные детали функцией приближения. Джек Райт стоял рядом с панелью, а напротив сидели на обычных стульях четверо американских пилотов и внимательно слушали его.

– Итак, ребята, у нас возникла тяжёлая проблема, – делая небольшие паузы, с довольно оригинальной интонацией говорил Джек, заинтересованно приподнимая лицо вверх и смотря на пилотов из под нижнего уровня своих очков, отводя глаза вниз. Затем он медленно поворачивал голову в сторону экрана и с недоумевающим вопросительным видом заводил глаза наверх, как бы в поисках ответа, где-то у себя в голове около макушки, – этот сновигатор в среднем весит на пол тонны больше остальных машин. Независимо от расположения центра тяжести, он обладает хорошей устойчивостью к переворотам и очень серьёзной усиленной подвеской. По большому счёту это просто танк, которому будут безразличны ваши обычные атаки. К тому же его корпус выполнен

из очень прочного титанового сплава. В каком-то смысле по нему бесполезно стрелять из среднекалиберного пулемёта. Я бы так лично, чтобы наверняка остановить его, воспользовался зенитным орудием.

Джек ловким движением руки повернул на экране сновигатор задней частью к пилотам и продолжил.

– Как вы видите, сопла его силовых установок углублены по бокам от кормы в сторону носовой части таким образом, что при попадании разряда в корму они абсолютно не наносят повреждений двигателям и даже не собьют тяговый поток исходящих рабочих масс. Таким образом, вы не сможете заглушить его обстрелом сзади, как это было в предыдущих случаях. То есть, конечно, нанесение удара возможно, если вы точно прицелитесь в само сопло, но на скорости, с учётом его постоянных манёвров такая вероятность практически сводится к нулю. Вам необходимо будет атаковать его с боков на высоких препятствиях типа «Мостов», разгоняясь и заходя на боковые атакующие виражи. При этом выполнение таких манёвров будет затруднено двумя факторами: ограниченностью времени выполнения и встречными атаками из радиального энерголёта, которым «наш здоровяк» расчётливо запасся. Здоровяк, кстати, тоже не простой и серьёзными ударами его не удивишь, – чувак реально пять раз падал с самолёта в бронированном транспортёре, поэтому внезапные падения с «Мостов» ему наверняка покажутся детской забавой в Дисней Лэнде. Из хороших новостей толь-

ко низкая скорость. Не подумайте только, что он не сможет развить большую скорость, мощности у этой машины достаточно. Просто он не будет торопиться. А зачем? Ведь вы не сможете ему ничего сделать. На это он и рассчитывает, отсюда и следует тактика противодействия. Пусть на здоровье едет, не мешайте ему и не переутомляйте себя тщетными и чрезмерными попытками его остановить. Пусть он думает, что всё идёт как по маслу и ему ничего не грозит до конца трассы. Постреливайте в него периодически для создания общей картины, пока он не дойдёт до подсектора «Q». Там и в следующем подсекторе «R» есть три «Моста», два из них на первом и втором уровне с подвижной частью платформы. Скорее всего, он пойдёт именно там. Вам нужно сделать так, чтобы он заехал на один из этих мостов. Но об этом позже. Как только он будет на мосту одному из вас, и это конечно будешь ты, Стив, надо о-о-очень тонко выставить линию огня по нижнему краю лыж его сновигатора, и в тот момент, когда он будет спрыгивать вниз, произвести очередь выстрелов. Задача конечно очень сложная, но в результате, в момент, пока он будет находиться в воздухе, ударами зарядов вы создадите хороший крен его кузова относительно горизонта, и по моим подсчётам он должен приземлиться набок. Стрелять нужно с близкого расстояния. Времени для прицеливания должно быть достаточно, так как двигаться он будет не очень быстро. Остаётся вопрос, как его загнать туда, на этот «Мост»?

Джек сделал паузу. Потом опустил голову и немного, подумав, продолжил.

– Попробуйте встать на его место. Вы едите на средней скорости, скажем в пятьдесят узлов, и вот впереди возникает въезд на мост. Расстояние, на котором въезд на мост становится хорошо виден, около двухсот метров, то есть до начала въезда на мост у вас остаётся на принятие решения восемь секунд. Вы следуете за ним по обеим флангам с любым удобным для вас отставанием, так как ваш скоростной режим более универсален. Предположим, что в тот момент, когда до моста осталось сто метров, то есть четыре секунды, вы находитесь на расстоянии всего нескольких метров сзади. И вот он начинает выполнять манёвр обхода моста. Как сделать так, чтобы в течение четырёх секунд он изменил своё решение и резко отвернул на мост? Я считаю, что для реакции его психики будет абсолютно естественным уход от аварийного столкновения с другой машиной. Если слева будет идти Стив, так как платформа моста поворачивается влево, то справа будет идти Coldy. Стив нам нужен для правильной атаки, а вот Coldy нам не нужна, поэтому её мы используем для сложного и внезапного манёвра, который спровоцирует Зордакса на резкое выруливание на мост. Как это сделать? Coldy необходимо ровно за четыре секунды, плюс – минус одна-две секунды, ускорится на форсаже, пройти вдоль сно-вигатора Зордакса вперёд и подрезать его справа – налево быстро и глубоко, чтобы оказаться на левой стороне перед

Стивом, но в тоже время и вплотную перед Зордаксом. Здесь самое главное не столкнуться друг с другом. Если Зордакс чуть-чуть наедет на тебя «Coldy», то это будет даже лучше. Это точно заставит его вырулить вправо на мост. А ты, Стив, можешь сделать несколько выстрелов в снег перед его машиной в тот момент, когда начнётся заваруха. Это создаст дополнительный эффект беспокойства и паники. Дальше вы знаете, что делать. А теперь я хочу, чтобы вы задали мне вопросы.

– Джек, – спросил Стив, – а почему ты решил, что Зордакс начнёт обходить «Мост» с левой стороны, а не с правой, где будет находиться Coldy?

– Это хороший вопрос, сынок! – улыбаясь ответил Джек, – понимаешь, в каждом деле есть определённая доля случайности. И вот я скажу тебе, что из-за очень маленькой доли случайности Зордакс действительно может отвернуть в другую сторону. Кстати, он и сам может принять решение захватить на мост самостоятельно без принуждения и это тоже случайность. Но есть такая вещь, как статистика и по статистике его тренировочных заездов, а также по статистике заездов остальных пилотов российской группы, а также по статистике всех участников турнира, вы все почему-то стремитесь объехать эти мосты, да и другие препятствия с левой стороны. Не догадываетесь почему?

– Нет, Джек, объясни, – ответил Стив.

– Потому что у вас всех привычка от вождения автомоби-

ля, обгонять впереди следующие на трассе машины по левой стороне. Во всяком случае, другого лучшего объяснения я найти не могу. Хотя, ты знаешь, там ещё фактор радиусной разницы поворота должен срабатывать. По правой стороне расстояние типа больше, чем по левой. Вы же двигаетесь по дуге в этой зоне, но это не значительно. Значительна привычка, особенно в напряжённых ситуациях, так что удачи!

– А что будет, если мы его там не собьём, Джек?

– Переключайтесь лучше на кого-нибудь другого. Не стоит привлекать особого внимания публики слишком навязчивым отношением к российской стороне. Если он возьмёт этот участок, то пусть победа остаётся за ним, хотя в принципе можно попробовать выполнить то же самое на «Угловой платформе». Но, во-первых, у вас вряд ли получится ещё раз его так развести, а во-вторых, подъём платформы на такой скорости с учётом его веса будет абсолютно не эффективным с точки зрения внезапности и сложности в удержании равновесия при движении из-за изменения угла крена кузова относительно горизонта.

В кабинете прошло некоторое молчание среди присутствующих, и Джек определил его для себя, как показатель отсутствия ещё каких-либо дополнительных вопросов у собравшихся.

– Что ж! – завершающе и с некоторым восторгом в голосе сказал он, – вы всё знаете, и у вас всё получится! А теперь идите и надерите этим выскочкам их антарктические задни-

цы! Пусть они хорошо запомнят, кто здесь хозяин! Вперёд!!!

И Джек нажал на кнопку устройства, которое погасило сенсорный экран и медленно подняло его к потолку, одновременно наклоняя в горизонтальное положение, а потом окончательно прилепило плоскость экрана к поверхности потолка, мобильно расположив его наверху.

Пилоты разошлись. Следующий этап происходил уже на трассе. В шестой заезд вместе с Зордаксом вышел Найджел Бейкер и Арвид Хулко. После того как вся тройка довольно благополучно к всеобщему удивлению покинула сектор «Carcass», Зордакс почувствовал небывалый прилив уверенности в собственных возможностях, так как по внешним признакам предыдущие атаки «охотников» были точь в точь такими же, как он их себе и представлял. Несколько раз зашедший сбоку Джокер, получил хороший и надёжный отпор очередями из энергомёта и больше не приставал. Второй пилот Малыш Хью тоже сделал несколько попыток обстрелять Зордакса сзади, после чего отвалился в сторону и изменил курс на другую цель. В результате оба охотника по очереди потратили время и существенно отстали от двух других «жертв», которые уже не получилось результативно догнать для обстрела.

Зордакс продолжал движение размеренно и довольно. Машина тяжело падала, подсакивая на невысоких неровностях заснеженных площадей, и сильно ударяла плоскостью лыж о поверхность снега. В целом манера такого движения

была похожа на гигантские шаги большого великана, которому действительно ничего не в силах помешать. Оставалось только правильно направлять машину, выверяя курс следования, чтобы не уходить в ненужные блуждания по трассе, стараясь делать общий маршрут покороче. Зордакс так расслабился, что когда в секторе «Р» к нему вдруг сзади пристроились два охотника сразу, он даже не обратил на них особого внимания. «Что, ещё захотели, красавцы?!» – сказал он вслух и вильнул сновигатором влево – вправо, чтобы подраздразнить непрошенных попутчиков. «Охотники» синхронно среагировали на манёвр и вернулись в исходную позицию. «Что им надо?» – опять спросил Зордакс сам у себя. Впереди показался подъём на мост. «Таак! Что-то мне это не нравится. Может, они что-то замышляют?» – подумал Зордакс, – «Но что? Что они могут здесь сделать? Лучше обогну препятствие от греха подальше». И сновигатор начал медленно уходить влево. Вдруг ни с того ни сего перед Зордаксом пронеслась на форсаже Coldy и вырулила прямо перед ним в левую сторону. «Ааа! Ты дура что ли?!» – зарорал Зордакс на всю кабину, – «Идиотка, куда ты лезешь?!» И Зордакс резко вывернул штурвал вправо, чтобы уйти от прямого удара в корпус её сновигатора сзади. «Совсем тупая, не соображает ни хрена! Хоть бы почитала сначала, с чем дело имеет, – я же разломаю тебя пополам собственным весом!» – продолжал болтовню Зордакс, заезжая на «Мост». Машина спокойно прошла сто пятьдесят метров, за это вре-

мя мост отклонился в сторону всего на тридцать градусов. Зордакс мысленно сосредоточился на прыжке с высоты двух с половиной метров. Скорость была пятьдесят семь узлов, он оторвался от края и в этот момент почувствовал два сильных удара и резкий угловой поворот в левую сторону относительно горизонта. Картинка в лобовом стекле крутанулась и Зордакса ударило со всей силы о поверхность снега, левой стороной корпуса, перевернув набок его «Strict Suppressor».

– Задача выполнена! – прозвучало короткое сообщение в радио эфире «охотников» сквозь шипение и треск.

– Поздравляю! Возьмите ещё одну цель! – прозвучал такой же лаконичный ответ.

«Охотники» начали ложиться на другой курс, теперь они преследовали самого последнего, того, кто был ближе всех, и это был финн.

В результате в течение следующих тридцати минут, американцы успели догнать вдвоём Арвида и сняли ещё и его перед самым финишем, когда он замешкался на «кручёной платформе» под снежным шквалом от шнековой машины «Snowstorm». Для него это было последней неудачной попыткой добиться победы на этом турнире. Больше возможности пройти трассу у него было, поэтому он стал первым из всех участников, кто потерпел окончательное поражение, в отличие от русских, у которых был ещё один шанс, и он по иронии судьбы выпал на долю Хэлбокса. А британец дошёл до финиша и, таким образом, одержал в этой гонке победу.

ГЛАВА XXIII. НУ ЧТО, КРАСАВЧИК?

– Ну что, красавчик?! – громко спросила Coldy у Хэлбок-са, подойдя к нему сзади, – ты готов сразиться с любовью всей своей жизни?

Хэлбокс стоял в главном зале около большого витража и смотрел куда-то вперёд на белую пустыню, исчерченную лыжами. Он прекрасно осознавал сейчас всю остроту превосходства Джейси и чувствовал себя как зверь в клетке без шансов на освобождение. «Вроде в любви признался» – подумал он про себя, – «Всё сделал, как надо. Зачем она так со мной? Хотя да, – всё это сопли. Необходимо взять себя в руки. Нельзя раскисать, надо идти вперёд, а там уж, как получится».

– Каким образом я до тебя дойду? – спросил он спокойно без колебаний.

– Я же тебе сказала уже, не беспокойся, ребята тебя пропустят. Ну, постреляют чуть-чуть, как вон в вашего Зордакса в первом секторе. Доедешь, куда ты денешься?

– А дальше что?

– А дальше посмотрим. Останемся один на один. Ты же хочешь остаться со мной один на один? Карусель Дяди Сэма полна сюрпризов, мало ли где я захочу тебя убить, в переносном смысле конечно. Ты мне поддашься. Ведь ты же любишь меня, не так ли? Я одержу окончательную финальную

победу над вашей командой. И всё. Потом мы встретимся, купишь билет до Америки, – на этом месте Coldy немного засмеялась, – прилетишь ко мне, мы поженимся, нарожаем детей и будем жить долго и счастливо. Ты ведь этого хотел? Главное точно знать, чего ты хочешь, чтобы потом не пожалеть. Я не хочу потом жалеть, Виктор, понимаешь? В общем, давай, я буду ждать тебя.

И Coldy на прощание нежно положила руку Хэлбоксу на плечо. Хэлбокс стоял с очень сложным коктейлем внутренних чувств. Одна их половина была явно от стоящего на эшафоте приговорённого к повешенью преступника, другая от самого счастливого любовника и семьянина на свете. Барабанная дробь уже застучала и вот теперь остались считанные секунды до того, как с ним совершат это ужасное действие, сатирически напоминающее идиотский трюк в цирке садистов. Перед глазами опять замаячил тот же злобный тролль, пытаюсь пробиться своей навязчивостью сквозь здравый смысл и твёрдое сознание Хэлбокса. Он даже будто издеваясь постукался какой-то большой деревянной ложкой обо что-то стеклянное, как о дверь, оставив этот жест прощальной шуткой в качестве своей безысходности от тщетных попыток добиться встречного внимания. От такого глюка Хэлбокс даже основательно протёр ладонью лицо со лба до подбородка, после чего развернулся и пошёл в сторону столовой на обед.

ГЛАВА XXIV. ПОРАЖЕНИЕ ХЭЛБОКСА.

Старший брат Хэлбокса проходил военную службу в спецподразделении снайперов. Однажды в юности Хэлбокс задал ему очень странный вопрос: «Если бы ему приказали ради спасения страны убить из снайперской винтовки невинного младенца, чтобы он сделал?» Брат ответил ему очень коротко и по-армейски просто: «Если бы мне отдали такой приказ, то я сначала бы выполнил его, а потом уже думал». Почему-то сегодня перед гонкой Хэлбокс вспомнил именно про этот вопрос.

На старте стояло три разогретых машины: «Progressor» Хэлбокса, «Red Dragon» Вэй Пинга по прозвищу Кио и «Snoslag» Ларса Олофсона. Хэлбокс повернул голову в сторону китайского пилота, – Кио был весел и приветливо помахал ему рукой. Хэлбокс ничего не сделал в ответ, а просто повернул голову в обратную сторону. Прошла команда на старт.

Первые минуты гонки Хэлбокса привели в некоторое замешательство. Всё вокруг засуетилось, замигало и заёрзало. Он осознал, что явно тормозит своей реакцией в происходящем, это было плохо, и он резко начал приводить своё сознание в порядок. Такие состояния, их последствия и методы борьбы с ними описывались в учебной литературе о поведении на скалах. Из «охотников» никого на хвосте не было, трасса была для него свободна. «Значит это правда!» – подумал Хэлбокс, – «И всё будет так, как скала Джейси».

«Охотники» между тем основательно взялись за шведа, видимо пойдя на принцип не дать выйти ему на этот раз даже из первого сектора. «А во втором секторе Снеговик конечно же возьмётся за китайца» – сделал для себя вывод Хэлбокс.

Машина шла, проходя и огибая препятствия, с каждой минутой приближаясь к тому самому месту, где должно было всё произойти. Хэлбокс осознавал, что сейчас, в данный момент его личные переживания абсолютное ничто по сравнению с переживаниями оставшихся на станции пилотов его команды, которые сейчас горячо болеют за него. К ним добавились члены командования, полковник с его острыми словечками и выражениями, подполковник Сударева и многие другие, кого он знал по программе «Polar Navigation». Потом он начал осознавать, что ведь на самом деле вся страна сейчас смотрит на него и глубоко надеется на то, что всё-таки он победит в последнем заезде и спасёт тем самым престиж своей Родины. «А вот и он», – увидел Хэлбокс финишную прямую сектора «Carsscass». «Интересно», – подумал Хэлбокс, – «О чём сейчас думает Джейси?»

Спустя несколько минут он увидел за собой хвост. Это была она, а Снеговик и правда направился за китайцем. Прошла очередь выстрелов, Хэлбокс ушёл в сторону. Затем вторая, Хэлбокс снова среагировал на уклонение. Третья, четвёртая... «Сколько это будет продолжаться?» – подумал он, – «Неужели она не придумала, как закончить всё это быстрее?»

Машины прошли первую зону препятствий «Blinds» и теперь двигались под постоянным обстрелом «снежков» и периодически возникающими взрывами «мин», виляя корпусом туда – сюда и постоянно уходя от встречного шквала снежных масс, летящих в лобовое стекло и затрудняющих видимость.

«Она наверно хочет довести меня до самого конца трассы, чтобы это выглядело как максимальный предел эмоций в развязке всей этой драмы», – подумал он, заходя во вторую зону препятствий «Blinds». Дальше начались «Безумные шары» с «Угловыми платформами» и «Кручёными дисками». «Что же ты делаешь Джейси?» – начал уже серьёзно переживать Хэлбокс, – «Неужели это такая проблема – просто догнать и выстрелить несколько раз в упор?» Внезапно начали раздаваться сильные разрывы позади машины. «Ага, вот и началось, наконец-то. А я уж думал, что не дождусь этого момента», – продолжал Хэлбокс размышления внутри себя.

До финиша оставалось несколько подсекторов. По мнению Хэлбокса эти внезапные атаки позади должны были быть намёком на его шаги к полнейшей капитуляции. Надо было что-то сделать, что-то предпринять, чтобы облегчить задачу Джейси и закончить уже это надоевшее до боли представление. Хэлбокс выровнял машину, поддал немного скорости, резко выпустил правый лыжный упор и применил экстренное торможение правым реверсным крылом. Машину резко развернуло на сто восемьдесят градусов. Хэлбокс

остановился и увидел приближающийся сновигатор Джейси. Голограмма крестовины прямоугольного объёмного контура 3-D прицела чётко стояла на её правом аэродинамическом крыле, ждать больше было нельзя, Хэлбокс автоматически поднял гашетку спусковой кнопки и выдал две очереди подряд из спаренных стволов «двойки». Правое крыло «Антарктического Фантома» разлетелось в клочья с ним вместе оторвало и правый ствол орудия, который налету очень весело успел несколько раз крутануть сальто вперёд. Хэлбокс выжал форсаж и принял меры на резкий разгон с разворотом в сторону финиша. Coldy на скорости пронеслась мимо него. Он не успел заметить, как она отреагировала на то, что произошло. Её сновигатор по инерции продолжал двигаться вперёд, понемногу уходя в сторону из-за разницы воздушного сопротивления по бокам. Хэлбоксу даже пришла в голову совсем идиотская мысль от безысходности его поступка и внутреннего состояния, – подъехать ближе и выстрелить ещё раз по второму крылу для симметрии. Он иногда действительно внутренне так юморил сам с собой и сейчас это вкуче со всем остальным походило на состояние того самого зверя, которого так и не выпустили из клетки, а он ещё для пущего эффекта сошёл с ума. Хэлбокс, конечно же, не стал больше ничего делать, а просто направился к финишу и через несколько минут покинул Карусель Дяди Сэма.

Драма была разыграна. Хэлбокс потерпел поражение, только на этот раз поражение было не турнирным, а его

личным. Это было самое сильное личное поражение за всю жизнь Виктора Удочкина, но теперь он точно знал, что сегодняшним вечером будет ликовать вся Россия.

ГЛАВА XXV. ИСХОД.

– Если этот засранец сейчас не выстрелит, то я не знаю, что я с ним сделаю, по его возвращению на станцию! – злобно комментировал Зордакс гонку Хэлбокса в конце второго сектора.

– Да что ты говоришь! Надо же! – возразила ему Кэтрин в той же интонации, – я бы на твоём месте вообще молчала, в тряпочку причём. Когда к тебе обратились от имени всей команды и каждого из нас, ты задрал свой нос и, захлёбываясь от собственного эго и амбиций супергероя, решил сделать всё по-своему. А теперь значит, после того как ты сам прорезал свой заезд, у тебя голос общественного сознания прорезался и ты решил выступить со своим мнением?! Отличный ты чувак, Зордакс, удачи тебе! Пусть Хэл делает, как хочет, а если ты вдруг, ну кто тебя знает, что ты за дурак, решишь устроить здесь какие-нибудь наказательные процедуры, то я буду первая, кто примет участие в твоих похоронах.

Зордакс молчал, он знал, что не прав и знал Кэтрин, от которой можно было всего ожидать, включая жёсткие потасовки с применением особо запрещённых приёмов боевого самбо. Последней её жертве такого же формата, как и он, за-

казывали челюстно-лицевого хирурга.

Вся команда молча стояла в главном зале среди остальных присутствующих и не отрывала взгляда от одного из трёх больших экранов, на который транслировалось видео заезда сноувигатора Хэлбокса с трёх камер по очереди, включая основную главную камеру с квадрокоптера, который постоянно преследовал каждого из участников заезда.

Остальные зрители тоже были напряжены. Всем было интересно, чем же закончится эта завершающая турнир гонка. На трассе развернулось сразу три серьёзных боя: швед никак не мог покинуть первый сектор, и уже расправившись с одним из «охотников», пытался сделать что-то со вторым, но видимо был уже основательно измотан и повреждён. Кио упорно отстреливался от Снеговика, но тоже тщетно и, по-видимому, его ждала судьба Лу, когда самоотверженный бой насмерть забирает обоих участников.

– Ты тоже заметила эту странность? – спросил Джонс у Фрэй.

– Ты о том, что Хэлбоксу дали пройти так далеко?

– И не только. Его намеренно оставили один на один с этой американкой.

– Думаешь, это было подстроено?

– Это очень подозрительно. Думаю да.

– И что ещё ты хочешь сказать?

– Думаю, это их обоюдный сговор.

– Сговор с целью проиграть гонку?

– А зачем ещё так далеко отпускать приоритетную цель со слабым бойцом?

– Она не слабый боец.

– Не имеет значения. Что они там делают вдвоём? Они здесь вдвоём, они там вдвоём и она едет через весь сектор и просто изображает огневое преследование, чтобы в конце получить поражение? Они хорошо знают его подноготную, если позволили ему свободно общаться с ней, а значит, с их стороны было бы глупостью просто так отпускать её вместе с ним к финишу.

– Так, и что ты хочешь сказать, что наш Хэлбокс сдал гонку, а вместе с ней и всех нас с потрохами?

– Ну, пока ещё результата нет, есть только предварительные выводы.

– Хорошо, а если так, то что?

– Значит мы потеряем одного человека из группы. Да я думаю, что он и сам уйдёт сразу. Ты бы как на его месте договорилась?

– Я не знаю, а ты?

– Я бы уехал с этой подругой в США, а что ещё может быть?

– Ладно уехал, так уехал, посмотрим, чем дело кончится.

В этот момент на экране произошла резкая смена сценария и по станции прокатилась волна торжественных возгласов.

– Я ничего не понимаю! – сказал Джонс, быстро повышая

уровень своего радостного настроения на ходу, – они, что наоборот всё подстроили? В нашу пользу?

Фрэя засмеялась.

– Я не знаю!

– Так, ладно, по-моему, можно готовиться к поздравлению! Не просто же так он ей всю правую сторону снёс?

Джонса всецело захлестнуло ажиотажем победы. Он практически только не прыгал от счастья на месте.

– Что ж! Можно идти встречать победителя! Ура!

Команда начала с радостью поздравлять друг друга, и вот уже Ричард Уорд торжественно объявил победу за Российской Федерацией как первый результат шестого турнирного заезда. По всей станции гости из России начали поздравлять друга, некоторые бежали из центральной аудитории в главный зал, чтобы поздравить с победой своих коллег и знакомых. Начали массового раздаваться звонки мобильных телефонов. Люди делились новостями и впечатлениями. Журналисты и фотографы оживились и начали готовиться к встрече победителя при входе на станцию. Но, к сожалению, для некоторых других присутствующих настроение было как нельзя хуже. Китайский пилот не смог справиться со своим противником и героически пал на поле боя под грустные негативные возгласы гостей из Китая. Швед тоже не осилил двоих «охотников» сразу и остался в последней зоне сектора «Carcass», но их стороне было уже в принципе всё равно, так как они одержали победу в самой первой гонке, и хорошо

показали себя в этом заезде, как уверенные бойцы. Под конец сражения, когда Ларс Олофсон потерял возможность вести прицельный огонь, он просто разогнался и взял на таран боковую часть сновигатора второго американского пилота, хотя по правилам такие манёвры были не совсем разрешены, аналогично дракам на льду во время хоккейных матчей.

Программа на продолжение вечера была предположительно ясна, - торжественный банкет, спиртное закуски и долгие разговоры до самого утра.

Приглашённые на турнир лица уезжали со станции завтра после обеда. С утра до обеда должно было пройти официальное закрытие Турнира. В целом программа по его проведению с принятием гостей была успешно закончена в «Big Father House», все были довольны, касса тотализатора полна, а американский «крючок спортивно-боевого шоу» прочно зацепил сознание масс и теперь в качестве удачного улова вытаскивал из рутины приготовлений жирный престиж страны, ярко блистающий разными цветами на солнце. И даже Арвид Хулко, который оказался единственным проигравшим из всех одиночных команд стоял, как ни в чём не бывало, и радовался за победителя российской стороны вместе со всеми. Теперь, наконец-то, все ограничения в общении между пилотами были сняты и они могли свободно общаться друг с другом.

Среди всех этих бурных всплесков торжества все люди делились на две категории: одни были рады победе, а дру-

гие переживали тяжесть поражения, но среди всех был только один человек, который сейчас испытывал самое ужасное для него и никогда ещё до этого не знакомое чувство горечи от победы. Он вообще не был рад этой победе, хотя в тот момент являлся главным героем своей страны. Его внутреннее состояние нагнетало ещё сильнее и то, что при этом ему необходимо было улыбаться вместе с остальными, как будто он действительно рад и счастлив. Ему не было стыдно за брошенные на ветер слова о любви, потому что они были искренними, и ему было, что ответить на возможный упрёк в его сторону. Но в целом он сейчас переживал острую внутреннюю драму, как если бы ему отрезали обе ноги и весело праздновали это событие, заставляя и его радоваться и смеяться вместе с остальными.

На вечернем вручении наград, когда всех пилотов опять построили в главном зале, он постоянно пытался заглянуть в лицо Джейси, чтобы хотя бы приблизительно узнать для себя её отношение, но она совершенно не смотрела в его сторону и, надев на голову командную бейсболку, очень низко опустила козырёк вниз.

Позже вечером, когда вся российская группа осталась на празднование победы, Хэлбокс пожаловался на переутомление и головную боль, чтобы сбежать к себе в номер и остаться один. Как только он зашёл к себе в комнату, то сразу же упал на кровать лицом вниз, раскинув руки по сторонам. Ему хотелось плакать от боли и горечи, но мужская выдержж-

ка и хладнокровный стержень делали из него что-то наподобие тупого деревянного солдата Урфина Джуса, который просто физически не мог выдавить из себя слезу, а эмоции в деревянной оболочке пропадали и гасли, как электрический ток в контуре заземления. Так он и лежал, не шевелясь и стараясь не думать ни о чём, чтобы от этого не сделать себе ещё больнее, как если бы ему приходилось шевелить переломом кости, и она сразу же начинала нестерпимо хрустеть где-то внутри его тела. На данный момент это было самым лучшим его условием пребывания в сознании. Так он и заснул спустя ещё некоторое время.

Что касается Джейси, то здесь тоже было не всё в порядке. Её напарники по команде вообще боялись сделать что-нибудь лишнее, чтобы случайно не нарушить её условно стабильное состояние. Они очень аккуратно вели себя, когда она была рядом, бросая друг на друга испуганные взгляды.

– Тебе надо выпить, – очень спокойно, размеренно произнёс Джек Райт, протягивая ей стакан с виски. В его голосе была очень профессионально отработанная нотка приказного садизма, которая действовала на психику человека, сразу приводя его в экстренное состояние повышенной ответственности, и вперемешку с аккуратным и даже нежным обращением действовала, как сильное успокоительное.

Coldy опорожнила стакан, а Джек налил ей ещё и продолжил:

– Ты хорошо поработала, детка, а мальчики хорошо по-

старались за тебя, поэтому суммы ваших денежных вознаграждений вызывают очень серьёзную зависть, по крайней мере у наших ребят из Офиса Системного Контроля. Вот, возьми, это тебе велел передать Билл Фишер.

Джек протянул ей банковский чек. Coldy взглянула на цифру и сделала ещё один уверенный глоток.

– А теперь послушай меня. Ты же знаешь, что если старина Джек что-то говорит, то это именно так, правда?

– Да, это правда, Джек! – уверенно, но тихо произнесла Coldy.

– Так вот, старина Джек говорит тебе, что тот паренёк сейчас валяется у себя в комнате на кровати в глубочайшей депрессии с такими же чувствами, как и у тебя, до того, как ты выпила стакан виски и увидела сумму в чеке, только помноженными в десять раз. Его состоянию сейчас не позавидует даже ветеран иракской войны, которому оторвало ноги пехотной миной. И уверяю тебя, что это состояние пройдёт у него не скоро. Это говорит о том, что этот паренёк теперь твой. Это ты забрала его нормальное состояние, и он по-прежнему будет находиться в твоей власти. Я сейчас говорю тебе это для того, чтобы ты сама не испытывала на себе такое же состояние, потому что тебе не из-за чего переживать. Плюс ко всему у тебя есть этот чек и никто здесь на тебя не в обиде.

– Спасибо, Джек! Что я должна теперь делать?

– По мне так всё равно! Хочешь – можешь купить себе

винтовку «Barrett M99» и с расстояния одной мили снести ему башку, но только, чтобы я не видел здесь твоих слёз. Потому что в противном случае я сам сделаю это из своего «Кольта Девятнадцать – Одиннадцать».

У Джейси наконец-то проскочил небольшой смешок. Джек тоже сделал более доброе выражение лица и улыбнулся.

– Спасибо, Джек! – сказала Coldy.

– Всё в порядке, – ответил он, – иди – позови остальных, я их тоже обрадую.

На утро, сидя на завтраке Хэлбокс насильственно пытался запахать в себя круасан с кофе.

– В чём дело Хэл? – спросил его Вэндэр.

– О чём ты? – ответил Хэлбокс.

– Нет, ни о чём, – передумал расспрашивать его Вэндэр, чтобы не сделать ещё хуже, – но, думаю, тебе стоит выпить по возвращению домой.

– Я так и сделаю, – без эмоций ответил Хэлбокс, в его голосе чувствовалась подавленность.

– Постарайся вести себя непринуждённо, чувак, – серьёзно продолжил Вэндэр, – твой сговор с ней никому не понравится, ты ставишь себя в опасное положение своим явным равнодушием к победе.

– Серьёзно? – с тем же равнодушием спросил Хэл.

– Скажу тебе сразу, если бы ты вчера проиграл, тебя выкинули бы с позором не только из программы, но и из ар-

мии, и скорее всего из круга большей части твоих хороших знакомых.

– За что? – ущербно протянул Хэлбокс.

– За предательство Родины, Хэл, за предательство Родины. Всем плевать на твои сопли на самом деле, здесь нет дураков и все всё хорошо понимают, но не надо ухудшать ситуацию. Никто не хочет участвовать в твоём трауре по поводу того, что ты не слил нас как говно в унитаз, понял?!

– Я понял! – уже более жёстко ответил Хэлбокс.

– Вот и хорошо раз понял! Давай, кушай и пойдём выпьем, поиграем в бильярд, я тебе расскажу, как на «Востоке» полковник обрадовался. Всё хорошо, Хэл. Ты молодец! Ты нас не предал.

Продолжение следует...